

РУТ БАКИ-КОЛОДНЫЙ

«ЕСЛИ ТЫ ПОЙДЕШЬ СО МНОЮ...»

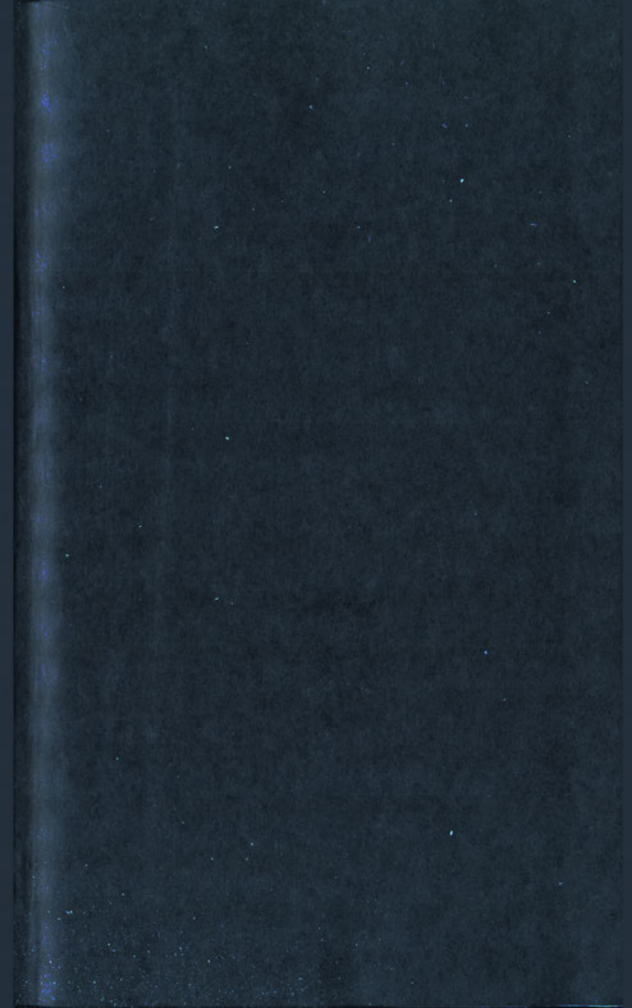
РУТ БАКИ-КОЛОДНЫЙ

«ЕСЛИ ТЫ ПОЙДЕШЬ СО МНОЮ...»

ИЗРАИЛЬ ВОЙНА И МИР

Книга рассказывает о полной событиями жизни Ольги Белкинд – акушерки по специальности, супруги выдающегося представителя первой алии Иегошуа Ханкина. Иегошуа Ханкин был известен как «скупщик земель» – на землях, приобретенных при его посредничестве, была построена значительная часть городов и поселений сегодняшнего Израиля. Его деятельность вряд ли увенчалась бы успехом без активной поддержки и постоянного совета его жены Ольги.

*«И сказал ей (Деборе) Барак: если ты пойдешь
со мною, то я пойду»*

Книга Судей (Шофтим) 4:8

РУТ БАКИ - КОЛОДНЫЙ
«ЕСЛИ ТЫ
ПОЙДЕШЬ СО МНОЮ...»

Г Е Ш А Р И М
И Е Р У С А Л И М
5762

МОСТЫ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2002

רות בקי קולודני
אם תלכי עמי
סיפורה של אולגה חנקין

Рут Баки-Колодный
«ЕСЛИ ТЫ ПОЙДЕШЬ СО МНОЮ...»
(документальная повесть)

*Книга издана при поддержке Благотворительного
Фонда «Российский Еврейский Конгресс»*

*Книга издана при поддержке Американского
распределительного фонда Джойнт и
Еврейского Национального фонда, столетие
деятельности которого мы отмечаем в 2002 году*

*Издатель М. Гринберг
Перевод с иврита Дм. Сливняка
Зав. редакцией И. Аблина*

Мосты культуры, Москва
Тел./факс: (095) 792-3110,
(095) 792-3113

Gesharim, Jerusalem
Tel./fax: (972)-2-500-3422
Fax: (972)-2-993-3189

© Рут Баки-Колодный, 2002
© Гешарим / Мосты культуры,
русское издание, 2002

ISBN 5-93273-090-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Люди, проезжающие по шоссе Хайфа — Тель-Авив мимо поселка Гиват-Ольга, обычно не интересуются историей этого названия. Они, как правило, ничего не знают про Ольгу Белкин-Ханкин — жену и соратницу Иегошуа Ханкина, который скупил основную часть земель, теперь принадлежащих еврейским поселениям в Израиле.

Много уже написано об истории киббуцев и мошавов в Изреельской долине и в долине Хефер, в Нижней Галилее и в долине Иордана, об истории таких городов, как Реховот, Хадера, Гедера, Ришон-ле-Цион, Хайфа и Безр-Шева. Очень мало написано о жизни и трудах Ольги Ханкин, о ее профессиональной деятельности в качестве акушерки и ее взаимоотношениях с арабами. Цель этой книги — подробно рассказать о жизни Ольги, поближе познакомить с ее биографией всех, кто любит нашу страну.

Эта книга не вышла бы в свет, если бы не ободрение и поддержка моих детей — Оры, Авишай, Тамар и Ноа.

Я пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить также Тамар Эшель, которая познакомила меня со своей матерью Цилей Шохам (сестрой Авшалом Файнберга), поделилась со мной воспоминаниями и предоставила в мое распоряжение замечательный фотоальбом семей Белкин-Ханкин и Файнберг.

Я считаю своей приятной обязанностью выразить благодарность Шломо Мусману за экскурсии по Яффе и

окрестностям и за уникальный материал, которым он со мной поделился, когда я писала книгу.

Я благодарю также сотрудников Национального фонда Израиля — в первую очередь председателя дирекции Моше Ривлина, Шимона Бен-Шемеша и доктора Габи Александера. Узи Наркис прочел книгу в рукописи. Мне очень помогли его замечания, и ему моя особая благодарность.

Рут Баки-Колодный

Глава первая

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

На улицах бесновалась метель, снег шел не переставая. Пронзительно свистел ветер и с яростью гнул ветки деревьев. В здание телеграфа вошел офицер в длинном пальто из темной шерсти. Быстрыми, нетерпеливыми шагами приблизился он к окошку, где принимали телеграммы. В то утро он был очень зол — из-за сильного снега приостановилась прокладка железной дороги на вверенном ему участке. Солдаты, строившие дорогу, остались без дела и ударились в загул по окрестным деревням. Майор Сергей Федоров, высокий энергичный мужчина, решил дать телеграмму в управление железных дорог в Москве и просить указаний, как быть дальше.

На телеграфе собралось много народу. Преобладали чиновники высоких рангов и офицеры. Им одним разрешалось пользоваться технической новинкой — слова стало возможно перевести в черточки и точки и с молниеносной скоростью послать в любой уголок России. Майор нетерпеливо склонился над окошком, снял фуражку, стряхнул с нее снег на стойку и, не глядя на барышню-телеграфистку, принялся диктовать: «Генерал-губернатору Владимиру Нос...»

«Помедленнее, пожалуйста», — пробормотала барышня, не поднимая головы. Ее черная коса была уложена венцом.

«Очень уж медленно вы работаете!» — вспыхнул майор.

Барышня перестала выстукивать черточки и точки и подняла взгляд на майора. Глаза у нее были большие и черные. У офицера было широкое лицо и светлые, коротко подстриженные волосы. Пшеничные усы слегка свисали над полными губами. Нос с небольшой горбинкой, и вид самый внушительный. Одним словом, красавец.

«Ну, если вы так считаете, садитесь и печатайте вместо меня», — решительно заявила барышня и встала со стула.

Майор зажал фуражку под мышкой. И проглотил слова, готовые было сорваться с языка. Его поразила дерзость девушки.

«Если вы работаете быстрее меня, — с расстановкой повторила барышня, — не возражаю, займите мое место».

Майор не привык, чтобы ему перечили, тем более женщины. Он так и стоял молча. Барышня повторила предложение в третий раз. Злость у майора сменилась удивлением. Неожиданно для самого себя он улыбнулся. В его улыбке было столько же непосредственности, сколько желания смягчить суровость барышни. Он был опытен в искусстве очаровывать женщин и умел придавать своему взгляду самое любезное и лестное для них выражение. Сейчас он смотрел на телеграфистку почитательно и восхищенно, что, однако, вовсе не склонило ее вернуться на место.

«Как вас зовут, милая барышня?» Он пленительно улыбнулся, и она обратила внимание на то, что у него сломан краешек переднего зуба.

«Мое имя не имеет отношения к моей работе», — отрезала девушка, слегка отодвинув правую ногу. Обута она была в красные кожаные сапоги, какие совсем недавно вошли в моду и появились на рынках больших городов.

«Разрешите представиться, майор Сергей Федоров, — отрекомендовался офицер и протянул ей руку, на безымянном пальце которой поблескивало кольцо с темным сапфиром. — Так и не желаете назвать свое имя? Что ж, ладно, буду диктовать, учитывая вашу скорость. Пишите, пожалуйста: "В управление железных дорог..."»

Пальцы барышни застучали по клавишам. Майор внимательно наблюдал за ней. Движения ее были легкие и умелые, пальцы немного широковатые, но не короткие. «Ведь ей нет и двадцати, — размышлял он, — а ведет себя как зрелая женщина, знающая себе цену». Он привык к тому, что юные девушки, ровесницы этой барышни, испытывали смущение в его присутствии.

«Где же вы научились пользоваться телеграфным аппаратом?»

«Здесь, в Могилеве», — ответила барышня, не поднимая головы.

«Что вас привело в этот город?»

«Позвольте задать вам тот же вопрос — что привело сюда вас?»

«Мы, военные, отправляемся туда, куда нас посылают. Мы не выбираем, где служить царю».

«Да, вся беда в том, что вы царские слуги».

«Россия — страна царская». Майор хотел было продолжать, но его остановил внимательный взгляд барышни, которая вдруг перестала отстукивать текст телеграммы. «Россия должна принадлежать народу, а не царю», — сообщила она, серьезно глядя на майора.

Федоров, конечно, слышал о народниках. Это были молодые люди из хороших семей, которые бросали дом и учебу и уходили жить к крестьянам в деревню. Он и представить себе не мог, что эта девушка — одна из них или хотя бы их единомышленница, и был поражен ее прямоотой. В его кругах считалось, что народники отличаются скрытностью и действуют тайно, поскольку их деятельность противозаконна. Поэтому откровенность, проявленная барышней по отношению к царскому офицеру, еще больше возбудила его любопытство.

Удивляло майора и то, что такая молоденькая девушка хорошо освоила телеграфный аппарат, который в те времена был еще редкостью. Это сейчас поставило его, офицера высокого ранга, в зависимость от ее расположения.

«Что вы сказали, барышня?» — переспросил он, невольно переходя на шепот.

«Я сказала, что офицеры должны служить народу, а не царю. Царь без народа ничего не стоит, а народ много

чего стоит и без царя. Диктуйте дальше, если хотите, чтобы телеграмма дошла побыстрее. Вы ведь торопитесь?»

«Уже нет, милая барышня. Мне очень интересно беседовать с вами. Вы — личность неординарная. С вами я отдыхаю от рутины».

«Рутина губит русский народ. Он должен наконец пробудиться и поверить в свою силу, в могущество своего труда, в то, что правители зависят от него, а не наоборот. Это ведь народ, а не его господа печет хлеб, строит дома и прокладывает железные дороги».

При упоминании о железной дороге майор чуть заметно улыбнулся. Барышня же снова принялась отстукивать текст. Медленно продиктовав телеграмму до конца, Федоров осведомился, когда можно ожидать ответного сообщения.

«Приходите через час», — сказала барышня. Чуть-чуть помедлив, он направился к выходу.

Глава вторая

СВЯЗИ

Ольга Белкинд поступила работать телеграфисткой после окончания гимназии. Это была независимая и самобытная девушка. Детство ее прошло в городке Лагойске. Там она училась в хедере своего отца рабби Меира Белкинда и многое узнала о Святой Земле из библейских рассказов о Иегошуа, разрушившем стены Иерихона, о доблестном герое Йифтахе и о пастухе Давиде, ставшем царем Израиля. Особенно нравилась Ольге пророчица Девора — энергичная властная женщина, которая вершила суд над народом Израиля и вдохновляла полководцев на войну. Единственная девочка в хедере, Ольга выделялась сообразительностью и остротой ума. В семье Белкиндов она была первенцем. После нее на свет появилось еще четверо детей: Фанни, Исразель, Шимшон и Александра, которую все звали Соней.

Когда Ольге было около четырнадцати лет, отец решил, что детям надо учиться в гимназии, и семья переехала в Могилев. Там Ольга сблизилась с народниками. Среди ее подруг были девушки из знатных семей, которые против воли родителей пошли работать на фабрику или учились на курсах, чтобы получить нужную народу профессию акушерки или санитарки. Работая телеграфисткой, Ольга тоже мечтала о деятельности, более полезной для народа. Ей хотелось стать акушеркой и помогать женщинам при родах. В те времена женщины рожали дома, и смертность новорожденных была

очень высока. Родители, однако, не понимали желания дочери и пытались отговорить ее.

«Почему ты хочешь непременно быть акушеркой? — спрашивала мать. — Уж лучше всерьез изучай медицину, если хочешь помогать людям».

«Женщине невозможно получить на это разрешение, — убеждала ее Ольга. — Ни в одном университете — ни в Киеве, ни в Харькове, ни в Москве — женщины не позволят учиться на врача. Зато в Петербурге есть курсы акушерок и сестер милосердия».

«Это верно, — вынуждена была признать госпожа Белкинд и добавила: — Только ведь евреям нельзя там жить».

Действительно, Петербург был запретным городом для евреев, они имели право находиться в черте города не более суток. Если же кто-нибудь из жителей города попадался на том, что у него незаконно проживают евреи, его подвергали штрафу, а то и надолго заключали в тюрьму. Поэтому ни частные лица, ни хозяева гостиниц не осмеливались давать приют опасным гостям.

Ольга пробовала с помощью связей получить право жительства в Петербурге, но до сих пор все ее попытки терпели неудачу. Тем не менее, продолжая работать на телеграфе, она использовала каждую возможность знакомства с влиятельным человеком, который мог бы составить ей протекцию в этом деле.

Он вернулся через час, и Ольга заметила, насколько спокойнее он держится и как осторожно снимает тяжелую офицерскую шапку, чтобы налипшие на нее комья снега не упали на стойку.

«Ольга — очень красивое имя, так зовут мою сестру. — Наклонившись к окошку, майор улыбнулся. Лицо девушки было совсем близко, и он вдыхал аромат ее волос. — Откуда вы родом, прекрасная Ольга?» — Он снова улыбнулся и посмотрел прямо в ее темные глаза.

«Из Могилева». — коротко ответила она.

«Девушки редко работают на телеграфе, особенно такие красивые. А как к этому относятся ваши родители?» — Он с улыбкой протянул ей розу, перевязанную красной лентой. Она подняла глаза, раздумывая, взять

ли цветок. Ее взгляд невольно задержался на полных, властных, улыбающихся губах офицера.

«Родители меня поддерживают. Они с самого начала одобряли мой выбор. Большое спасибо за розу, я люблю цветы. Однако мне неудобно принимать их во время работы».

Телеграфные аппараты трещали без умолку, извергая из себя бумажные ленты, покрытые черточками. Ольга оторвала полоску бумаги и протянула майору, пояснив, что это ответ на его телеграмму. Подумав немного, она добавила, что, по мнению ее родителей, женщина должна быть такой же самостоятельной, как мужчина. Прошли времена, когда ее мир ограничивался домом и она полностью зависела от мужа или отца.

«Я ничего не понимаю в этих черточках и точках. Пожалуйста, объясните мне», — попросил майор

«Сейчас объясню, если, конечно, моя скорость вас устраивает. Но сначала у меня есть к вам одна просьба. Судя по ответной телеграмме, у вас очень высокое звание. Телеграмма пришла из столицы, из дирекции министерства промышленности. Вы действительно руководите всеми работами в округе?»

«Я руковожу строительством железной дороги в здешней губернии, хотя место моей постоянной службы в Петербурге».

«У меня к вам очень большая просьба...»

«В чем же она заключается, милая барышня? Я сделаю все возможное, чтобы помочь вам. Такие красавицы нечасто встречаются».

«Не торопитесь обещать. Я хочу получить право жительства в Петербурге, а это противоречит закону. Я ведь еврейка».

«Я могу вам помочь, но зачем вам в Петербург?»

«Я хочу учиться на курсах сестер и акушеров, потому что полагаю: главное сейчас — это облегчать страдания ближних и помогать людям появляться на свет. В наше время в России важны только те профессии, которые несут помощь людям».

«Я сделаю все, что в моих силах, прекрасная Ольга». Майору хотелось сказать «моя Ольга», но он боялся опережать события. Воображение уже рисовало ему сцены

свиданий с необычной телеграфисткой, и, будучи опытным кавалером, он вел себя осторожно, чтобы не спугнуть ее в самом начале знакомства. Любимец женщин, он привык к легкомысленным, ни к чему не обязывающим любовным связям. Ему нравились высокие, стройные белокожие блондинки, на которых Ольга совсем не была похожа. Однако ее поведение настолько возбудило его любопытство, что захотелось помочь ей. Федорову были свойственны мягкость и даже нежность, но он не уважал девушек, легко поддающихся его чарам и ухаживаниям. Он мечтал встретить сильную женщину, которую нужно завоевывать, а не выводить из состояния обморока, вызванного его, майора, неотразимостью.

«На месте ваших родителей я бы не разрешил вам уезжать так далеко от дома».

«Это опасно?» — спросила Ольга, скользя взглядом по телеграфным лентам.

«Мир полон хищных людей».

«Я не боюсь. Я хочу учиться в Петербурге».

Глава третья

В ПЕТЕРБУРГЕ

Петербург, с 1712 года — столица царской России, находится далеко от центра страны, на берегу Балтийского моря. Построенный по приказу царя Петра Великого в 1701 году, новый город должен был служить российскому государству морскими воротами в Европу. Это назначение сказалось на внешнем облике города, напоминающего красивейшие европейские столицы.

Царство дождей и туманов, Петербург расположен на севере России. Сумрачные дни там часто похожи на ночь, а ночи иногда так светлы, что их можно принять за пасмурный день. Достоевский, живший в этом городе, хорошо описал его насмешливую обманчивость, смешение реальности и призраков, действительных ощущений и фантастических галлюцинаций. Другой великий писатель, Гоголь, также рассказывает о грезах и фантазиях, более реальных, чем сама действительность, жертвой которых человек становится в Петербурге.

Этот пронзительно таинственный город был и столицей русского искусства, музыки и литературы. Здесь жили величайшие русские писатели, музыканты и оперные певцы. Прогуливаясь по петербургским улицам, можно было увидеть Достоевского, обедающего в трактире, Чехова, спешащего в редакцию журнала «Осколки», или балетных танцовщиц, направляющихся в театр. Можно было также полюбоваться на великолепные экипажи царедворцев или на горделивое шествие царской свиты, окруженной офицерами охраны в мундирах,

отделанных золотом. В Петербурге располагалась резиденция государя, все правительственные учреждения, служба безопасности и тайная полиция. Здесь же находились и мрачные тюрьмы, в которых совершались страшные казни и многие годы томились бунтовщики, посмеявшие восстать против царя. В столице действовали также самые лучшие и прогрессивные в империи учебные заведения. При некоторых были открыты специальные женские курсы — например, курсы санитарок и акушерок, на которых так хотела учиться Ольга.

Майор Федоров помог Ольге получить разрешение на учебу в Петербурге. Занятия проходили в трехэтажном здании с зеленоватым фасадом. Вокруг размещались инженерные и военные училища, готовившие офицеров флота.

Ольга была единственной еврейкой на курсах. Среди курсанток преобладали бунтовщицы, восставшие против своих «добропорядочных» и часто знатных родителей и стремившиеся к самостоятельности. Она снимала квартиру вместе с украинкой и двумя поляками. Вскоре обнаружилось, что девушек волнуют сходные проблемы и мысли. Чаще всего они говорили о будущем поработленного русского народа, о смысле жизни в обществе, лишенном свободы, и о положении женщин. Ольга рассказывала подругам о настроениях, царивших на еврейской улице, где также шла борьба между противниками прогресса с одной стороны и просветителями и сторонниками организации «Ховевей Цион» — с другой.

Петербургская жизнь Ольги была насыщена событиями. Были среди них и печальные. Так, уже через несколько месяцев после приезда в столицу девушке довелось участвовать в похоронах всенародно любимого писателя Федора Достоевского, который умер в конце января 1881 года. За гробом писателя шли десятки тысяч людей из самых разных сословий — от священников до нищих студентов. Ольга принимала участие в траурной процессии в составе университетской студенческой делегации, куда она была избрана как представительница женских курсов.

Евреи, населявшие Петербург, были людьми особой породы: известные богачи, обладатели особо необходимых для государства профессий, образованные выкресты*... Ольга познакомилась с придворным фотографом Константином Шапиро и литературным критиком Авраамом Ковнером. Она принимала активное участие в деятельности еврейских интеллигентов-просветителей и стала своим человеком в доме Йегуды-Лейба Гордона и руководителей «Общества по распространению просвещения». Ее статьи печатались в выходившем в Петербурге журнале «Гамелиц», который предназначался для еврейской диаспоры и распространялся даже в Палестине. Евреи, однако, не были единственными петербургскими друзьями Ольги. У нее появились знакомые и среди русских дворян, благодаря которым она узнала нравы великосветского общества с его распущенностью, офицерскими балами, театральными представлениями, куда знатная публика приходила «людей посмотреть и себя показать», и пышными дворцами, стены которых были немymi свидетелями взаимных измен титулованных супругов. Ольга прекрасно знала последствия этого образа жизни, потому что постоянно сталкивалась с ними в родильном доме, где проходила учебную практику. Это было заведение, носившее имя одной из княжон Романовых. Там появлялись на свет незаконные дети знатных девушек, изгнанных или убежавших из дому, дети крестьянок, забеременевших от господ, веселых девиц, подгулявших с солдатами или офицерами, и вообще всех женщин, которые желали скрыть беременность. Два раза в неделю после полудня Ольга вместе с сокурсницами отправлялась в этот родильный дом, чтобы учиться тонкостям акушерского дела. Случалось, она помогала принимать роды у девушек, которые были моложе ее самой. А порой и ухаживала за новорожденными, пока не находилась семья, готовая их усыновить.

Через несколько месяцев после того, как Ольга начала учиться на курсах, в Петербург приехал майор Федоров.

* Выкрест — человек, перешедший в христианство из другой религии, в данном случае из иудаизма.

Для Федорова перевод в столицу означал осуществление давнего желания. После памятной встречи с Ольгой на телеграфе она постоянно занимала его мысли. Майор часто удивлялся тому, с какой силой эта молодая женщина завладела его умом и сердцем. Он, светский лев и повеса, привыкший к балам и развлечениям, все думал и думал о храброй темноглазой еврейской девушке. Он неоднократно ходатайствовал о переводе в Петербург, но всякий раз его просьба отклонялась. И вот, наконец, Федоров получил приказ вернуться в желанный город, что было вызвано внезапным решением властей о необходимости укрепления столичных сил безопасности.

Возвращение Федорова в столицу совпало с началом лета. В хорошую погоду летние дни в Петербурге бывают по-особому чудесны. Светло-синее небо прозрачным куполом нависает тогда над Невой, освещая ее мягким сиянием и превращая из серо-свинцовой в темно-синюю. Однажды таким вот полупрозрачным-полупризрачным днем Ольга с подругами возвращалась с практики, которую проходила в родильном доме. Болтая и пересмеиваясь, девушки направлялись на Невский проспект, по которому в это время дня любили прогуливаться люди, принадлежащие к самым разным сословиям. Не успели они, однако, выйти из ворот больницы, как дорогу им преградил высокий, атлетически сложенный офицер.

«Здравствуйте, Ольга», — сказал он внезапно охрипшим от волнения голосом.

Она медлила с ответом, прислушиваясь к тревожным ударам собственного сердца. В течение долгих месяцев, прошедших со времени знакомства с Федоровым, она часто вспоминала энергичного красивого офицера, которому была обязана учебой на курсах.

«Я скучал по вас», — сказал Сергей, подойдя к девушке почти вплотную и не отрывая от нее пристального взгляда.

Ольга не ответила. «И я, я тоже скучала», — хотелось ей сказать, но она молчала, скованная застенчивостью, неожиданной для нее самой. Волнение девушки не укрылось от глаз сокурсниц, которые, заметив ее состояние, поспешили оставить ее наедине с майором.

«Я не могу жить без вас», — сказал он голосом, выдававшим волнение.

Ольга наконец сумела справиться с замешательством. «Как вам удалось вернуться?» — взволнованно спросила она, взяв Федорова под руку. Она едва достигала его плеча и выглядела рядом с ним такой миниатюрной. Майор с ласковой силой притянул ее к себе.

«Сама судьба так распорядилась. Я много раз подавал просьбу о переводе, мне так хотелось быть рядом с вами. Жизнь без вас — это не жизнь».

Она обожгла его удивленным взглядом темных глаз.

«Вы позволите мне пригласить вас на ужин?»

«Да, Сергей». Ольга была охвачена волнением, в горле у нее пересохло. Ей казалось невероятным, что Федоров хотел вернуться в Петербург ради нее.

Летний день постепенно клонился к вечеру, но на улице не становилось темнее. Это был период белых ночей, когда день продолжается почти до рассвета. Вдалеке заблестели огоньки Академии. Со стороны порта донесся гудок приближавшегося военного корабля.

Они долго стояли, обнявшись, молча всматриваясь друг в друга. Потом медленно зашагали в сторону Невского проспекта, мимо гранитной скалы постамента, на котором отлитый из бронзы царь-преобразователь Петр Великий на вздыбленном скакуне словно бы указывает путь России...

«Я люблю вас. Я хочу всегда быть с вами, прекрасная моя».

Сердце Ольги забилося быстрее. Сергей, чья сила и уверенность покорили ее еще в час их знакомства на телеграфе, Сергей, который понравился ей с первого же взгляда, вернулся в Петербург, чтобы быть рядом с ней!

«Как вы нашли меня?» — спросила она с удивлением. Он снова прижал ее к сердцу.

«Не забывайте, что это мой родной город, и я хорошо знаю все здешние учреждения. Сколько курсов сестер милосердия существует в Петербурге? Только те, на которых вы учитесь, прекрасная Ольга!»

Ольга подняла голову и посмотрела на серовато-дымчатое небо. Взгляд ее скользнул по конной статуе Петра

и задержался на бронзовом скакуне, задние ноги которого словно вросли в гранитное основание, а передние были устремлены ввысь в могучем порыве. Над гигантским памятником медленно проплывали беловатые облачка.

«Вы заинтересовали и заинтриговали меня, вы внесли радость и смысл в мою жизнь, вы даже изменили меня, сами того не желая», — взволнованно произнес Федоров и нежно поцеловал Ольгу.

Девушка чувствовала, как теплые волны нежности разливаются по всему ее телу. Признание Сергея удивило ее. Она и не представляла, что имеет такое большое влияние на этого властного мужчину. Они ведь встречались всего несколько раз, да и то лишь на телеграфе.

«Ну, это вы преувеличиваете! Человека изменить невозможно, особенно взрослого», — сказала она, широко улыбаясь и глядя на него сияющими глазами.

«Может быть, и так, но с тех пор, как я вас встретил, любовные интрижки больше не доставляют мне удовольствия. Легкий флирт стал мне претить. Вообще, прежние утехы кажутся мне сейчас пустой тратой времени».

«Это значит лишь, что вы повзрослели», — ответила Ольга, слегка нахмутив густые брови.

Они подошли к одному из больших железных мостов через Неву с рядами фонарей по обеим сторонам.

«Красавица моя, посмотрите на эту воду. Она течет. Все в мире меняется. И только мужчина и женщина всегда остаются сами собой. Я люблю тебя, девочка, я люблю тебя!»

Его слова действовали на Ольгу ошеломляюще. Ее бросало в жар, руки у нее дрожали, и она поспешно спрятала их в карманах пальто. Так, не вынимая рук из карманов, она и продолжала идти рядом с Федоровым до самого Невского проспекта.

Невский проспект в это время был довольно многолюден. Проезжали, обгоняя друг дружку, нарядные экипажи и тройки, запряженные породистыми лошадьми, по тротуару расхаживали толпы гуляющих. Ольга с майором вскоре затерялись среди них. Сергей взволнованно рассказывал девушке о том, как тосковал по ней, как

забрасывал начальство прошениями о переводе в Петербург и о своей новой должности в службе безопасности. Он был с ней искренен и в то же время держался почтительно. В нем трудно было бы угадать того властного и нетерпеливого офицера, который когда-то рассердил Ольгу на телеграфе. Она же рассказала Федорову о своей учебе на курсах и о родильном доме, в котором проходила практику. «Я так счастлива, что учусь там, — с чувством сказала она Сергею. — Спасибо вам большое, это ведь благодаря вам я смогла осуществить свою мечту».

За разговорами они не заметили, как снова вернулись к железной арке моста. Они шли по нему медленно, то и дело останавливаясь, чтобы полюбоваться друг на друга. Желтый свет фонарей таял в сероватой мгле белой ночи, а холодная северная река колыбалась внизу, похожая на темное бархатное одеяло.

«Ты — моя единственная, такой, как ты, нет больше нигде на свете», — прошептал Сергей, нежно обнимая Ольгу за плечи.

Глава четвертая

ПИСЬМО ИЗ ПАЛЕСТИНЫ

В воскресенье первого марта 1881 года Ольга с сокурсницами прогуливалась вдоль одного из многочисленных петербургских каналов. Внезапно неподалеку раздался сильнейший взрыв, за которым тут же последовало еще несколько. Черный столб дыма поднялся в воздух и застыл подобно колонне.

Все переходившие в этот момент через мост замерли в оцепенении и ужасе при этих страшных звуках и при виде взметнувшихся к небу языков пламени. Целью и жертвой этого террористического акта являлась роскошная карета царя Александра Второго. Когда раздался взрыв, сопровождавшие ее экипажи охраны остановились как вкопанные. Два офицера устремились к разбитой царской карете, остальные открыли беспорядочную стрельбу во все стороны. Из-за поднявшейся паники и суматохи невозможно было разобрать, кто убит, а кто жив и что вообще происходит. Только после того, как полиции удалось разогнать толпу, стало ясно, что очередное покушение на царя достигло цели.

Несмотря на противодействие полиции, тысячи любопытных пытались пробиться к месту происшествия, а также наводняли близлежащую улицу.

Толпившиеся на мосту народники и их сторонники бурно выражали свою радость. «Смерть царю! Да здравствует мать-Россия! Смерть дому Романовых!» — кричали они, бросая в воздух шапки, плащи и трости и натываясь друг на друга в необузданном ликовании.

Их торжество, однако, вскоре было прервано конными казаками, которые, врезавшись в толпу, рубили саблями или хлестали специальными кожаными хлыстами всякого, кто попадался им под руку. Жестокость и сокрушительность ударов, которые казаки наносили направо и налево, позволили им быстро пробиться к середине моста, где стояла царская карета. Но они опоздали: царь Александр Второй — освободитель крестьян, ставший для народников символом тирании, был уже мертв.

Ольга и ее подруги не стали приближаться к месту происшествия, оцепленному полицией и казаками. Они, однако, быстро поняли всю значимость случившегося, которое послужило еще одним доказательством того, что женщины могут играть большую роль в важнейших исторических событиях. Ведь народоволка Софья Перовская принимала активнейшее участие в заговоре.

Гибель царя ошеломила русское общество. Правительство приняло чрезвычайные меры предосторожности, были укреплены силы полиции и охраны, начались жестокие преследования революционеров.

Произошедшее отразилось и на положении евреев. Газеты, особенно те, что близки были к правительственным кругам, намекали на причастность евреев к убийству царя. В народе получили хождение листовки, призывавшие к погромам.

Вскоре после покушения разразился погром в городе Елисаветграде Херсонской губернии. Сразу же вслед за этим на евреев обрушились десятки погромов. И многие задумались о том, что у евреев в России нет будущего, что надо перебираться в другие страны. Особенно поражало равнодушие русской интеллигенции к случившемуся, ее безразличие к судьбам жертв насилия. Революционеры тоже не вмешивались — они надеялись, что погромы перерастут в бунт против правительства.

Положение евреев в России было очень тяжелым и прежде. Они терпели нищету в черте оседлости и страдали от многочисленных ограничений.

Братья и сестры Белкинд, получившие хорошее еврейское образование, никогда не стеснялись своего происхождения и были преданы национальным идеалам. Особенной активностью отличался Исразль, брат Ольги, учившийся в Харьковском университете. Еврейские погромы потрясли его. Однажды вечером он собрал у себя дома человек тридцать еврейской молодежи; они выработали программу совместного переселения в Палестину и стали предпринимать практические шаги для ее осуществления. Их лозунг был: «Дом Иакова, встанем и пойдем».

Исразль Белкинд с группой друзей прибыли в Палестину в 1882 году. Они приступили к работе в сельскохозяйственной школе Микве Исразль. Карл Неттер, основатель и директор школы, оказал им большую помощь, в результате они смогли получить квалификацию сельскохозяйственных рабочих. Вскоре, однако, он умер, и положение молодых переселенцев из России снова стало тяжелым.

Однажды Ольга получила от брата письмо, в котором Исразль описывал свою жизнь в Палестине.

29 сивана 5643 года (1883)

Дорогая Ольга!

Как проходит твоя жизнь в туманном Петербурге? Почему ты об этом ничего не пишешь? Почему так редко приходят твои письма из столицы? Тебе плохо? Или трудно писать?

Мы очень по тебе скучаем. Мы — это значит все мы здесь, Фанни и Шимшон, а также наши новые друзья, которые спрашивают о тебе и о твоих делах в Петербурге. Я пишу тебе из нового поселения Айюн Кара, а по-еврейски — Ришон-ле-Цион. Не подумай только, дорогая сестра, что страна встретила нас приветливо. Петах-Тиква оказалась заброшенной и грязной, Яффа — город грязный, целиком арабский, и работы в ней нет. Положение нелегкое, но я знаю, что мы справимся с трудностями. Эта страна не для избалованных.

Вначале мы провели некоторое время в Микве Исразль. Основатель сельскохозяйственной школы Карл

Неттер — чудесный французский еврей — очень помогал нам, но, к сожалению, скончался. Его смерть оставила нас в тяжелейшем положении, так что многие впали в настоящее отчаяние. Через несколько месяцев после его смерти была основана новая колония Айюн Кара, место песчаное и тернистое. Колонисты послали одного из основателей поселения — Иосифа Файнберга — к барону за помощью. Этот Файнберг получил у барона Ротшильда большую сумму на развитие колонии, на месте которой был раньше пустынный холм, и предложил нам там работать. Тяжкими и горькими были первые дни поселенчества. Летом здесь царит невыносимая жара и свирепствуют песчаные бури, земля покрыта колючим кустарником, кишашим змеями и не дающим ни капельки тени. Знаешь ли ты, что здесь нет воды, почти нет деревьев и легко заболеть малярией? Мы очень страдали и от хамсинов*, особенно в первое время. Все эти трудности мы смогли преодолеть только благодаря первым еврейским земледельцам, героическое поведение которых служило нам постоянным примером. Я хочу рассказать тебе сейчас об одном из них — нашем главном инструкторе Лейбе Ханкине. Он научился обрабатывать землю еще в России, где у него было земельное владение. Он не только земледелец, но и бесстрашный руководитель. Здесь его все зовут «дядя Лева». Он умеет работать и вдохновлять даже тех, у кого совсем не осталось сил. Вообще, история его жизни очень необычна. В России он был богат и владел землей, но, несмотря на это, решил совершить алию в Палестину, чтобы дать еврейское воспитание своим детям.

Ты непременно должна познакомиться с его старшим сыном Иегошуа. Это смелый парень, неразговорчивый, но полный силы и решимости. Внешне сын Ханкина похож на анархиста. Волосы у него длинные, как у петербургских студентов, и он всюду ходит в русских сапогах с голенищами до колен, без которых, по правде говоря, спокойно мог бы обойтись, потому что земля здесь безводная и слякоти практически не бывает.

* Юго-восточный знойный ветер.

Дорогая Ольга! Я рассказываю тебе эти подробности, потому что хочу, чтобы ты знала обо всем, что происходит в нашей стране, и надеюсь, как и все остальные, что ты скоро присоединишься к нам. Здесь очень много арабов. Большинство из них — бедные крестьяне и арендаторы, но есть и несколько богачей, так называемых «эфенди». Они, конечно, очень обрадуются приезду акушерки. Я уверен, что ты будешь для них просто спасением.

Я очень надеюсь, что ты приедешь и полюбишь жизнь и работу на нашей святой земле. Пришло время, когда ты должна понять, что твое место здесь. Конечно же, оно здесь!

Очень скучаю по тебе и вместе с Фанни и Шимшон шлю тебе горячий привет.

Твой любящий брат Исразль.

Глава пятая

У ЯЛАГА

Однажды вечером Ольга попросила Федорова пойти с ней в гости к одному из еврейских поэтов — Иегуде-Лейбу Гордону по прозвищу Ялаг. Когда они вышли из дому, сумерки уже почти сменились ночной темнотой. Мужик в тулупе, кряхтя, зажигал уличные фонари, в тусклом свете которых поблескивали булыжники мостовой и смутно вырисовывались темные силуэты мостов.

Ольга рассказала Федорову, что Ялаг — известный в еврейской среде поэт, творчество которого проникнуто бунтом против галутного мышления. На его поэтические вечера часто приходили представители русской интеллигенции.

Вечера эти держались в большой тайне, потому что были нелегальными. Все национальные движения меньшинств, в том числе и «Хибат Цион», были запрещены. Устав этой организации запрещал ее членам обсуждать национальные задачи, программу заселения Палестины. Еврейская интеллигенция тоже была вынуждена встречаться тайно. Чтобы избежать неожиданного столкновения с полицией, «конспираторы» пользовались разного рода сигналами. Например, цветочный горшок, выставленный на подоконнике в квартире, где должна была состояться встреча, означал, что все в порядке, можно заходить. Если же он отсутствовал, гости понимали, что где-то поблизости притаился тайный агент и следует вернуться домой.

Федоров знал, что Ольга принимает активное участие в культурной жизни интеллигенции. Он несколько раз заставал у нее дома Владимира Темкина* и других известных в Петербурге еврейских деятелей. Федоров догадывался, что Ольга пользуется известностью в их кругах. Он знал также, что она очень дорожит своим знакомством с представителями еврейской интеллигенции, и прежде всего с журналистами, поэтами и писателями. Поэтому, когда девушка шла на какое-нибудь очередное собрание, он всегда соглашался сопровождать ее.

Ялаг, к которому направлялись сейчас Ольга и Сергей, только что вышел из тюрьмы, куда попал по обвинению в революционной деятельности. Он стал одной из многочисленных жертв преследований, обрушившихся на евреев после убийства царя. Впрочем, в конце концов оказалось, что арестовали его по ошибке, спутав с каким-то другим Гордоном.

Жил Ялаг в одном из доходных домов довольно многолюдного еврейского квартала. Какая-то женщина, встречавшая гостей в прихожей (то ли горничная, то ли жена хозяина, этого Федоров не понял), помогла Ольге и ее спутнику раздеться, и они прошли в гостиную, освещенную тусклым светом большой масляной лампы. Многочисленные окна комнаты, выходившие на улицу, были завешены тяжелыми бархатными шторами. Под окнами стоял продолговатый диван в темном чехле, на нем несколько гостей о чем-то горячо спорили по-русски. Если бы все это не происходило в доме еврейского поэта, Федоров принял бы их за православных русских дворян.

* Владимир Темкин был выходцем из ассимилированной еврейской семьи. Он получил инженерное образование в Петербургском технологическом институте и активно участвовал в русском революционном движении. После погромов 1881 года Темкин сблизился с представителями еврейского национального движения. В 1891-м он был избран председателем исполнительного комитета организации «Ховевей Цион» в Яффе. Его деятельность потерпела неудачу из-за препятствий, связанных с законами Османской империи и противоречиями внутри самой организации.

Действительно, в основном здесь были молодые мужчины весьма светской наружности. Однако, приглядевшись повнимательнее, Федоров заметил среди них и бородатых евреев среднего возраста в ермолках. Один из них протирал в это время толстые стекла очков в золотой оправе. В комнате обнаружили также две женщины, которые поднялись, чтобы поприветствовать Ольгу. Видно было, что все здесь хорошо знают друг друга. Появление Ольги Белкиной, сестры билуйцев, в сопровождении православного офицера поначалу вызвало у гостей некоторое замешательство. Однако вскоре все привыкли к его присутствию, полагая, что Ольга достаточно опытна и рассудительна, чтобы не привести с собой доносчика или провокатора.

Федоров устроился в углу темно-зеленого дивана и стал рассматривать картину, висящую на противоположной стене. На картине были изображены желтоватые холмы, у подножия которых несколько верблюдов в оцепенении застыли под ярко-голубым небом. Еще до начала беседы с членами «Ховевей Цион» Ольга объяснила своему спутнику, что это Иудейская пустыня, которая начинается у Мертвого моря.

Загадочная женщина (Федоров так и не смог установить ее положение в этом доме) подала гостям горячий чай и домашнее печенье. Присутствующие говорили между собою по-русски, часто, однако, вставляя в речь слова на незнакомом Федорову языке. Постепенно беседа становилась все оживленнее, пока не превратилась в бурную дискуссию. Ее предметом было убийство царя Александра Второго и его последствия для российских евреев. Наконец один из споривших, коротышка в фетровой шляпе, вскочил на ноги, ударил кулаком по столу и закричал: «Трусые! Вы как мудрецы вавилонские: видите письма Божьи на стене и не в состоянии их понять!» Потом, немного успокоившись, он добавил, что евреи должны эмигрировать в Палестину — только так они смогут решить свои проблемы.

«Но ведь там правят турки, и они запрещают евреям совершать алию», — возразил один из гостей.

«Ничего подобного! — воскликнула Ольга. — Турецкие власти не препятствуют иммиграции. Да им просто некому препятствовать, потому что совершающих алию очень мало. Вы говорите так из трусости. Мой брат пишет, что поселенцы справляются со всеми трудностями, которых там и правда предостаточно. А вы, — продолжала она, обводя взглядом присутствующих, — вы намерены только вести разговоры или наконец-то что-то предпринять?» Ольга вынула из сумочки письмо, полученное от брата, и прочитала его вслух от начала и до конца. Все слушали с напряженным вниманием. Федоров, конечно, не смог понять ни слова, потому что письмо было написано по-еврейски, но кое-что ему стало ясно из последовавшего за чтением горячего спора. Спорившие разделились на две группы. Одни утверждали, что невозможно будет приспособиться к жизни под турецким владычеством, да еще среди враждебного местного населения. Другие, наоборот, приходили в восторг именно от ожидаемых трудностей и необходимости их преодоления. В общем, мнения высказывались самые разные. Ольга же направляла разговор, упирая на то, что главное — не бояться трудностей. Она говорила с воодушевлением, подкрепляя свои слова цитатами из Библии. Федоров чувствовал, как с каждой минутой растет его уважение к этой девушке. Он с нетерпением ждал той минуты, когда снова окажется с ней наедине.

«Давай пройдемся по Невскому, подышим вечерним воздухом», — предложил он, когда гости начали наконец расходиться. Он помог ей надеть тяжелое шерстяное пальто, и они вышли из теплой квартиры в морозную петербургскую ночь.

Волшебный свет уличных фонарей превращал ночной Петербург в заколдованное царство. Все вокруг казалось нереальным — дома, голые ветви деревьев, редкие прохожие.

«Я люблю тебя и готов следовать за тобой повсюду. Ты возьмешь меня с собой в эту суровую страну, туда, где жара и бедность?»

«Нет, Сережа».

«Разве там не нужны мужчины вроде меня?»

«Конечно, нужны...» Ольга вдруг осеклась, устремив взгляд куда-то далеко-далеко, в ночную темноту, со всех сторон окружавшую маленький островок освещенного моста.

«Нет, нет, ты не сможешь бросить меня так легко. Я не отпущу тебя, поеду вместе с тобой. Я хороший инженер, специалист по строительству мостов, дорог и водных сооружений. Кроме того, я военный. Ты сама много раз рассказывала о стычках между поселенцами и местными арабами и турками. Я бы мог вам очень пригодиться. Почему ты не хочешь взять меня с собой?»

«Потому что ты русский, а эта страна предназначена только для евреев. Еврейский народ не принимает чужаков. Это трудный народ. Чужаки редко приживаются в его среде».

«Я даже готов принять вашу веру, чтобы всегда быть рядом с тобой».

«Россия — твоя мать и твоя родина. Мне же она всего лишь мачеха. Евреям нельзя жить в стране, где их разрешается убивать безнаказанно».

«Оленька моя, красавица моя, я люблю тебя, и это — главное. Это важнее всего. Все, чего я желаю, — это быть всегда с тобой. Ради этого я и приехал в Петербург».

«Ты не сможешь там жить. Для этого тебе пришлось бы отказаться от всех своих привычек и развлечений. Там никогда не напиваются до бесчувствия. Даже радость там всегда полна печали. А ты должен быть счастлив по-настоящему, я хочу этого, я хочу, чтобы ты мог веселиться от всего сердца и ничто не омрачало бы твою радость. Евреи — по сути своей сварливые мечтатели. Подобно библейским пророкам они любят обличать и читать назидания. В то же время жизнь их полна страданий. Живя среди нас, ты скоро почувствуешь, что задыхаешься, а это разрушит и наши с тобой отношения».

«Любовь к тебе — вот тот воздух, которым я дышу. Она не даст мне задохнуться. Нигде. Никогда».

В душе у Ольги уже давно шла тяжелая борьба. Сердце ее разрывалось между стремлением совершить алию и привязанностью к Федорову. Он вселял в нее уверенность,

хорошо понимал ее и уважал. Он был прекрасным другом. Но она знала, что брак с русским гоем был бы слишком большим ударом для ее семьи. Кроме того, она догадывалась, что жизнь в Палестине может обернуться для Сергея кошмаром.

«Есть вещи сильнее, чем любовь», — сказала Ольга и улыбнулась одной из тех своих улыбок, с помощью которых ухитрялась смягчать самые жестокие слова. Федоров уже достаточно хорошо изучил ее улыбки, но все равно часто не мог понять, смеется ли она от души или это просто игра и насмешка. Улыбчивость Ольги сбивала с толку многих ее собеседников, которые и не догадывались о ее решительности и убежденности. Ее манера говорить менялась только во время открытой ссоры. Тогда она чуть-чуть хмурила брови, взгляд ее становился прямым и колючим, а голос твердым и резковатым. Федоров любил эти моменты. В гневе Ольга казалась ему особенно привлекательной. Ему очень нравилось наблюдать, как ее темные глаза становятся еще темнее, брови сдвигаются, щеки розовеют, тяжело дышит грудь. И не было для него большего наслаждения, чем крепко прижать ее к сердцу в такие минуты, покрывая жаркими поцелуями ее раскрасневшееся личико и карие глаза.

С каждым днем он любил ее все больше и больше, их отношения уже давно перестали быть платоническими. В конце первого курса Ольга даже опасалась, что забеременела. Тревожные мысли на время выбили девушку из колеи. Она даже стала хуже учиться на курсах. «Если ничего не предпринимать, — с ужасом думала Ольга, — я даже курсы не смогу закончить». Действительно, положение ее было трудным. Одна, в чужом городе, далеко от родных и друзей. Спасла ее только работа в родильном доме. Постоянная занятость и необходимость облегчать чужое горе отвлекали ее от мрачных мыслей и заставляли забывать о себе. В те дни она буквально пропадала на работе, а кроме того, ухаживала за брошенными младенцами у себя дома. Несмотря на всю ее твердость и врожденный оптимизм, в

ней часто закипала обида на жестокость и несправедливость жизни. Разве младенец, которому исполнился один день, виноват в том, что родился у четырнадцатилетней матери? Почему новорожденная девочка должна страдать оттого, что ее мать-горничную выгнали из господского дома? В чем вина ребенка, родившегося у революционерки, которая уже во время беременности знала, что отдаст его на воспитание? Ольга сталкивалась с подобными случаями почти ежедневно, и сердце ее разрывалось от боли и сочувствия как к несчастным малюткам, так и к их обездоленным матерям.

Глава шестая

«ВИЗИТ»

Однажды Ольга получила от отца довольно необычное письмо. Содержание его предыдущих писем, написанных на библейском иврите и полных предвидений и мечтаний, всегда сводилось к пространным описаниям Палестины и трудностей, которые приходилось преодолевать поселенцам.

Теперь же он просил ее приехать — сестра Фанни была беременна, и отец надеялся, что Ольга примет у нее роды. Два года назад Фанни родила мертвого ребенка, и повторения подобного несчастья нельзя было допустить.

На такую просьбу Ольга не могла ответить отказом. Сперва ее сердило, что Фанни не обратилась к ней сама, хотя они и переписывались. Но, поразмыслив, она оценила деликатность сестры: Фанни знала о ее романе с Федоровым и не хотела вмешиваться в жизнь сестры. Ольга прекрасно понимала, что именно чувство к Сергею удерживает ее от переселения в Палестину. Понимала она и то, как тяжело отцу — вся семья ведет трудную жизнь в Палестине, а его любимая дочь сидит в Петербурге, да еще поддерживает связь с гоем.

Вместе с отцовским письмом пришло и решение: Ольга поедет в Палестину на месяц, а потом вернется. Или подумает, что делать дальше.

Дорога заняла около двух недель. На корабле преобладали паломники, в том числе старухи, мечтавшие

окунуться в святые воды Иордана. Меньшую часть пассажиров составляли евреи, ехавшие жить на землю предков. Все пассажиры везли с собой вороха циновок, шесты для палаток, сушеную рыбу, которой должно было хватить надолго, и целые ящики зимней одежды. На Ольгу произвели впечатление еврейские дети с пейсами, с благоговением слушавшие разговоры о Святой Земле.

Днем пассажиры выходили на палубу, знакомились, рассказывали о себе. Русские паломники, в большинстве своем коренастые мужики, жевали черный хлеб с луком и чесноком, пили водку и пели протяжные песни о родных краях и широких реках. Ольга все время думала о Сергее. Ведь он один из них, а они так не похожи на ее народ! Целыми часами сидела она на палубе и писала ему письма. В письмах жаловалась на тоску, на страх встречи с незнакомой страной и с близкими, которых не видела так давно, описывала море — то спокойное, то волнующееся, как ее душа.

Впрочем, море оставалось спокойным всю неделю, особенно по ночам. Вообще, хорошая погода сопутствовала путешественникам почти все время: и в проливе Босфор, и у берегов Малой Азии, так что большую часть дня они с удовольствием проводили на палубе. Однако, когда судно стало приближаться к порту Яффы, поднялся такой сильный шторм, что невозможно было и думать о высадке, и капитан решил вернуться в Бейрут. Ольга смотрела на проплывавшие мимо горы Кармея, и сердце ее переполняла щемяще-сладкая грусть: как же не похожи были эти неприветливые, лишенные растительности скалы на покрытые зелеными виноградниками и финиковыми пальмами холмы, описанные Авраамом Мапу в ее любимом романе «Любовь к Сиону»!

Когда кораблю все же удалось войти в яффский порт, он вынужден был долго держаться вдали от берега из-за продолжавшегося шторма. Посеревшее море ревело, подобно раненому чудовищу, и ошестинивалось страшной чешуей пенившихся волн, которые подбрасывали и раскачивали жалкое суденышко, как резиновый мячик. В матовом свете раннего утра отчетливо виднелись очертания городских построек и купола мечетей. Ольге казалось, что все это она уже видела: и высокие

финиковые пальмы, и мечети, и маленькие домики на холме. Неужели потому, что ее родственники и посланцы со Святой Земли, навещавшие ее в Петербурге, сумели так хорошо описать Палестину в своих письмах и рассказах?

Наконец капитан решился приблизиться к берегу. Качка на корабле еще усилилась, принеся с собой страх и морскую болезнь. Старики со слезящимися глазами все бормотали и бормотали молитвы. Маленькие дети испуганно цеплялись за длинные юбки матерей. Однако суденышко продолжало мужественно бороться с волнами, и вскоре пассажиры смогли различить десятки людей — они толпились на берегу и размахивали руками в знак приветствия. По местному обычаю приходившее в порт судно встречали не только друзья и родственники прибывающих, но и все еврейское население Яффы: халуцим, учащиеся ешиботов и другие.

Не успел корабль встать на якорь, как к нему уже подплыли узкие продолговатые лодки — фулуки. Рослые лодочники-арабы с кошачьей ловкостью вскарабкались на борт судна и начали пересаживать перепуганных пассажиров в свои хлипкие посудины. Дети визжали, старухи выли, и даже Ольга, прекрасно знавшая об этом способе перевозки пассажиров, не на шутку перепугалась, увидев, как матросы швыряют ее ящики в лодку. На миг ей показалось, что они уже канули на дно морское, где и будут лежать вместе с сокровищами пиратских кораблей, затонувших у этих негостеприимных берегов.

Еще стоя в лодке, которая легко рассекала набегавшие волны, Ольга заметила родственников; они изо всех сил размахивали руками, стараясь привлечь ее внимание. Вот уже почти пять лет не видела она свою сестру Фанни и братьев Исразля и Шимшона, совершивших алию в качестве билуйников. Светлоглазый Исразль первым увидел сестру и бросился навстречу ее лодке. Крепыш-араб хотел было вынести Ольгу на берег, чтобы она не замочила длинное платье, но она оттолкнула его и по колено в воде побежала к берегу. Там, задыхаясь от счастья, не сдерживая слез радости, она наконец упала в объятия горячо любимого брата.

Рядом с ним стояла Фанни. Длинная темная юбка делала ее совсем худенькой. Посторонний человек никогда не догадался бы, что она беременна. Фанни очень повзрослела. Волосы ее были стянуты узлом на затылке, как и прежде, но в немного впавших глазах появилась незнакомая серьезность, а нежная белая кожа стала бронзовой и сухой от солнца.

Со стороны моря раздался протяжный гудок: корабль, привезший Ольгу на Святую Землю, собирался покинуть порт. Внезапно Ольга почувствовала острую тоску по Сергею. Только сейчас она осознала, насколько велико теперь расстояние между ними, и на мгновение пожалела, что приехала сюда; ей страстно захотелось вернуться обратно. Но корабль все отдалялся, превращаясь в чуть заметную точку, а она оставалась здесь, в этой стране, казавшейся ей теперь странной, дикой и гнетущей.

Ее смущал вид десятков встречающих, которые со слезами радости, выкрикивая приветствия на идише, обнимали своих родственников и друзей. Ее раздражали опоясанные ремнями носильщики, которые с грубой жадностью набрасывались на ящики путешественников, словно тигры на добычу. У нее вызывали брезгливость турецкие таможенники и офицеры, подвергавшие унизительному досмотру всех, кто казался им подозрительным.

Отец заметил бурю, бушевавшую в душе Ольги. Он нежно обнял ее и сказал: «Доченька, ты не представляешь, как мы все рады твоему приезду. Об этом дне мы мечтали многие годы». Кроме родственников, Ольгу приехало встречать несколько человек, которых она знала только по фотографиям и описаниям. Это был муж Фанни Исраэль Файнберг, высокий бородатый мужчина со смелыми глазами, его брат Иосиф Файнберг и высокий худой юноша с длинными, как у народовольцев, волосами, обутый в кожаные сапоги с высокими голенищами. Этот юноша помог одному из носильщиков втащить по лестнице тяжелый ящик Ольги. Она решила, что, судя по письмам, это может быть только Игошуа, сын Лейба Ханкина.

Глава седьмая

ЧЕЛОВЕК ЗОЛ ОТ ПРИРОДЫ

Иегуда Лейб Ханкин владел землей на юге России. Работали у него в основном бывшие крепостные, которые лишь недавно освободились от многовекового рабства. В народе про них говорили, что они уродились крестьянами.

Ханкин не ругал напившихся работников, потому что знал, что, протрезвев, они примутся трудиться с удвоенной силой. Он любил осенние дни, когда бурюю землю перепахивали под озимые. Утренняя молитва, которую он читал на иврите, была наполнена для него реальным смыслом. Служение Творцу сливалось в его душе с трудом на земле. Ранним утром, выходя на работу в садах, он с любовью смотрел на темную рыхлую землю, обильно рождающую травы и деревья. Сердце его снова и снова переполняла благодарность природе, которая дарит ему запах свежевспаханной земли и шум ветра, раскачивающего ветви деревьев.

Ранней весной, когда на яблонях начинали набухать почки, он вставал на рассвете и шел в сад. Поглаживая нежные маленькие комочки, он возносил благодарственную молитву Творцу, позволившему ему снова испытать радость. Ибо ежегодное пробуждение природы от зимнего сна он всегда воспринимал как чудо.

Ханкин знал, что жизнь земледельца полна забот, и, чтобы получить большой урожай, надо хорошо потрудиться. Он не отчаивался, когда его поля страдали от болезней или засухи. На этот случай у него были припа-

сены мешки с мукой, бочки с кислой капустой и селедкой и множество других продуктов. Он знал: за неурожайные годы земля сторицей вознаградит крестьянина.

Лейб Ханкин решил совершить алию в Палестину, потому что был твердо уверен: каждый народ, в том числе и евреи, должен жить в своей стране, на своей земле. Он эмигрировал после погромов 1881 года вместе со всей семьей, состоявшей из жены и семерых детей. Вместе с ним приехало еще десять человек, желавших заниматься земледелием на Святой Земле. Турецкие власти, однако, отнеслись к новоприбывшим недружелюбно и вскоре издали указ, запрещающий евреям из России и Румынии селиться в Палестине. Тем не менее Ханкин и большинство его товарищей не сдались. Они купили у братьев Мустафы и Мусы Даджани землю в местности под названием Айюн Кара, оформив покупку на имя британского консула в Яффе Хаима Амзалага.

Через неделю после заключения этой сделки — 31 июля 1882 года (15 ава 5642 года по еврейскому календарю) — было основано поселение Ришон-ле-Цион. Среди его обитателей только Лейб Ханкин разбирался в земледелии. Остальные поселенцы были финансисты и торговцы. Переезжали они на рассвете. Ханкину не терпелось: жизнь и труд на своей земле были для него осуществлением мечты многих поколений предков.

Когда Лейб Ханкин первый раз запряг верблюда в телегу, местные арабы пришли в полное недоумение и замешательство. Виданное ли дело, заставить гордое независимое животное, «корабль пустыни», тащить за собой повозку, груженную всякой всячиной, точно обыкновенную лошадь! Арабы, конечно, так никогда не поступали. Они ездили на верблюдах верхом, навьючив на их горбатые спины мешки с зерном и другим грузом. А тут, смотрите-ка, явился какой-то москаль, впряг верблюда в телегу, полную мешков, бочек с водой и даже людей, и тот послушно тащит за собой всю эту гору клади.

В свои поездки по округе Ханкин почти всегда брал старшего сына, чтобы показать ему, как живут арабы. Их нравы и обычаи были новинкой и для него самого, но, ведя переговоры с местным населением по самым различным вопросам, он понял, что чем раньше сын

познакомится с образом жизни соседей, тем лучше. Сам же он с первых дней пребывания в Палестине осознал, что арабы больше всего ценят в человеке твердость и честность, и старался соответственно вести себя с ними. Очень скоро за ним утвердилась репутация человека сильного и прямодушного. Местные арабы уважали его и знали, что он их не обманет.

Однажды летом он отправился вместе с Иегошуа к стоянке одного из племен, чтобы привезти оттуда в поселение воду из колодца. Телега двигалась очень медленно, часто увязая в песке; жалобный скрип колес сливался с лязгом и перестуком пустых ведер и бочек. Наконец отец и сын увидели перед собой стройные высокие пальмы. Здесь начиналась зеленая полоса, которая была целью их путешествия.

День был очень жаркий, небо пронзительно голубое. На песчаной почве в изобилии росли мясистые дикие кактусы. Где-то на горизонте зеленели сады Яффы и плескалось огромное, ярко-синее море.

Лейб подстегнул лошадей, которые с трудом плелись по раскаленному песку. «Запомни эти дни, сынок, — сказал он по-русски. — На наших глазах происходят исторические события: еврейский народ возвращается на родину после тысяч лет изгнания. Знай, сынок, что путь наш далек и труден и только тот, кто обладает терпением, сможет пройти его до конца. Эту землю захватывали христиане, мусульмане, крестоносцы, турки, но только мы, евреи, молились за нее, находясь далеко отсюда, изгнанные и разбросанные по всему свету».

Иегошуа с трудом удавалось расслышать слова отца из-за порывов горячего ветра, то и дело бросавшего ему в лицо пригоршни крошечных, обжигающих кожу песчинок. Он внимательно следил за дорогой, обращая внимание на каждую мелочь, на каждую, самую незначительную деталь окружавшей их пустыни. В то время ему было лет семнадцать. Еще в своем родном Кременчуге он помогал отцу заниматься земледелием и всегда выходил победителем в схватках с местными хулиганами и пьяными мужиками. Очень живой и подвижный, он, однако, отличался молчаливостью. Большое уважение

Иегошуа испытывал к молодым народникам, с которыми познакомился на Украине.

Жара все усиливалась. Небо словно выгорело от солнца и стало бледно-голубым. Лошади совсем обессилели и с трудом тащили телегу. Несмотря на ветер, Иегошуа хорошо понял, о чем говорит отец. Да и как он мог не понять, если это была любимая тема Лейба, никогда не упускавшего случая напомнить близким и друзьям, что терпение является главным орудием земледельца.

«Отец, — громко сказал Иегошуа, стараясь перекрыть шум ветра, — мне кажется, здесь нет ни капли воды. Если бы она была, скот приходил бы сюда на водопой».

«Если здесь нет воды, мы привезем ее. Выкопаем. Найдем. Когда-то эта земля текла молоком и медом, и такой она будет снова», — ответил отец и, указывая рукояткой кнута на небо, добавил по-русски: — А сейчас нам надо спешить, если мы хотим вернуться домой до темноты».

«Но ты же сам говорил, что арабы никогда никуда не торопятся, потому что время у них застыло», — возразил юноша, стараясь поудобнее устроиться на телеге. Он был очень худ и, несмотря на жару, носил кожаные сапоги с высокими голенищами. «У арабов есть даже пословица о том, что Бог любит терпеливых», — добавил Иегошуа, удерживая большую деревянную бочку, чуть было не выпавшую из телеги.

«Эта пословица не имеет никакого отношения к опозданиям. В ней речь идет о переговорах. У них переговоры — это искусство. Впрочем, как и вся система взаимоотношений. А сейчас давай поспешим, потому что мы должны привезти воду для виноградников еще до темноты».

Каждый раз, когда Иегошуа ездил вместе с отцом по окрестностям, перед ним открывался новый мир — царство смуглых мужчин, кутивших кальян, сидя на узорчатых коврах, и женщин-невидимок, которые возникали из небытия, только когда требовалось подать гостям кофе.

Иегошуа, изучивший иврит еще в России, скоро понял, что он очень похож на арабский язык. Постепенно он выучил местный арабский диалект и даже мог свободно на нем разговаривать. Он видел, какое огромное значение вкладывают арабы в каждое произносимое ими слово, и понимал, что причина этому — не только

их неграмотность. Арабы считали, что человеческая речь — это дар Божий и слово, произнесенное человеком, является такой же его приметой, как цвет глаз. Постиг юноша и смысл молчания, присматриваясь к поведению местных детей, которые, часами находясь вместе со взрослыми, внимательно наблюдали за происходящим, не произнося ни слова.

«Бедуинские дети тоже молчат, даже когда проводят по многу часов с родителями, — сказал ему однажды отец. Он был занят тогда покупкой земли в Айюн Кара у братьев Даджани, много ездил по окрестностям и общался с бедуинами. — Знай, сынок, что молчание — это основа мудрости. Реальность изменчива. Арабы это знают, сынок, прекрасно знают. Это другой мир. Тот, кто хочет в нем жить, должен к нему приспособиться. Это не Одесса и не Москва. Тут все по-другому. И еще одна важная особенность. Обрати внимание, как арабы относятся к животным: к скоту, к лошадям, к курам. Они действительно живут вместе с ними. Животные — это самые близкие и верные друзья наших соседей. Ты должен уважать такое отношение. Арабы считают, что человек — существо неблагодарное и злое, гораздо злее, чем животные. Есть у них притча, которую они любят рассказывать, — о лисе и пастухе. Пришел однажды тигр к пастуху и потребовал у него овцу из стада. Перепутанный пастух упробовал тигра прийти на следующий день, пообещав за это время выбрать для него самую лучшую овечку. Но тут пастуху неожиданно помог лис, придумавший способ обмануть тигра. Пастух последовал его совету, и ему удалось спасти овечку. Наутро лис попросил у пастуха награду за помощь, но тот натравил на него свирепого пса, от которого лису едва удалось спастись. Существует множество вариантов этой притчи, но мораль здесь одна: "Человек зол от природы". Ты знаешь эту арабскую поговорку. В ней выражено не только подозрительное отношение к человеческому характеру, но и любовь к животным, даже к хищным, как лисицы. Каждому воздается должное за его поступки. Бедуин не может существовать без своего стада, без кур, без коня. Запомни, сынок, арабы очень привязаны к животным и ценят уважение и доброту. Веди себя с ними порядочно, и они будут уважать тебя».

Глава восьмая

ЛЕГКО ПРИШЛО — ЛЕГКО И УШЛО

Жители Ришон-ле-Цион всеми силами старались облегчить Ольге пребывание в Палестине. Они приглашали ее в гости, рассказывали о пережитом, расспрашивали о жизни в Петербурге, знакомили со своими друзьями и не оставляли ей времени на размышления и переживания.

В первую же неделю после приезда Ольги старожилы колонии Иосиф и Берта Файнберг устроили вечеринку в ее честь. Их барак стоял на главной аллее поселения, ведущей к синагоге. Это была ухоженная, хорошо побеленная постройка, почти настоящий дом, окруженная садиком, в котором благоухали кусты жасмина и герань. Окна украшали веселые яркие занавески, а в углу гостиной, резко контрастируя с ее убогой обстановкой, красовалось пианино. Этот музыкальный инструмент принадлежал Берте, которая ни за что не пожелала оставить его в России вместе со всем остальным имуществом. Берта была очень трудолюбива. В то время как остальные поселенцы кормились за счет виноградников, Берта и Иосиф купили коров. Берта ухаживала за ними, доила, готовила сыр и масло, которые и продавала.

Сейчас, в темной длинной юбке и белоснежном, тщательно отутюженном переднике, она угощала гостей лепешками с корицей, пирогами собственной выпечки и крепким чаем. Гости же знакомились с Ольгой и расхваливали радушную хозяйку.

За столом все говорили по-русски. После чая один из друзей дома подошел к пианино и стал наигрывать мелодии русских песен. Берта тотчас присоединилась к нему. Они играли в четыре руки, и знакомые напевы возбуждали у слушателей тоску по далекой покинутой родине.

Слушая музыку, Ольга почувствовала, как сильно она истосковалась по петербургским белым ночам, таким чарующим и таинственным, и по Федорову, который вдруг показался ей совсем далеким и нереальным, как принц из сказки.

Среди гостей ее внимание привлек благообразный высокий и широкоплечий бородач с длинными волосами и зычным голосом. Он залпом пил горячий чай — чашку за чашкой — и прислушивался к разговору. Потом встал и заговорил, перекрикивая всех присутствующих: «Наконец-то еврейский народ вернулся домой после двух тысяч лет изгнания. Запомните эти мгновения — они священны. Господь дал эту землю нам, нам, а не этим дельцам и благодетелям, которые сидят в диаспоре и думают, что мы — нищие, живущие подаванием». Его слова сопровождались аплодисментами. После небольшой паузы он продолжал: «Господь сказал: "В поте лица своего будешь есть хлеб свой". Вы первые осуществляете эту заповедь, данную Адаму. Он был изгнан из рая, потому что ослушался Бога, а мы останемся в нем, ослушавшись чиновников». После этих слов снова раздались аплодисменты, смех и возгласы одобрения.

Это был Михаил Гальперин, один из самых колоритных персонажей первой алии. Потомок великих раввинов, он пожертвовал большую часть своего состояния колониям, скитался из одной в другую, работал простым рабочим и произносил речи не хуже древних пророков.

Музыка умолкла, и в комнате наступило грустное молчание. Нарушил его хозяин, попросив гостей рассказать о себе. Его просьба была вызвана не только желанием поближе познакомиться их с Ольгой. Прежде всего он хотел осторожно и без излишней огласки сообщить близким ему людям известие, которое он узнал под большим секретом.

«Друзья, — обратился Иосиф к присутствующим. — Я получил секретную информацию о том, что барон собирается приехать сюда».

«Не может быть! — раздалось сразу несколько голосов. — Он ведь открыто заявил, что здешние поселенцы — люди неблагодарные и что он не хочет нас видеть».

«Поэтому и визит его не будет проходить в торжественной обстановке, как в других колониях. Он приедет к нам тайно, под покровом ночи».

«И что же он сможет увидеть под покровом ночи?» — спросил Исраэль (Лолик) Файнберг, пристально глядя на Иосифа. Он был известен своей бескомпромиссностью в важных вопросах. Вот и сейчас его карие глаза сузились, как у тигра перед прыжком.

«Он увидит дома, построенные людьми, которые вырвали себя с корнем, подобно растению, из родной почвы и приехали жить в другую страну, выжженную солнцем и неприветливую к чужакам. Он увидит молодые виноградники, которые только недавно начали приносить плоды, и поймет, что вы здесь не в бирюльки играете. У барона есть голова на плечах. Конечно, ему больше по душе те, кто занимается ремеслом или виноделием, чем те, кто возделывает землю. Но стоит ему пройти по улицам нашей колонии, пусть даже ночью, и он поймет все значение нашего начинания».

Файнберг показался Ольге несколько наивным, но она была восхищена его верой. Вообще, все собравшиеся в этом доме казались ей духовными братьями русских революционеров, которых она хорошо знала. И те и другие жертвовали собой ради великой идеи. Она попросила Иосифа рассказать про сельскохозяйственные работы и узнала о непростых отношениях поселенцев с администрацией барона. Один садовод, к примеру, пренебрегая достижениями земледельцев, требует от них лести и подбодрения.

«Зачем ему это?» — рассеянно спросила Ольга. Беседа велась по-русски, и мелодичные звуки знакомой речи отвлекали ее, мысленно возвращая на родину.

«Это укрепляет в нем сознание своего превосходства. Барон присылает сюда людей, которых ничего не

интересует, кроме собственных удовольствий. А разве это подходящее место для развлечений? На что годятся избалованные парижане здесь, среди местных арабов и продажных османских чиновников? Абсолютно ни на что! Вот и остается им утешаться подобострастием поселенцев».

«А кто заставляет поселенцев подобострастничать?» — не сдавалась Ольга, хотя ответ был ей известен заранее. Она уже знала, что чиновники барона подкупают крестьян-одиночек, не являющихся членами колонии, чтобы усилить влияние на поселенцев.

«Мне было ясно еще в детстве, что по-настоящему независим только тот, кого нельзя заставить униженно пресмыкаться перед благодетелями», — продолжала Ольга, пытаясь представить себе, чем сейчас может заниматься Сергей Федоров.

«Именно такими были крестьяне в моих краях, — убежденно заявил Лейб Ханкин. — Во время неурожая они голодали, но при этом не пускали все зерно на муку из опасения, что и следующий год может выдаться неурожайным. А здесь как раз наоборот: как только сюда поступают деньги — пожертвованные, а не заработанные честным трудом, — они тотчас же пускаются на ветер».

«Так уж устроен мир: легко пришло — легко и ушло».

«Но это дурной пример для тех, кто приехал сюда строить новую жизнь. Только тот, кто умеет бороться с трудностями, сможет возродить эту землю».

Сын Лейба Иегошуа не вмешивался в спор. Он сидел слегка ссутулившись, не поднимая головы, словно не желал привлекать к себе внимания. Живой ум и энергия сочетались в нем с исключительной сдержанностью и молчаливостью. В то время как другие горячо доказывали свою точку зрения, Иегошуа молча обдумывал и анализировал каждое услышанное слово и определял свою позицию, о которой, однако, никому не сообщал. Этот юноша заинтересовал Ольгу больше всех остальных гостей.

Ольга была разочарована: принятая в диаспоре система благотворительности продолжала определять жизнь еврейских поселенцев в Палестине. Но ведь они

приехали сюда не для того, чтобы существовать на подачки, а чтобы вести самостоятельную жизнь, занимаясь земледелием. Будучи в России, она и представить себе не могла, что разногласия между евреями на Святой Земле настолько остры. Там их задачи, да и само существование, представлялись ей возвышенными. Она мечтала о том, чтобы еврейский народ возродился во всем своем величии и блеске, как во времена библейских царей и судей. Сейчас она все отчетливее сознавала, насколько тяжело будет осуществить эту мечту. Но именно поэтому ей все больше хотелось оказаться в гуще здешней жизни, помогать еврейским земледельцам в их повседневной борьбе за выживание на негостеприимной земле. С каждым днем в ней крепла уверенность, что эта задача ей по плечу.

Глава девятая

ЖЕНЩИНЫ

Прошло несколько дней после вечеринки у Файнбергов. Однажды, вернувшись с работы на винограднике, Михаил Гальперин увидел, что дверь в его комнату выломана, окно выбито, а вещи валяются на улице.

Дело было вот в чем. В те дни вышло постановление, по которому еврейские земледельцы теряли независимость и становились наемными работниками барона. Они обязаны были подписать декларацию, в которой выражали преданность главному администратору барона и готовность выполнять его указания. В числе прочего им запрещалось сдавать жилье без его согласия. Ханкины, Файнберги и еще несколько семей отказались подписать это заявление, чем навлекли на себя гнев представителя барона Иегошуа Осовицкого*.

Хозяин дома, где жил Михаил Гальперин, сдал ему комнату, не испросив на то разрешения у администрации. В отместку люди барона выкинули пожитки Михаила на улицу.

* Иегошуа Осовицкий (1858—1929) — один из первых чиновников барона Ротшильда в Палестине, много сделавший для развития виноградарства в Ришон-ле-Ционе. Однако методы, какими он осуществлял управление еврейскими колониями, восстановили против него часть поселенцев. Вражда между ними приняла угрожающий характер в 1887 году, в результате чего Осовицкий был отослан в Галилею, где пробыл до 1897 года, активно занимаясь скупкой земель. Последние годы жизни провел в Париже.

Дело было в пятницу, но, несмотря на усталость после рабочего дня и предсубботные хлопоты, вокруг Гальперина быстро собралась большая толпа крестьян. Он же стоял среди них и громовым голосом обвинял администратора барона в беззаконии и в том, что он превращает в рабов и унижает земледельцев, приехавших возродить и обустроить землю предков, а не влачить жалкое галутное существование.

Пока он кричал, величественными жестами указуя на здание администрации, прохожие начали потихоньку подбирать разбросанные повсюду нестиранные рубашки, пожелтевшие письма и обломки мебели, чтобы внести их обратно в комнату. Однако сделать этого они не успели.

Ольга, направлявшаяся в это время к своей сестре Фанни, остановилась при виде собравшейся толпы, желая узнать, что происходит.

Слушая речи Гальперина, она подумала, что семьи, восставшие против несправедливости и уверенные в своей правоте, преодолеют все препятствия, потому что для них это вопрос выживания, а не только дело чести.

Тем временем Осовицкий, наблюдавший за толпой с балкона, решил позвать на помощь турок, чтобы восстановить порядок.

Появление конных солдат только обострило ситуацию. Поселенцев возмутило, что человек, обязанный защищать их от произвола турецких властей, вместо этого натравливает на них войска. В гневе они набросились на солдат, которые, однако, крепко держались в своих богато разукрашенных седлах с кисточками.

Ольга оценила серьезность ситуации. Она знала силу народного гнева и понимала, что подобные конфликты могут привести к кровопролитию.

Перепуганный Осовицкий вызвал представителя барона из Микве Исразль, который приехал в Ришон-ле-Цион с большой свитой. После его прибытия на место происшествия разразился скандал, сопровождавшийся громкими криками и даже рукоприкладством. В конце концов решено было удалить Осовицкого из колонии на несколько дней, чтобы дать страстям утихнуть.

Через три месяца после описанных событий барон решил посетить Палестину вместе с супругой. В порт Яффу он прибыл инкогнито, чтобы турецкие власти не узнали о его визите. После бунта в Ришон-ле-Ционе он склонялся к тому, чтобы прекратить поддержку этой колонии. Жители других поселений опасались, что гнев барона обрушится и на них. Они делали все возможное, чтобы убедить недовольных крестьян, и прежде всего семьи Ханкина и Файнберга, одуматься и попытаться вернуть Осовицкого в колонию.

Уже будучи в Палестине, барон решил неофициально посетить Ришон-ле-Цион. Несмотря на секретность этого визита, к поселенцам все же просочилась весть, что барон собирается приехать в колонию ночью. Это наполнило их сердца тревогой. Они понимали, что от впечатления, которое колония произведет на барона, во многом зависит их судьба. Весь день перед его визитом они работали не покладая рук: проложили красивую мощеную дорожку к восточному входу, укрепили песчаную аллею, начинавшуюся у главного входа, установив по ее бокам большие тяжелые камни. Они даже написали приветствие на огромном щите, но в последний момент решили его не вывешивать. Это ведь был визит не торжественный, а «под покровом ночи». Все без исключения жители Ришон-ле-Циона со страхом и надеждой ожидали приезда барона.

Выслушав приветствия поселенцев и немного познакомившись с ними, барон упрекнул жителей Ришон-ле-Циона за их отношение к Осовицкому. Он попросил разрешить Осовицкому остаться в колонии, поскольку тот является его представителем и исполняет его волю. Когда Ханкин и Файнберг открыто воспротивились этому, барон в гневе воскликнул: «Так вот какова ваша благодарность за все, что я для вас сделал и что еще собирался сделать! Я ведь хотел показать всему миру, что евреи способны стать настоящими земледельцами. А сейчас я вижу, что вы способны только на заговоры».

Эти слова заставили поселенцев содрогнуться от ужаса. Они боялись, что разгневанный барон лишит

колонию поддержки и весь их тяжелый труд пойдет прахом. Каждый вечер они собирались у Ханкиных или Файнбергов, пытаясь выработать правильную линию поведения по отношению к барону. Ольга активно участвовала в этих сборищах. Скоро она со всей ясностью осознала всю тяжесть положения жителей Ришон-ле-Циона. Особенно беспокоила ее судьба родственников. Ведь если они откажутся подписать злополучное заявление, их наверняка выгонят из колонии в числе первых. На одном из ночных совещаний Ольга предложила отправить к Аделаид, супруге барона, делегацию жителей поселенцев. У Аделаид была репутация благородной и понимающей женщины. Ольга надеялась, что при ее помощи удастся смягчить гнев барона. Ей также было известно, что баронесса осталась в Ришон-ле-Ционе после отъезда мужа в Экрон.

Предложение Ольги поначалу было встречено в штыки. Она, однако, настояла на своем, понимая, что заступничество баронессы куда полезнее, чем любые доводы раздраженных крестьян.

Ольга хорошо говорила по-французски, на языке петербургских салонов, и знала, как следует вести себя в обществе знатных дам. Поэтому встреча с Аделаид нисколько ее не страшила. «Даже в такой огромной стране, как Россия, — размышляла она, — женщины участвуют в революционной борьбе. И они же, если надо, работают в поле, как простые крестьянки. Почему бы и здесь им не принять более активное участие в борьбе за существование? Почему бы не рассказать Аделаид о страданиях поселенцев, чтобы она знала об их жизни не только по рассказам чиновников?»

Ольга опасалась одного — что Аделаид не захочет вмешиваться в конфликт и откажется встречаться с жителями «бунтовщиков». Однако опасения оказались напрасными. Баронесса охотно согласилась принять у себя жителей колонии.

Аделаид оказалась хрупкой, вполне приветливой женщиной. Ольга знала, что она воспитывалась в очень

религиозной семье, где скромность считается главным достоинством женщины. На ней было длинное темное платье. Шею украшало жемчужное ожерелье. Волосы, заплетенные в косу, были уложены венцом вокруг головы.

«Уважаемая баронесса, — обратилась Ольга к Аделаид по-французски, — мы от всего сердца благодарны вам за то, что вы согласились принять нас, местных женщин. Я позволю себе высказать предположение, что вы уже немного ознакомились с условиями жизни в Палестине и узнали, насколько тяжела жизнь поселенцев».

При звуках французской речи выражение лица баронессы стало еще приветливее. Выходит, жительницы этого маленького земледельческого поселения образованны и культурны. Она кивнула, соглашаясь, и окинула группку женщин испытующим взглядом. По ее лицу невозможно было догадаться о ее чувствах.

«Помощь, оказываемая поселенцам семьей Ротшильд, — это как воздух, которым мы дышим, — продолжала Ольга. — Без поддержки со стороны барона и без его советников мы не смогли бы превратить виноградарство в источник существования».

«Нельзя бунтовать против того, кто оказывает помощь, и восстанавливать народ против его посланцев», — тихим голосом прервала ее баронесса.

Ольга в ответ вынула из кармана длинной юбки копию письма, написанного разгневанным бароном жителям Ришон-ле-Циона, и прочитала его вслух целиком. «Из этого письма видно, — сказала она по-французски, — что у господина барона и у поселенцев — одна цель. Различие состоит лишь в том, что господин барон предоставляет финансовую поддержку, необходимую для ее достижения, в то время как мы посвящаем ей свою жизнь, будущее, все, что у нас есть». Произнося последнюю фразу, Ольга плавным жестом указала на сопровождавших ее женщин. И стала рассказывать баронессе историю каждой из них. Чтобы Аделаид могла поближе познакомиться с ее подругами, Ольга задавала

им вопросы, касающиеся различных сторон их жизни. Вскоре она убедилась в правильности своего поведения. Лед был сломан, и между жительницами поселения и знатной парижанкой завязалась теплая, дружеская беседа. Под конец встречи Ольга попросила Аделаид уговорить барона перевести Осовицкого в другое место. Баронесса обещала сделать все возможное. И исполнила свое обещание.

Так спустя неполных два месяца после приезда в Палестину Ольга одержала свою первую победу: барон не только не лишил колонию поддержки, но даже удалил Осовицкого из Ришон-ле-Циона.

Глава десятая

ЖЕНА И МАТЬ

Первый урожай в колонии созрел на винограднике Лейба Ханкина.

Вечерело. Пурпурное солнце медленно клонилось к закату. Вдалеке виднелась зеленая полоска садов и покачивались на ветру высокие пальмы. Большой верблюд, нагруженный двумя огромными корзинами с темными ягодами, медленно и важно двигался среди песков. За ним следовала большая группа мужчин, женщин и детей. Была среди них и Ольга. Иногда взгляд ее по привычке обращался в сторону моря. Но впервые, глядя на него, она не ощущала прежней тоски. До сих пор каждый взгляд в сторону моря напоминал ей о покинутой России и о Федорове. Теперь же образ Сергея в памяти потускнел, потерял отчетливость, словно картинка из давно прочитанной книги.

Дул теплый ветер. В лучах закатного солнца вереница телег подъезжала к дому Ханкиных. Иегошуа подошел к Ольге и начал рассказывать ей, как в библейские времена принято было давить виноград.

Ольге внезапно вспомнилось описание иудейских полей в любимой книге ее детства — романе Авраама Мапу «Любовь к Сиону». Когда она впервые прочла этот роман, ей было лет десять. Пейзажи Иудеи с ягнятами на голых холмах, роскошные виноградные кисти с сочными ягодами — все это всплыло в ее памяти при взгляде на верблюда, горделиво шагнувшего под грузом кор-

зин с виноградом. При виде девушек в белых одеждах, водящих хороводы, она остро ощутила атмосферу книги, описывающей жизнь народа на своей земле. На девушках были длинные юбки с ослепительно белыми передниками и безукоризненно выглаженные белые рубахи. На мгновение девушки показались ей дочерью колена Вениаминова, вышедшими плясать на винограднике. Ольга словно перенеслась в эпоху судей и пророков — во времена, когда еврейский народ пришел на землю, текущую молоком и медом, и Господь благословил его изобилием плодов земных.

Иегошуа Ханкин продолжал говорить — взволнованно, воодушевленно. Длинными волосами и бледным вдохновенным лицом он напоминал российского народника. Юноша стоял к Ольге совсем близко, и иногда его кудри касались ее плеча. Эти прикосновения пробуждали в ней новое, незнакомое чувство — влечение, смешанное с любопытством. Ольга почти не слышала его объяснений, потому что в душе у нее шла внутренняя борьба.

Летний ветер, песни на иврите и веселые пляски заглушили тоску Ольги по России. Впервые она почувствовала принадлежность к этой земле и ее обитателям. До сих пор ее жизнь в Палестине представлялась ей временной, и она смотрела на все вокруг лишь глазами гостя. Сейчас радость колонистов захватила ее, и ей страстно захотелось быть одной из них.

Тем временем маленькая группа уже входила во двор дома Ханкина, находившегося на склоне холма, недалеко от здания администрации. В красноватых лучах заходящего солнца силуэты людей, лошадей и повозок напоминали причудливые зыбкие тени.

Мужчины высыпали виноград в огромную бочку. Лейб позвал своего младшего сына Танхума, прочитал благодарственную молитву и объяснил юноше, как нужно давить ступнями виноградные гроздья. Тот сначала застеснялся, но потом преодолел смущение и принялся за дело. Вскоре струйки темно-багрового сока начали стекать из бочки в специально для этого прорытый узенький канальчик. Столпившиеся вокруг поселенцы молились, поглядывая на юношу как на чудо.

Танхум трудился без устали, энергично погружая ступни в фиолетово-шелковистую виноградную массу. Потом женщины обнесли всех бокалами с темно-красным сладким соком. Лейб Ханкин произнес полагающееся благословение и небольшую проповедь. Он говорил о великой мечте и жизненных трудностях, о долге продолжать начатое и о необходимости вести самостоятельное существование. Слова его взволновали поселенцев. После торжественной части колонисты выпили «за здоровье», от души чокаясь друг с другом бокалами. Отвечая на чье-то приветствие, Ольга внезапно встретила взглядом с Иегошуа Ханкиным, который стоял возле нее. Она почувствовала, насколько сильна его радость, хотя внешне он и оставался невозмутимым. «За нашу землю, за нашу колонию, за нашу независимость», — сказал он, подчеркивая каждое слово, и залпом выпил содержимое своего бокала. Потом налил себе из бочки еще соку. Ольге был приятен безграничный энтузиазм этого юноши, и, глядя на него, она испытывала симпатию, сочувствие и жалость. Он был на много лет моложе Ольги. Однако его скрытая энергия и сила притягивали и волновали ее, заставляя забывать о возрасте. Она вспомнила рассказы о «выходках» Иегошуа и почувствовала, что его бунтарский характер нравится ей все больше и больше. Он, верно, способен на самые дерзкие поступки и всегда будет искать возможность их совершить. Иегошуа залпом осушил второй бокал и, схватив Ольгу за руку, увлек ее за собой в толпу танцующей молодежи.

Как же все это было не похоже на петербургские балы! Двигаясь рядом со своим высоким, худым «кавалером», Ольга почувствовала, насколько потускнели и лишились былой остроты ее воспоминания. Разделяя всеобщую радость, она позволила себе забыться, раствориться в музыке. Иегошуа танцевал неистово, самозабвенно, полностью отдаваясь безумной пляске. Это был необузданный танец дикаря и пророка.

Поздно вечером юноша проводил ее до родительского дома. Он был очень взволнован, но почтительное отношение к взрослой, уважаемой женщине, к тому же пользовавшейся репутацией особы властной и сильной,

мешало ему открыто выразить свои чувства. Ольга же ощущала большую усталость и была не в силах размышлять о том, что произошло в ее душе в этот вечер. Под конец прогулки она позволила Игошуа обнять себя за плечи.

Волшебный виноградный напиток словно снял бремя с ее души, смягчил гнев, подарил ощущение новизны.

Ольга все еще сердилась на своих родных за то, что они заставили ее приехать в Палестину якобы для того, чтобы принять роды у Фанни. Она убедилась, что они просто воспользовались беременностью сестры, чтобы заставить Ольгу покинуть Петербург. Они очень страдали от ее романа с гоем и боялись потерять ее навсегда. Догадывались ли они, насколько верны были их самые худшие опасения? Во время ее визита они делали все возможное, чтобы ей захотелось остаться в Палестине. И действительно, Ольга ощущала, как постепенно притупляется чувство горечи и обиды, вызванное грубым вмешательством родственников в ее личную жизнь. Гнев уступил место задорному желанию побороть трудности. словно какие-то неведомые дверцы открылись в тайниках ее души. Раньше она бесстрастно приглядывалась к поселенцам и к их занятиям. Теперь ее переполняло желание стать одной из них. Даже принимая участие в бунте против барона и возглавляя женскую делегацию к Аделаид, Ольга не могла избавиться от некоторой отчужденности. Этот длинноволосый кудрявый юноша пробудил ее душу, заставил по-новому взглянуть на окружающую природу и людей, по-иному отнестись к их проблемам. Ей не хотелось анализировать свои отношения с Игошуа, но безотчетная тяга к нему дарила ей радость и ощущение какой-то невесомости.

На следующий вечер Игошуа предложил Ольге прогуляться по винограднику, и она с удовольствием согласилась. На прогулку она надела темно-синюю юбку и красиво распустила темные выкошенные волосы. Впервые после приезда в Палестину Ольга позволила себе выйти из дому с такой «несерьезной» прической.

Они медленно шли по склону холма мимо синагоги. «Собирать виноград нужно ночью, — воодушевленно

объяснял Иегошуа. — В три часа утра гроздь покрываются росой. Только тогда можно с уверенностью определить, достаточно ли они сладкие и спелые для выжимки. Если опоздать, ягоды становятся слишком сухими и твердыми, и хорошего вина из них уже не получается». Волнение юноши передавалось Ольге, и, слушая его объяснения, она понимала, что он пригласил ее на прогулку не только для того, чтобы обучать виноградарству. Шагая рядом с Иегошуа, она чувствовала, как жар разливается по всему ее телу. Войдя в виноградник, юноша помог своей спутнице расположиться поудобнее, сорвал большую гроздь и, отрывая одну за другой сочные ягоды, протягивал их Ольге. Последние он оставил себе. Потом они поцеловались. Губы Иегошуа были сладкими от виноградного сока, и Ольга почувствовала, как все ее тело воспряло и пробудилось к новой жизни.

Дружба их крепла. Они много времени проводили вместе: ходили гулять в миндальный сад, что возле Микве Исразль, бродили по пастбищам. Наконец однажды вечером Иегошуа собрался с духом и признался Ольге в любви. «Я люблю тебя, Ольга, — произнес он сдавленным шепотом, будто стесняясь своих слов или опасаясь, что она оттолкнет его, — я люблю тебя».

«Но я же много старше», — возразила Ольга. По правде говоря, сердце ее еще не вполне освободилось от любви к Федорову, но тоска по нему уже почти утихла. Да и сам Сергей стал ей казаться далеким и нереальным. Иегошуа же привлекал ее своей необузданной силой. Все, что она слышала об этом парне, его горящие глаза, кипучая энергия убеждали ее в том, что жизнь с ним будет трудной и яркой. А именно такой жизни и жаждало ее отважное сердце, стремившееся бороться и побеждать.

В один из первых зимних дней Иегошуа предложил Ольге проехать верхом в Яффу. Стояла чудесная погода. Полупрозрачное, светло-голубое небо казалось шелковым. Бурая песчаная почва была прикрыта нежно-зеленым ковром травы. Ехали они медленно. Иегошуа часто останавливался у арабских жилищ и беседовал с их обитателями по-арабски. Ольга заметила, что местные жители относятся к ее спутнику с уважением

и симпатией. Наконец, миновав поселение Микве Израэль, молодые люди приблизились к морю. Ольгу поразили восточный облик Яффы. Турецкие полицейские с хлыстами под мышкой расхаживали взад и вперед по центральной улице. Австрийцы, англичане и французы, одетые по-европейски, торговались с рыночными торговцами, иногда заходя внутрь крошечных лавчонок. По узким переулкам бродили нагруженные огромными тюками ослы, оставляя свой помет, где только заблагорассудится. В воздухе висел густой аромат пряностей. Из многочисленных тесных мастерских доносились постукивание и скрежет рабочих инструментов. Иногда в толпе мелькали консулы различных государств со своей свитой, немецкие «тамплиеры» в фетровых шляпах на европейский манер и высокие усатые черкесы. В нишах домов располагались кофейни, завсегдатаи которых вели неспешные тихие беседы, покуривая кальян. Некоторые посетители держали в руках четки — шнуры с нанизанными на них янтарными бусами — и медленно перебирали коричневые или оранжевые камни. Яффа очаровала Ольгу. Она все больше убеждалась в том, что рядом с Иегошуа ее ожидает интересная и увлекательная жизнь.

Ночные прогулки Ольги и Иегошуа в винограднике и их поездки в Яффу вызвали неудовольствие как Ханкиных, так и Белкиных. Меир и Шифра Белкина пытались убедить дочь, что ей следует связать жизнь с серьезным мужчиной своего возраста, а не с молокососом, который в одиночестве разъезжает верхом по пустыне и ищет приключений во враждебной среде. Ольга вежливо выслушивала доводы родителей, но продолжала упорствовать. Меир и Шифра догадывались, что молчание дочери свидетельствует о том, что ее решение твердо и она не изменит его ни при каких обстоятельствах. Жизнь с Иегошуа казалась ей увлекательной и необычной. То, что она была намного старше своего избранника, придавало ее любви оттенок материнства. Поэтому вместе со жгучим желанием она испытывала по отношению к юноше чувства дружбы и ответственности. Она знала, что Иегошуа любит опасные приключения, но

верила, что рядом с ней он станет спокойнее, и к тому же она сможет помочь ему в случае необходимости. Верила Ольга и в то, что сможет заботиться о Иегошуа как преданная мать и благодаря этому ее жизнь обретет смысл.

У Ольги не было детей, она не знала радостей материнства и в глубине души опасалась, что уже не сможет забеременеть. Заботясь о необузданном и смелом юноше, она бессознательно надеялась удовлетворить естественное стремление иметь ребенка. Она пошла против себя, отвергла любимого человека и ясно чувствовала, что единственный для нее способ успокоиться — связать свою жизнь с этим безрассудно храбрым юношей. Таким образом будет внутренне оправдано и ее решение остаться в Палестине.

Лейб и Сара Ханкины в свою очередь остерегали сына: избранница его сердца старше него на двенадцать лет и, возможно, не сможет родить ребенка. В те времена женщины выходили замуж и рожали детей очень рано, а Ольге было уже тридцать пять.

Ольгу тянуло к Иегошуа именно то, из-за чего ее отговаривали от брака с ним. Натура деятельная и уверенная в себе, она стремилась выразить любовь к стране действием. Она представляла себе, как ездит с Иегошуа по горам и долинам, посещает бедуинские шатры, помогает местным жителям словом и делом. Ольга считала, что на древней родине нужно действовать так же активно, как действовали народники в России. Непривычные условия, жара, трудности, враждебность властей — все это ее не останавливало. Ведь рядом с ней был молодой бунтовщик и искатель приключений Иегошуа Ханкин.

Глава одиннадцатая

ОДИНОЧЕСТВО ВДВОЕМ

Бунт против барона все же возымел печальные последствия для Белкина, Ханкина и Файнберга, которым пришлось покинуть Ришон-ле-Цион вместе с семьями.

Иосиф и Берта Файнберг поселились в Яффе. Они как могли старались заработать на жизнь, но все их попытки кончались неудачей. Иосиф даже построил в Лоде фабрику по производству оливкового масла, но она быстро разорилась. Потом он открыл аптеку в Яффе. Однако к тому времени он был уже болен, и врачи посоветовали ему перебраться в Иерихон. Он последовал их совету, который, впрочем, оказался бесполезным: вскоре после переезда Иосиф скончался. Он умер, не достигнув и пятидесяти лет. Его сыновья и дочери уехали в Египет.

Лейб Ханкин продал свой участок в Ришон-ле-Ционе с тяжелым сердцем и горьким чувством обиды. Всю жизнь проработал он на земле, был первым земледельцем в Ришон-ле-Ционе. И вот теперь его изгнали из колонии, в которую он вложил всю душу. Он уже не был молод и устал от жизненных трудностей. Все его силы, энергия и отвага ушли сперва на возделывание земли в России, потом на обустройство в Ришон-ле-Ционе. Сейчас он чувствовал бесконечную, мучительную усталость. Усталость и отчаяние. Он попробовал было завести хозяйство в Гедере, но не выдержал каждодневной изнурительной борьбы за существование. Он так

болезненно воспринял изгнание из Ришон-ле-Циона, что уже не в силах был начинать все сначала, инстинктивно страшаясь неуверенности в завтрашнем дне и невозможности прокормить семью. А семья у него была большая: он должен был вырастить и дать образование шестерым сыновьям и дочерям. После мучительных колебаний Лейб Ханкин решил заняться торговлей, которая, в отличие от сельского хозяйства, быстро приносит доход. Он переехал в Яффу, где при помощи Элазара Рокаха купил двухэтажный дом возле порта. Второй этаж он отвел под жилье для семейства, а на первом открыл оптовую торговлю тканями. Благодаря тому, что его лавка находилась рядом с морем, Лейб получал товар прямо с кораблей, прибывавших из Александрии и Бейрута. Это было дешево и удобно. Дело пошло, и Ханкин бойко торговал дамасским шелком, египетским хлопком и ливанским льном. Среди его постоянных покупателей было и несколько местных богачей.

Ольга и Иегошуа переехали в колонию билуйцев Гедеру. Там они поженились. Свадьба была скромной. За праздничным столом собрались только родственники: Файнберги, Белкинды и Ханкины. Пышное празднество всем казалось неуместным. Слишком острой была боль, причиненная изгнанием из любимой колонии. Кроме того, родители жениха и невесты были сильно обеспокоены разницей в их возрасте. Невеста годилась своему избраннику скорее в старшие сестры, чем в жены.

Прошло совсем немного времени, и Ольга поняла, что опасения родственников имели основания. Иегошуа надолго пропадал из дому, скитался вместе с бедуинами, уезжал ночью верхом в пустыню и предавался другим опасным развлечениям. Остановить его было невозможно. Между молодоженами не существовало даже подобия той внутренней близости, которая позволяла Ольге и Сергею понимать друг друга без слов. Иегошуа был чрезвычайно замкнут и молчалив. Отличаясь большой наблюдательностью, он видел то, что другие не замечали, но никогда не выдавал своих чувств. Лишь немногим удавалось найти ключ к его душе. К тому же он

не любил Гедеру, скучал в маленькой деревеньке билуйцев и почти не участвовал в строительстве барака и посадке деревьев. С участка, выделенного молодым, была хорошо видна арабская деревня Катра, и, вместо того чтобы обрабатывать землю, Иегошуа уезжал туда знакомиться с соседями. Всю работу на винограднике он оставлял жене. Ольге вскоре стало ясно, что страсть к приключениям и тяга к местным жителям преобладают в характере Иегошуа над всеми чувствами и что утихомирить его будет совсем не просто.

Иногда Иегошуа отправлялся в вади Ханин или в Тель Дуран, где завел знакомства среди местных евреев. Вместе с новыми друзьями он разъезжал по дикой, безводной пустыне. В вади Ханин он познакомился с Аароном Айзенбергом, с которым быстро нашел общий язык. Айзенберг был сельскохозяйственным рабочим и жил вместе с женой и двумя дочерьми в шалаше. Как и Иегошуа, он с большим энтузиазмом относился к идее покупки участков для сельскохозяйственных поселений. Он отлично умел ухаживать за фруктовыми деревьями и любил простор и путешествия. В свободные от работы дни, в основном по субботам, он вместе с приятелями отправлялся пешком далеко за пределы вади Ханин. В хорошую погоду они доходили до самой Яффы. Айзенберг научился возделывать землю еще в России. Его огорчало положение иммигрантов, лишенных всяких средств к существованию. Он часто рассуждал с друзьями о том, каким образом можно недорого приобрести небольшие участки земли и получать доход от земледелия. Однажды Айзенберг рассказал Иегошуа, что один местный богач — Рук — купил у другого богача по имени Тайан песчаные земли Дурана и теперь готов продать их любому, кто больше заплатит.

Иегошуа внимательно слушал его и молчал. Точно так же, как молчал, сидя в шатрах бедуинов и слушая рассказы стариков. Мысленно он сопоставлял факты, производил расчеты и вынашивал планы.

Очень часто Иегошуа заезжал в яффские сады или в деревни Сарафанд и Бейт Даджан. По дороге он надолго

останавливался понаблюдать, как арабки складывают фрукты в ящики или рабочие копают лунки в песчаной почве. Рабочие эти жили в ветхих шалашах прямо в саду, и Иегошуа проявлял большой интерес к их образу жизни и работе. Беседуя с ними, он знакомился с их нравами и обычаями. Он узнал, что они начинают трудиться с первыми лучами солнца, а в знойные полуденные часы отдыхают в своих убогих жилищах.

Иногда рабочие приглашали его в свою компанию, и, сжигаемый любопытством, он усаживался вместе с ними в тени деревьев. Вскоре он понял, насколько непостижимы связывающие их отношения. Внешне они были чрезвычайно дружелюбны и приветливы друг к другу, скрывая под этой маской мрачную, упрямую подозрительность. «Чтобы выжить, нужно быть гибким, как тростник, а не гордым, как кипарис. Люди, живущие здесь из поколения в поколение, хорошо постигли эту мудрость», — размышлял Иегошуа, приглядываясь к поведению своих собеседников.

Побуждаемый любопытством, он проводил долгие часы в обществе купцов, спекулянтов, рабочих и пастухов, терпеливо выслушивая рассказы о бесчинствах землевладельцев и порабощении крестьян. Он узнал о бедственном положении феллахов-арендаторов, вынужденных платить налоги за не принадлежавшую им землю и страдавших от алчности землевладельцев и сборщиков налогов. Узнал о коварстве шейхов, состоявших в сговоре со сборщиками налогов и ростовщиками. Постиг хитросплетения турецких законов и понял, какие трудности связаны с оформлением уже купленных земель. Узнал, что феллахи придают гораздо большее значение рукопожатию и почтительным словам, чем покрытым непонятными каракулями бумажонкам. Все, связанное с покупкой земли, вызывало у Иегошуа огромный интерес.

Дома он рассказывал Ольге о своих приключениях. Во время его продолжительных отлучек она целыми днями работала на винограднике в Гедере, приводила в порядок маленький барак, возилась в огороде и ждала... Когда он возвращался, с напряженным вниманием слу-

шала его рассказы. Так она постепенно познакомилась с обычаями и нравами соседей.

Роды Фанни ожидались осенью. Игошуа, как обычно, отсутствовал, и Ольга перебралась жить к Файнбергам. В этот период сестры чувствовали особую привязанность друг к другу. Фанни была очень трудолюбива и, несмотря на предостережения Ольги, бралась за самую тяжелую работу. Она работала в поле, носила на голове большие кувшины с водой, как местные арабки, ухаживала за коровами и овцами. Ее муж Лолик целыми днями пропадал на поле, а кроме того, отвечал за безопасность поселения. Может быть, физическая работа закалила Фанни, а может быть, ей помогло природное здоровье, но роды у нее прошли легко, и вскоре она уже обнимала новорожденного мальчика — первого сына в семействе Файнбергов. Лолика, который перед родами не находил себе места от беспокойства за жену, как назло, не было дома. Ольга поспешно написала записку, которую передала ему с одним из гедерских мальчишек. В записке она сообщала, что у него родился сын и теперь у Шушаны есть маленький братишка. Шушана была первенцем в семье Файнбергов. Новорожденный был совсем крошечный, словно куколка, и на удивление красивый. Младенцы обычно рождаются с красноватым оттенком кожи, а этот родился беленький. «Назовем его Авшалом, — предложила Ольга. — Авшалом, сын царя Давида и гешурской царевны Маахи, был красивее всех жителей страны. Кроме того, — улынулась она Лолику, — может, он и правда принесет мир своему отцу*, и тебе уже не придется ссориться с соседями».

Через некоторое время в Гедере родился сын и у Шимшона с Пниной. Его называли Нааман. Дети росли вместе и когда одна мамаша отправлялась в поле или за покупками в Ришон-ле-Цион, за детьми присматривала вторая.

Через несколько дней после обрезания Авшалома Игошуа снова оседлал лошадь и отправился в одно из

* Игра слов: *ав шалом* на иврите — «отец мира».

своих нескончаемых путешествий. Ольге вновь пришлось испытать горькую чашу одиночества. Ей было особенно тяжело, потому что не о такой жизни она мечтала. Ее сестра Фанни и брат Шимшон жили обычной жизнью семейных людей, в поте лица своего зарабатывая на кусок хлеба. Ей же приходилось бороться не только с жизненными трудностями, но и с одиночеством.

Как-то вечером сидела она за грубо сколоченным деревянным столом на маленькой кухоньке и смотрела в окно. На склоне холма виднелись хижины арабской деревни Катра, откуда доносилось тихое блеяние коз. Солнце еще не зашло, и мягкий свет заката делал все вокруг полупрозрачным. В этот час Ольга особенно остро ощущала одиночество. Она вытащила лист бумаги и принялась писать письмо. Это был единственный для нее способ восстановить душевное равновесие.

Катра, Палестина, 15 мая 1888 года

Дорогой Сергей!

Жизнь здесь совсем не похожа на то, о чем я мечтала. Мне тяжело. Я одинока, и ты — единственный, с кем я могу поговорить по душам. Остальные, и прежде всего мой муж Иегошуа, живут идеалами, а не реальной жизнью. Они еще меньше знают меру, чем русские революционеры. Все мы здесь на грани безумия. Эта атмосфера накладывает тяжелый отпечаток на повседневную жизнь, не дает ни на мгновение отвлечься. Вокруг меня кипит бурная деятельность, я сама много работаю, но, несмотря на это, одиночество не покидает меня. Мой муж, видно, женился на земле, а не на мне. Большую часть времени он проводит вне дома. Трудно даже назвать его мужем. Этому юношу интересует только покупка земель. Он беспрерывно разъезжает по арабским деревням, заводит друзей среди пастухов и обороняется от разбойников. Он получает детское удовольствие от своих приключений и вообще не понимает, что значит быть семейным человеком. Чтобы хоть как-то защитить его, я сшила ему пояс, который набила мелкими монетами. Дороги здесь кишат грабителями, жаждущи-

ми денег. Бросая им монетки из пояса, подумала я, Игошуа выиграет время, ведь они не смогут удержаться и не подобрать деньги, и, даст Бог, он успеет спастись. Лошадь у него очень быстрая.

Наше движение «Земля и воля» наполнилось здесь гораздо более глубоким смыслом, чем в России. Там народ стремился покончить с рабством и отнять у помещиков часть земель для того, чтобы иметь возможность жить трудом рук своих. Здесь же земля принадлежит другому, враждебному евреям народу, и нам запрещено даже покупать ее за полную стоимость.

Но, Сережа, что это я все толкую тебе об идеологии? Ведь на самом деле я так стосковалась по настоящему мужчине, по твоим объятиям, по твоей любви! Я так хотела бы снова ощутить себя твоей частичкой. Мы с Игошуа сделаны из разного теста, и в одно целое нам не слиться. Хотя я считаю своим долгом быть ему кем-то вроде понимающей матери, разделять его энтузиазм и выслушивать рассказы об арендаторах в Хирбет Дуран и о племенах Сатарие и Инфиат. Вообще, большинство местных племен не менее примитивны, чем невежественные русские крестьяне. Неделю назад Игошуа привез меня в соседнюю Катру, чтобы я приняла роды у младшей жены его знакомого шейха. Шейху этому уже лет шестьдесят, а роженице вряд ли исполнилось и пятнадцать. Она лежала в темном шатре под ворохом грязных, пропахших козьим пометом одеял и от страха все время кричала. Бедная, она даже не понимала, что означают ее боли. Она вообще ничего не понимала. Бедная?! Да я бы отдала все на свете, чтобы быть на ее месте, чтобы родить ребенка! С каждым днем я все больше мучаюсь от мысли, что мне, скорее всего, не суждено стать матерью. Самое ужасное — то, что я не могу ни с кем поделиться своей болью, а меньше всего со своим полумужем-полуребенком.

Мне здесь совсем не с кем поговорить об этом. Отцу даже страшно рассказывать о своих страданиях, потому что его интересуют только родина и Библия. Даже матери я не в силах излить душу. Мне мешает стыд, я

стыжусь того, что не могу родить. Ведь у нас, евреев, рождение детей — это великая заповедь. Все вокруг делают мне намеки, дают советы и рассказывают о разных способах лечения, но этим только лишают меня последней возможности поделиться с ними своим горем, рассказать, что тогда произошло с нами. Сережа, я сама во всем виновата и теперь должна смириться с последствиями. Я согрешила против природы, и она наказывает меня. Если бы я только могла рассказать кому-нибудь об этом! У Фанни растет прелестный малыш. Он темноглазый и очень хрупкий, но уже видно, что от своего отважного отца и упрямой матери он получил в наследство сильный характер. Когда он голоден или чем-то недоволен, то орет так, что весь дом трясется. Я люблю его с каждым днем все сильнее. Ему нужны тепло и любовь, а во мне их накопилось так много. Как замечательно, что я могу каждый день ласкать его и баюкать! Как жаль, что я не могу подарить ласку и нежность своему мужу!

Сережка, я снова и снова задаю себе вопрос: почему я не возвращаюсь в Россию? Не знаю. Может, из трусости?

Нет. Отваги мне хватает. Иначе я просто не смогла бы, истекая кровью, оторваться от тебя, вырвать себя из родной почвы. Чего бы я только не отдала за то, чтобы оказаться с тобой рядом, хотя бы на час, хотя бы на миг! Смотреть в твои большие, зеленые, теплые глаза, чувствовать, как щекочут твои усы, наслаждаться твоими объятиями, быть с тобой...»

Из садика доносилось громкое пение птиц. Отложив письмо, Ольга взглянула в окно на бурые, усеянные камнями поля. Теплый ветерок колыхал занавеску. Солнце почти село, и в полутемной кухоньке уже невозможно было писать. Охваченная воспоминаниями, Ольга не заметила наступления вечера. Она зажгла лампу и внимательно перечитала письмо. Потом немного помедлила, прислушиваясь ко все усиливавшемуся щебетанью за окном, приподняла края вышитой скатерти и положила исписанные листы в ящик стола.

Ночью, лежа одна в постели, она видела сон. Ей снился маленький белый платочек. Он парил в небе над морем, как беловатое облачко. Внезапно на нем начали проступать кровавые пятна, которые все расползались и расползались. Сам платочек тоже увеличивался и спускался все ниже, пока не накрыл море гигантским алым ковром. Ковер этот начал быстро тонуть, превращая морскую воду в кровь. Когда Ольга проснулась, за окном царила мертвая тишина. Даже шакалы уже спали и цикады не издавали ни звука. Она долго лежала в кровати, пока глаза ее не привыкли к ночной темноте. Потом порывисто встала, ощупью подошла к столу, открыла ящик и разорвала письмо на мелкие кусочки.

Глава двенадцатая

ПРИНЦЕССА ДЖИХАН

Меньше чем через год после приезда в Гедеру Ольга предложила Иегошуа перебраться в Яффу. «Там, — говорила она, — совершается большинство сделок с местными богачами. Кроме того, там мы сможем гораздо чаще общаться с твоей семьей. Твои братья и сестры уже, наверное, забыли, как ты выглядишь». Втайне она надеялась, что в Яффе будет чувствовать себя менее одиноко, чем в маленьком поселении билуйцев. Прежде всего потому, что сможет там работать по профессии, принимать роды у евреек и арабов.

Санитарное состояние Яффы было плачевным. По городу слонялись толпы праздных арабов, между которыми сновали чумазные мальчишки, верблюды валялись на песке, загораживая дорогу прохожим, улицы были усеяны ослиным пометом, а возле каждого дома возвышались огромные кучи мусора. Хозяйки выплескивали помои из окон прямо на улицу, где они и оставались, превращаясь в зловонные лужи. Проходы между домами были завалены гнилыми овощами, очистками от кожуры и скорлупы и протухшими мясными отбросами. Стаи одичавших собак и кошек беспрепятственно копошились в этом отвратительном месиве, отыскивая себе пищу. Запущенный до крайности город являл собой удручающее зрелище.

Единственным кварталом в Яффе, имевшим европейский облик, была колония «тамплиеров». Построенная

верующими христианами из немецкой провинции Вюртемберг, она отличалась красотой и ухоженностью. От остальных кварталов колонию отгораживала каменная стена. «Тамплиеры» открыли гостиницу и аптеку, даже соорудили давяльную маслин и построили паровую мельницу. Вокруг жилых домов они посадили деревья, для орошения которых прорыли каналы.

Один из самых примечательных домов в квартале тамплиеров принадлежал русскому аристократу Платону Устинову. Детство и юность Устинов провел в Петербурге, где учился в кадетском корпусе. Однако ранение, полученное им на учебном плацу, заставило его резко изменить круг интересов. Он увлекся древними языками — древнееврейским и классическим арабским, изучение которых пробудило в нем интерес к Святой Земле и к вопросам веры.

Еще будучи военным и живя в Петербурге, Устинов пришел к убеждению, что протестантская вера — самый прямой путь к Богу. В тогдашней России уход из православия считался тяжелым преступлением и мог повлечь за собой суровые последствия, вплоть до высылки в Сибирь. Устинова спасло заступничество дяди, русского посла в Турции Владимира Устинова, который выхлопотал племяннику разрешение продать имущество и покинуть Россию. Платон поселился в Германии, в провинции Вюртемберг, которая служила оплотом протестантской секты тамплиеров. Через некоторое время вместе со своими новыми друзьями он отправился на Святую Землю.

Обосновавшись в Яффе, Устинов отвел под госпиталь весь первый этаж своего дома. Это произошло еще до открытия в городе еврейской больницы, и еврейские поселенцы приезжали туда лечиться от малярии. Среди его пациентов были также больные чахоткой, проказой, тифом и различными инфекционными заболеваниями, главной причиной которых являлось ужасающее санитарное состояние города. Спустя всего несколько дней после приезда Ольги в Яффу Устинов пригласил ее к себе домой и предложил поработать в его госпитале до открытия еврейской больницы.

Ольга работала не покладая рук и вскоре приобрела репутацию ответственной, не отступающей перед трудностями сестры милосердия и знающей акушерки. После того как она приняла роды у нескольких жен тамлиеров, о ней узнали и супруги яффских богачей — эфенди. Простые арабки рожали дома, не имея представления и не задумываясь о требованиях гигиены, но знатные дамы были весьма изнежены. Впрочем, большинство из них и в глаза не видело образованной профессиональной акушерки. Те, кто побогаче, за несколько месяцев до родов уезжали в Бейрут, где получали необходимую врачебную помощь и желанный комфорт. Другие прибегали к услугам опытных родственниц или обращались к слепой старухе знахарке Фатиме, которая умела не только принимать роды, но и излечивать бесплодие при помощи заговоров и амулетов, а также предсказывать будущее.

Бутрус Рук был одним из самых богатых людей в Яффе. Люди из его рода жили в этом городе испокон веков, занимаясь импортом египетского хлопка и табака и покупкой земель.

Бутрус Рук проживал в просторном доме недалеко от моря. Его владения вплотную примыкали к прибрежной полосе, от которой их отделяла высокая каменная стена. Эта стена скрывала от посторонних глаз великолепный сад, состоявший из отборных лимонных и апельсиновых деревьев и финиковых пальм. Росли там даже редкие в те времена авокадовые деревья, саженцы которых эфенди Рук получил от садовника одного из своих ливанских родственников. Большой балкон, выходивший на море, был увит ярко-фиолетовыми бугенвиллеями.

В предвечерние часы Рук сживал в пальмовом саду, потягивая кальян и обсуждая с близкими друзьями жизнь в Палестине. Веками была она спокойной и размеренной, и только в последнее время ее мерный ход нарушили странноватые молодые люди из России с бледными лицами и горящими глазами, которые мелькали на яффских улицах, волоча за собой обтрепанные чемоданы, и норовили остаться здесь навсегда.

Бутрису Руку принадлежали тысячи дунамов песчаных дюн между Яффой и колонией Ришон-ле-Цион — эту землю он приобрел еще в семидесятые годы для того, чтобы выгодно перепродать. Теперь же, при виде переполненных евреями кораблей, прибывавших в яффский порт, он радостно думал, что не просчитался.

«И чего им нужно у нас? — удивлялся он, потягивая кальян и глядя, как солнце погружается в серебристое переливающееся море. — Скитаются по улицам, спят на прибрежном песке, всем здесь чужие...»

Друзья эфенди Рука, сами крупные коммерсанты, озабоченно кивали. Они тоже чувствовали, что в городе стало как-то беспокойно. Десятилетиями их кормили паломники из Европы, которые, прибыв в Яффу, закупали провизию в больших количествах, нанимали верблюдов для путешествий по святым местам и расплачивались золотом и серебром. А теперь город полон евреев без гроша в кармане, которые сами нуждаются в помощи. Впрочем, Руку и его друзьям не нравилось, что турецкое правительство не только не оказывает новопривышим материальной поддержки, но и запрещает им покупать землю.

Этот порядок, по мнению эфенди Рука и его окружения, был плох не только для приезжих евреев, но и для землевладельцев, которые не могли заработать на продаже земель. Негоцианты сидели в пальмовом саду, смотрели на волны, перебирали четки и говорили друг другу далеко не все, что думали.

Под балконом огромного дома стояла беседка, увитая жасмином и розмарином, с небольшим бассейном, в котором плескались золотые рыбки. В предвечерние часы вокруг бассейна собирались дамы и беседовали о своих дамских делах. Главным образом о том, как быть всегда желанной для мужчины. Они пили чай, принесенный молоденькой суданской служанкой, поглядывали на солнечные блики, проникавшие сквозь густую листву, и вели светский разговор. Однажды утром в эту беседку пригласили и Ольгу, так как ее слава хорошей акушерки, которая справляется даже с тяжелыми родами, распространилась среди богатых семейств.

Годом раньше Бутрус Рук женился на прелестной темноволосой смуглянке Джихан, которая была намного моложе его. Он называл свою высокую, стройную супругу «моя газель, моя лань» и был от нее без ума. Рук потакал всем прихотям и капризам молодой жены и баловал ее, словно дочь.

Когда пришел ее срок рожать, Джихан с отвращением отказалась от услуг старухи Фатимы и потребовала к себе Ольгу-москвитянку. Мать возражала, но длинноволосая Джихан настаивала: «Я слыхала, что есть такая муаллама* из Московии с пальцами, белыми как снег. Я буду рожать только у нее. Она владеет разными французскими приемами и знает свое дело лучше любого доктора. Она очень терпелива, а пальцы у нее точно шелковые». Говоря так, Джихан смотрела в зеркало, поправляя черные как смоль волосы, уложенные в замысловатую прическу. На ней было шелковое платье цвета спелого персика, которое хорошо гармонировало с ее кофейного оттенка кожей.

Как ни старалась мать, ей не удалось переубедить дочь. Джихан полагала, что имеет право сама решать, кто будет принимать у нее первые роды. К тому же у нее достаточно денег, чтобы нанять европейскую акушерку.

* Буквально: ученая.

Глава тринадцатая

НАГРАДА АКУШЕРКИ

Прошло несколько недель после разговора в беседке. Наступила осень. Однажды поздно ночью, когда серые морские волны с ревом накатывались на песчаный пляж, Ольгу вызвали принимать роды у Джихан. Уже в третий раз отправлялась она в дом Рука. За несколько дней до этого ее привозили туда познакомиться с девушкой, успокоить ее и подготовить к родам.

Джихан рожала впервые и была чуть жива от ужаса. Ольга успокаивала ее и помогала ей дышать правильно, несмотря на начавшиеся боли. В отличие от местных знахарок, она ничего не нашептывала над роженицей и не заставляла развешивать над ее кроватью талисманы. Это было большим новшеством для семейства...

«Дыши глубоко и тужься», — говорила она мягко и в то же время властно, предварительно убедившись, что шейка матки раскрылась на ширину трех пальцев. «Тужься же! Сильнее! Сильнее!» — строго прикрикнула она на изнеженную девушку, которая от ужаса, вызванного непривычными физическими страданиями, медлила выполнять ее указания.

«Я уже вижу темные волосики, — ободряла Ольга роженицу, — еще чуть-чуть, еще одно маленькое усилие, и ты — мать! Тужься!» Но ребенок все не рождался. Ольга продолжала говорить, все время следя за тем, чтобы колени девушки были широко раздвинуты. «Ну, деточка, ну еще совсем немного, последнее усилие! Вот он, вот он, все, уже, уже!»

Внезапно крики девушки смолкли, и в комнате раздался пронзительный плач новорожденного. Джихан перестала судорожно цепляться за края кровати и, как корабль после бури, в изнеможении отдыхала на забрызганных кровью простынях. На ее нежном лбу выступили капли пота. Глаза у нее были закрыты.

«Мальчик», — объявила Ольга, ловко удерживая крепкими пальцами овальное тельце. Потом перерезала скользкую извилистую пуповину и отнесла младенца в заранее приготовленную соломенную колыбельку. Сестра роженицы подложила под спину Джихан мягкие тряпки, чтобы они впитали в себя кровь.

«Иди, сообщи отцу, что у него родился сын, — сказала ей Ольга. — Эта минута — самая важная в жизни человека».

Роженица несколько минут лежала неподвижно с закрытыми глазами. Потом внезапно зарыдала — оказалось перенесенное напряжение. Плач перешел в едва слышное бормотание. Ольга вытерла ее лицо мягкой тряпочкой. «Все будет в порядке», — успокоила она Джихан, которая уселась вдруг на постели и устремила на Ольгу широко раскрытые глаза. Черты лица Джихан отличались необычайной нежностью. «Я хочу, чтобы моего сына звали Амар. Амар Рук — имя, подходящее для мужчины», — пробормотала она слабым голосом. Ольга провела рукой по черным волосам девушки и кивнула.

Велика была радость эфенди, когда он узнал о рождении сына. Он отправился на женскую половину дома, быстрыми шагами вошел в спальню, погладил жену по побледневшему лицу и поцеловал ее. Потом он обратился к Ольге и по-восточному цветисто поблагодарил ее за труд.

На следующий день Бутрус Рук попросил Ольгу назначить причитающуюся ей плату. Ольга попросила перенести этот разговор в приемную богача. Бутрус Рук никогда не разговаривал с женщинами в своей приемной, но из уважения к европейской акушерке решил сделать для нее исключение. Выслушав комплименты и

похвалы Рука, Ольга предложила ему договориться обо всем с ее мужем. Она понимала, что таким образом приобретет уважение богача-араба, избавив его от непривычной и унижительной необходимости вести переговоры с женщиной. Была у нее, однако, и еще одна, более важная цель. Она хотела предоставить Иегошуа возможность познакомиться с эфенди.

Ольга едва дотащила до дома огромные корзины с подарками, восточными сладостями и сушеными фруктами. Она сообщила Иегошуа, что он скоро сможет встретиться с Бутрусом Руком. «С ним надо вести себя как можно почтительнее, это его слабое место, — предупредила она мужа, — если найти к нему правильный подход, то можно многого от него добиться. В хорошем настроении он бывает щедр и соглашается обсуждать даже щекотливые вопросы. А сейчас в его доме большая радость».

Для Иегошуа визит к Руку имел очень большое значение. Он хотел купить земли Дурана, принадлежавшие этому эфенди, и уже давно искал возможность встретиться с ним. Иегошуа был хорошо подготовлен к этой встрече. Он свободно говорил по-арабски и знал, как следует вести себя в обществе яффских богачей. Поэтому свое знакомство с Руком он начал с витиеватых приветствий, содержащих многочисленные комплименты и похвалы в адрес его новорожденного сына. В арабских семьях рождение мальчика-первенца было большим праздником и сильно укрепляло авторитет отца. Расхваливая младенца, Иегошуа рассчитывал расположить к себе Рука и облегчить переговоры.

«О отец Амара, — обратился Ханкин к счастливому родителю, — моя Ольга не хочет от тебя денег за свой труд».

Рук внимательно и удивленно посмотрел своими черными глазами на бородатого гостя. С лица у него не сходила счастливая улыбка.

«Что такое деньги, о отец Амара? — продолжал Ханкин. — Разве можно измерить деньгами такую радость, как рождение первородного сына?»

«Правду ты говоришь, Йешуа, пойдем посидим немного у меня в приемной. Обсудим, чем я смогу отблагодарить твою Ольгу. Вестницей большого счастья была она для нас, клянусь Спасителем, носящим одно с тобой имя. Никак я не могу взять в толк, почему у вас, евреев, такие же имена, как у наших святых: Йоханан, Матитьяху, Мириам, Йешуа... Но входи же, входи».

В приемной собеседники некоторое время обменялись любезностями, потягивая сладковатый лимонный напиток и угощаясь пирожными, принесенными темнокожим слугой. Как бы невзначай Рук упомянул о том, что в последнее время в Яффу прибывает все больше кораблей с еврейскими иммигрантами. Иегошуа промолчал, понимая, что хозяин стремится выведать у него планы сионистов. Наконец приступили к делу. Выслушав похвалы Рука, превозносившего ученость Ольги, Иегошуа попросил его продать земли Дурана ему, а не еврейским или арабским перекупщикам, желающим приобрести их для наживы. «Это будет лучшей наградой Ольге за все дни, проведенные ею с роженицей», — сказал он.

На лице эфенди изобразилось удивление, хотя он заранее все хорошо разузнал о занятиях Иегошуа. Знал он и о том, как отчаянно евреи нуждаются в земле, а также о честности своего собеседника и поэтому был готов к подобной просьбе. «Платой моей жене станет твое согласие продать мне земли Хирбет Дурана. Сколько ты за них хочешь?» Голос Иегошуа звучал спокойно и уверенно. Собеседник его продолжал изображать удивление. «Никогда еще, — заметил он, усмехнувшись, — женщина не просила у меня платы в виде земельных участков». Потом снова принялся расхваливать Ольгу.

Начался восточный торг, в котором один из участников заламывал огромную цену, не надеясь получить и половины, а другой доказывал, что земля никуда не годится, и обещал выплатить всю сумму целиком. Наконец согласие было достигнуто, и они пошли подписывать предварительный договор. Бутрус Рук собаку съел на таких делах и потому потребовал задаток. Денег у

Иегошуа не было, и он собирался занять их у отца, торговавшего дамасскими и египетскими тканями. Конечно, он сильно рисковал: если бы сделка не состоялась и задаток пропал, отец понес бы большой ущерб. Тем не менее Иегошуа решил, что это единственный выход. К тому же в глубине души он был уверен, что сможет продать купленную землю одной из сионистских организаций.

Ольга, чтобы помочь Иегошуа, занялась практическими сторонами сделки. Она попросила родственников поручиться перед богачом в том, что Иегошуа выполнит условия договора. В скором времени земли Хирбет Дурана перешли в собственность Иегошуа.

Покупка была совершена в Хануку 1890 года. Как раз в это время в страну приехало много еврейских рабочих, на которых так рассчитывал Иегошуа. Однако иммигранты эти отнюдь не были богачами. Чаще всего они вообще не имели средств к существованию, отчаянно искали источники заработка и, разумеется, были не в состоянии покупать земли. Так что ханукального чуда с Иегошуа и Ольгой не произошло. Зря они понадеялись, что иммигранты или еврейские организации из России с руками оторвут у них эту землю. Иегошуа почувствовал себя загнанным в угол. С утра до вечера метался он по крошечной квартирке, нервно поглаживая бороду, производил на бумажках какие-то расчеты. Потом, не сказав ни слова, выбегал на улицу и отправлялся к менялам. Он прекрасно был знаком с ними — арабами-мусульманами, армянами, персами и ливанскими христианами, которые все знали о нелегальных партиях золотых монет с севера и о финансовом положении бейрутских богачей, владевших землей в Палестине. За чашечкой горького кофе Иегошуа выслушивал последние новости о стычках арабских кланов, о ссорах за наследство, рассказы о супружеских изменах и других скандалах, имевших финансовое значение.

Каждый меняла в этом узеньком переулке специализировался на чем-то своем — на курсах валют, на их

обмене и продаже и на всевозможных хитрых комбинациях.

Походы Игошуа к менялам ничуть не беспокоили Ольгу. Она понимала, что там он удовлетворял свою потребность в приключениях и риске, испытывал смелку и коммерческую интуицию и хотя бы на время обретал спокойствие. А жил Игошуа как в лихорадке. В его мозгу постоянно возникали всевозможные проекты, рассыпавшиеся один за другим, как карточные домики. Он был азартен, как левантийские купцы, знавшие все о состоянии рынка и о контрабандных товарах, и, как они, нуждался в риске. Поэтому Ольга даже радовалась, когда Игошуа отправлялся в узенький переулок. Она знала, что разговоры с его обитателями принесут ему облегчение. Она примерно представляла себе его маршрут. Сначала он обычно заходил к ливанцу. Потом к персу, который единственным своим глазом безошибочно отличал фальшивое золото от настоящего и точнее, чем его собраты, определял процент золота или серебра в любом изделии.

Раньше, возвращаясь из переулка менял, Игошуа чувствовал умиротворение. Сейчас же удрученное состояние духа не покидало его даже там. Пытаясь развеяться, он заходил в переулок ювелиров поболтать с Аароном Шлушем. Шлуш уже давно по хорошей цене купил песчаные земли недалеко от Яффы. По инициативе Шимона Рокаха там был построен поселок Неве Цедек. Аарон Шлуш был сефардским евреем и очень гордился тем, что предки его проживали в Алжире. Он умел хорошо и с толком торговаться, соблюдая все правила замысловатого восточного этикета, и Игошуа любил перекинуться с ним парой слов. Но сейчас и визиты в переулок ювелиров не приносили ему успокоения. Тогда в отчаянии он уезжал к своему другу Аарону Айзенбергу, который обещал помочь ему продать купленные участки сионистским организациям.

Ольга вскоре убедилась, что нет ничего страшнее, чем раздоры среди своих. В еврейской среде у Игошуа

было довольно много завистников, которые отговаривали иммигрантов от покупки его участков.

Ольга часто твердила мужу, что настоящие неприятности еще впереди и поэтому надо научиться стойкости. Она была уже зрелым человеком, еще в Петербурге хорошо изучила человеческую натуру и понимала, какой разрушительной силой обладают люди, обуреваемые жаждой власти и богатства. Она советовала Иегошуа остерегаться как чиновников барона, так и всевозможных крупных и мелких дельцов, недоброжелательно настроенных к людям, цель которых не собственная нажива, а общее благо.

Иегошуа вначале отмахивался от ее советов, но когда общество «Менуха ве-Нахала», якобы собиравшееся приобрести земли, поставило ему ряд невыполнимых условий, он понял, что Ольга была права. От него требовалось, например, оформить покупку на имя каждого покупателя. Это было совершенно невыполнимо, потому что турецкие власти запрещали продавать земли евреям, имевшим русское подданство. Кроме того, «Менуха ве-Нахала» требовала от Иегошуа получить разрешение на застройку продаваемых участков, что было невозможно опять-таки из-за турецких законов. И снова Ольга спасла положение. Она посоветовала мужу раздобыть разрешение на постройку коровников, против чего турецкие власти возражать не будут. Впоследствии поселенцы легко смогут благоустроить эти коровники и превратить их в жилые дома. Иегошуа последовал ее совету. Однако серьезных покупателей у него по-прежнему не было, зато день ото дня возрастала опасность, что купленной землей вновь завладеют феллахи и пастухи.

Однажды Ольга предложила Иегошуа устроить в Хирбет Дуране громкое торжество, чтобы таким образом открыто и во всеуслышание объявить о покупке этих земель евреями. Иегошуа, привыкший скрывать свои сделки, сначала отнесся к ее предложению весьма скептически. Ольга, однако, продолжала настаивать на том, что теперь, когда земля уже куплена, надо действовать

смело и открыто. «Этим празднеством мы расставим все точки над і, — убеждала она мужа. — Пастухи и наши недоверчивые евреи поймут наконец, что земля действительно больше не принадлежит эфенди Руку. Тогда они, может, и захотят купить Хирбет Дуран». В конце концов Иегошуа согласился с доводами жены и не просчитался. Все произошло именно так, как говорила Ольга.

За несколько дней до Пурима семейства Ханкиных и Белкиных переехали в новое поселение, которое называли Реховот, ибо, как сказано в Библии, «теперь Господь дал нам пространное место (на иврите — *ирхивлану*), и мы размножимся на земле».

Глава четырнадцатая

ДОМ У МОРЯ

Однажды ночью Ольга сквозь сон услышала конский топот и испуганное ржание. За этим последовал глухой звук — она поняла, что это всадник соскочил на землю. Иегошуа, хромая, вошел в комнату. Было уже за полночь, появление мужа окончательно разбудило Ольгу, и она с тревогой наблюдала, как он тщетно пытается совладать с прерывистым дыханием. Она встала с постели и подошла к нему. На ней была белая вышитая ночная рубашка. Ее длинные волосы темной волной спустились до пояса.

Задавать вопросы не было нужды. Рана на его руке кровоточила. Он с трудом держался на ногах и ухватился за стол, чтобы не упасть. Сестра он тоже не мог. Рубашка была вся в крови. Ольга поспешно достала из домашней аптечки бинты и йод и начала делать ему перевязки.

«На этот раз я едва спасся», — пробормотал Иегошуа. Ольга молча перевязывала ему плечо, осторожно вытирая кровь. «Их было пятеро. Один из них закричал, чтобы я остановился. Когда я прищипорил лошадь, остальные окружили меня и схватились за ножи. Ума не приложу, откуда они взялись так поздно», — продолжал Иегошуа. Пальцы у него дрожали.

«Может, они следили за тобой?»

«Они следили за мной много раз, но никогда не нападали в полночь, а только сразу после захода солнца или на рассвете».

«В таких вещах нет правил, — решительно произнесла Ольга, наложив последний бинт на плечо, — может, они хотели заставить тебя врасплох. Ты причинил им достаточно неприятностей».

«Я думаю, их наняли перекупщики, которые точат на меня зубы из-за Хадыры*. Вот уже сотни лет евреи почти не покупали здесь землю. А теперь, когда мы решили жить как другие народы, все ополчается против нас — и турки, и русские, и местные жители».

«Но зачем им нападать на тебя сейчас? Ты ведь уже договорился о покупке».

«Потому что договор еще не подписан и они все еще надеются отбить у меня этот участок. Он ведь самый зеленый в округе. Здесь даже порт можно построить».

Закончив перевязку, Ольга отправилась на кухню и поставила чайник на огонь. Иегошуа обожал поздние ночные чаепития. Чай успокаивал его и помогал привести в порядок мысли.

«Вот уж что их нисколько не интересует — так это порт. Им нужны только деньги. О строительстве порта мечтают идеалисты, такие, как мы с тобой. Но все это ерунда. Главное, что ты жив. Расскажи, как тебе удалось спастись». Ольга подала мужу дымящуюся чашку горячего чая. «Это все моя лошадка, моя умница, — от слабости Иегошуа начал говорить шепотом, — она забралась в тростниковые заросли, и бандиты не смогли меня найти».

«Как же тогда они сумели тебя ранить?»

«Они наугад протыкали ножами тростник и попали в меня. Кроме того, они примерно знали, где я нахожусь, потому что лошадь иногда испуганно храпела, и они это, конечно, слышали».

«Как же ты выбрался оттуда?»

«Я бросил им все монеты, которые были у меня в поясе. Это помогло. Ты меня опять спасла. Что бы я без тебя делал, моя Рахель!»

Иегошуа любил называть жену «моя Рахель», намекая на ее сходство с дочерью древнего иерусалимского

* Арабское название Хадыры — по-арабски *хадыра* означает «зеленая».

богача Кальба Савуа, носившей это имя. Кальба Савуа был несметно богат и хотел, чтобы его дочь вышла замуж за богатого аристократа. Рахель, однако, полюбила рабби Акиву, который в то время был нищим неграмотным пастухом. Отец проклял дочь и изгнал ее из дома. Она же твердо верила, что ее избранника ожидает великое будущее. И действительно, проведя много лет в различных академиях, он вернулся прославленным ученым. Рабби Акива при всех отдал должное тому, что сделала для него Рахель. «Всем, что я знаю, я обязан ей», — сказал он своим многочисленным ученикам и почитателям.

Ольге нравилось, когда муж называл ее «моя Рахель». Вот и сейчас она улыбнулась, услышав эти слова. И снова почувствовала себя заботливой матерью Иегошуа, который так нуждался в ее советах и поддержке. Это ощущение еще усилило в ней чувство ответственности за его судьбу. Он же не спеша прихлебывал чай, здоровой рукой обнимая жену за талию. «Знаешь, Ольга, давай поедем туда, и я покажу тебе это замечательное место», — предложил он.

«Сначала приди в себя от сегодняшних приключений», — ответила Ольга и нежным движением убрала упавшие ему на лоб волосы.

Через несколько дней после ночного нападения на Иегошуа они вместе поехали в Аль-Хадыру...

Стояла осень. Путь был долгий и утомительный. Прошло несколько часов прежде, чем холмистый район Гедеры остался позади и путники увидели перед собой море. После этого ехать стало легче. Бесконечный горизонт и шум волн наполняли душу ощущением свежести. Ольга и Иегошуа долго ехали вдоль скалистого берега. Наконец они остановили коней, спешили и расположились на песке возле самого моря. Ольга вынула из соломенной корзинки лепешки, маслины, лабана — густую молочную пасту, которую научилась готовить у арабов, — и несколько апельсинов. Проголодавшийся Иегошуа с жадностью набросился на еду.

Движения Иегошуа, как всегда, были быстры и порывисты. Ольга, наоборот, ела медленно, задумчиво

наблюдая, как прибрежный песок, словно губка, впитывает в себя соленую морскую воду. «Единственный способ найти с ним общий язык, сохранить с ним близость — это заниматься землей, — с горечью думала она, — все остальное ему безразлично. Он живет только ради земли. Окружающий мир, любовь, семья его не интересуют». Море, покрытое мелкой рябью, оставляло после себя на песке беловатые полосы и канальчики. «Вот и все, — мысленно подвела итог Ольга. — Так сложилась здесь моя жизнь. Но зато в ней есть смысл. Ведь, помогая Иегошуа, я одновременно помогаю семьям иммигрантов, беженцам, лишенным средств к существованию. Я участвую в создании общества, а не просто подчиняюсь воле упряма». Она еще долго сидела в задумчивости, устремив взгляд на море. Потом встала и пошла собирать сухие веточки и траву, чтобы разжечь костер. С моря дул прохладный ветер, принося с собой горьковатый запах соли. «Я люблю тебя, Ольга», — сказал вдруг Иегошуа, и она поняла, что любовь к ней — часть его великой любви к родине. «Покупка Хадыры — это наше самое сложное предприятие, и если оно удастся, ты сможешь бросить работу и жить как королева», — добавил он. Ольга улыбнулась. Опять он не понял ее. Не захотел понять, что теперь, когда она окончательно отказалась от надежды на нормальную семейную жизнь, именно работа придает смысл ее существованию. В то время ей было под сорок, и она чувствовала себя в полном расцвете сил.

«Море такое огромное, — сказала она тихо, — бесконечное, безграничное. Когда я остаюсь одна, я иногда мечтаю о доме на берегу моря. На самом берегу. Возле моря не чувствуешь одиночества. Оно оживляет и придает силы, и вместо жалости к себе испытываешь благоговейный восторг перед природой. Перед силами, над которыми человек не властен».

«Оленька, если только мне удастся купить Хадыру, то клянусь, что здесь, на этом берегу я построю тебе дом!»

В полдень они снова двинулись в путь и долго ехали не останавливаясь, всей душой впитывая окружающий пейзаж. Ольга была хорошей наездницей, и верховая

езда доставляла ей удовольствие. Миновав район, богатый известковым шпатом, они через некоторое время увидели перед собой заросли тростника. Здесь начинались болота. Иегошуа ехал первым, прокладывая дорогу. Ольга следовала за ним. Было тихо. Иногда только тишину нарушал пронзительный крик болотных птиц, сопровождавшийся громким хлопанием крыльев. Тростник был очень густой и высокий.

«Эта земля принадлежит хайфскому эфенди по имени Салим Хури, — сказал Иегошуа. — Зদেশние племена платят ему большие деньги за покровительство. Сейчас он хочет продать землю, надеясь нажиться на еврейских иммигрантах. Тут можно построить порт! Еврейский порт, с еврейскими матросами. С нашими кораблями».

«Опять он размышлялся», — подумала Ольга. «Но ведь если бы человек не мечтал, он вообще ничего бы не смог осуществить», — возразил ей внутренний голос.

«Это было бы замечательно! — сказала она вслух. — Ты уже разговаривал с местными жителями? Как они умудряются выжить здесь, среди тростника? Как добывают пропитание?»

«В этих местах проживает несколько племен, самое крупное из которых — Араб Инфиат. Кормятся местные жители большей частью грабежом, но среди них есть и пастухи, нуждающиеся в зеленых пастбищах. Если мы осушим болота, радости от этого для них не будет никакой. Разговаривать с ними без толку, надо просто поставить их перед фактом, поселившись здесь, и я предлагаю, чтобы наши родственники были первыми».

«Да, Фанни мне говорила. Она бы очень хотела сюда перебраться. Ей хочется иметь свой дом и свою землю, как в Ришон-ле-Ционе».

«Они с Лоликом переедут сюда в числе первых», — сказал Иегошуа, слегка натягивая вожжи. Лошадь его брела по колено в болотной жиже.

«Но как же они смогут тут жить с маленькими детьми? Фанни так намучилась еще до рождения Авшаломма. В эти места нельзя привозить детишек».

«Не беспокойся. Мы осушим болота, и дети будут расти здесь крепкими и здоровыми».

Ольга уже хорошо изучила Иегошуа и знала, что он часто смешивает мечты и реальность и склонен принимать желаемое за действительное. Она не стала с ним спорить, опасаясь ослабить его уверенность в себе и силу духа. Только спросила, как, по его мнению, можно осушить такие обширные болота, которые после каждого дождя становятся все глубже. Иегошуа ответил, что уже беседовал об этом с Лионом Штейном, хозяином насосной фабрики*.

Ольга понимала всю несбыточность надежды при помощи каналов или насосов вычерпать болотную воду и отвести ее далеко от Хадыры. Лион Штейн был братом доктора Марка Штейна**, с которым ей доводилось работать. Марк много рассказывал ей о трудностях, переживаемых фабрикой, и об изобретениях брата.

Лошади продолжали медленно брести по воде. Вздыхнув, Иегошуа признался, что существуют проблемы и посерьезнее, чем осушение болот.

«А что же может быть серьезнее?» — спросила Ольга, глядя на вереницу белых лысух, с удовольствием плававших в мутной воде.

«Ни мужество, ни труд, ни деньги не вернут здоровья больным лихорадкой. А касаясь того, о чем мы говорили, гораздо проще приучить местных жителей к нашему присутствию, чем купить эти земли», — решительно заявил Иегошуа и добавил с раздражением, что очень

* Лион Штейн был одним из создателей еврейской промышленности. Штейн совершил алию в 1887 году и открыл в Яффе литейную фабрику. Он был талантливым изобретателем, и многие еврейские промышленники приезжали к нему приобретать знания и опыт.

** Доктор Марк Штейн единственный из членов БИЛУ совершил алию, уже имея диплом врача. Он прибыл в Палестину в 1883 году и работал в Микве Исраэль вместе с билуйцами. С 1884 года работал врачом в колониях, но был уволен в результате бунта против барона в Ришон-ле-Ционе. После этого получил должность врача в яффской больнице «Шаар Цион» и возглавил организацию «Бней Моше». Помог своему брату инженеру Лиону Штейну открыть насосную фабрику, а также выручил его из финансовых затруднений.

разочарован поведением «Ольгиного» Темкина, который все откладывал и откладывал свой приезд в Палестину.

Представителя «Ховевей Цион» Темкина ожидали в Палестине еще несколько месяцев назад. Он взялся организовать товарищества по заселению страны и собрать деньги на покупку Хадыры. Подписать договор без этих денег было невозможно. Ольга знала это и в письмах Темкину умоляла его не задерживаться. Но Темкин все не приезжал.

«Если он не появится на следующей неделе, я буду вынужден сам подписать договор, — сказал Иегошуа. — Это опасно, но другого выхода нет. Лучше мне самому рискнуть, чем оставить все перекупщикам, гоняющимся за наживой».

Глава пятнадцатая

ЗАКАЛЯЮТ ЛИ СТРАДАНИЯ

Постоялый двор в Хадере представлял собой прямоугольную постройку, разделенную на множество грязных комнатушек. Однажды утром у его дверей остановилась одинокая всадница. Она привязала лошадь к большому столбу у ворот и быстро, энергично, несмотря на тяжелую сумку, вошла в дом. Затем прошла в комнату, из которой доносились прерывистые стоны. В темной комнате было влажно и жарко. Тем не менее лежавший на циновке юноша дрожал всем телом, словно на него цедили через сито холодную воду. Женщина опустилась рядом с ним на колени, вытащила из сумки таблетки и попросила кого-нибудь принести чем запить. Никто не удивился ее появлению, но никто с ней и не поздоровался.

Первые поселенцы Хадеры, обитавшие на постоялом дворе, привыкли к визитам Ольги, которая приезжала туда каждый день ухаживать за больными лихорадкой и тифом. Кроме того, она учила поселенцев впрыскивать хинин. Стоя возле керосинки, она терпеливо кипятила воду, чтобы тщательно продезинфицировать шприц и иглу, и лишь потом делала укол. Поселенцы не только не благодарили Ольгу, но даже ни разу не сказали ей доброго слова, так как считали, что она не меньше, чем муж, виновата в болезнях и страданиях, которые стали их уделом.

Все беды начались после того, как Игошуа Ханкин купил у эфенди Салима Хури земли Хадеры. Он не

выполнил взятых на себя обязательств, чем вызвал гнев как простых поселенцев, так и многочисленных еврейских организаций в России и Польше. Эта покупка была самым большим предприятием Ханкина. Как и многих других, его ввело в заблуждение плодородие хадерской земли. Он рассчитывал, что в Хадере можно будет построить большое сельскохозяйственное поселение и даже порт.

Иегошуа уверял поселенцев, что сможет осушить болота, но это оказалось ему не по силам. Он обещал оформить проданные участки на имя каждого покупателя, но не смог этого сделать из-за турецких законов. Организации, которые обязались купить землю, перессорились между собой, а владельцы частных домов требовали у него разрешения на застройку участков, в то время как турецкие власти таких разрешений не давали.

Первые жители Хадеры очень скоро потеряли здоровье, а с ним и надежду, и радость жизни. Переезжая, они рассчитывали жить в цветущем, изобилующем растительностью месте. Таким оно с виду и было. Однако почти вскоре после приезда сюда поселенцев валила с ног малярия. Это был настоящий мор, и вскоре в Хадере не осталось ни одной семьи, которой удалось бы уберечься от этой болезни. После укуса страшных малярийных комаров, которыми кишело болото, у людей поднималась температура, их начинал трясти озноб — никакие лекарства не помогали. Малярия косила всех без разбору: детей, молодежь, стариков. Заболевали даже люди, отличавшиеся завидным здоровьем и привыкшие к тяжелой физической работе в любых условиях. Женщины, маленькие дети и крепкие закаленные крестьяне теряли сознание от жара, бредили и после долгих мучений умирали в страшных судорогах.

Ханкина возненавидели все: поселенцы, перекупщики и турецкие власти. Никогда еще его положение не было таким тяжелым, как после покупки тридцати тысяч дунамов земли в Аль-Хадере.

Ольга ободряла его как могла. Но не меньше, а может быть, даже больше она старалась помогать пострадавшим поселенцам. Некоторые семьи не разрешали ей

ухаживать за своими больными, считая ее виновной в их горе, в том, что они ничего не знали о гибельных болотах Хадеры. Ольга, сильная духом и привыкшая видеть людей в минуты слабости, не обижалась на эти обвинения и сохраняла спокойствие. Она знала, что лучше всего поможет Игошуа, если облегчит страдания поселенцев и смягчит их гнев.

Однажды, когда Ольга стояла возле постели больного, проверяя шприц, какой-то мальчик позвал ее принимать роды у одной из молодых поселенок. Ольга не успела ни о чем спросить, потому что вслед за мальчиком в комнату ворвался муж роженицы, вытолкал его за дверь и закричал: «Я не позволю жене убийцы принимать роды у моей жены! Я не позволю, чтобы она взяла в руки моего сына!» Лицо его было багровым. Ольга продолжала работать. Уже много раз Игошуа называли убийцей в ее присутствии, но она не обижалась, понимая, что эти слова продиктованы великим страданием и болью. Ведь на самом деле никто не знал, насколько опасны хадерские болота. И между прочим, самыми первыми приехали жить в Хадеру родственники Игошуа. Тем не менее в постигшем поселенцев несчастье все обвиняли именно его.

Муж роженицы хотел выгнать Ольгу с постоянного двора — ведь по ее вине и по вине ее мужа он потерял двух маленьких детей. Ольга молча продолжала готовить инъекцию хинина. Мало кому удавалось вводить хинин прямо в мышцу больного, а она это делала безукоризненно, не оставляя следов. Ольга понимала, как тяжело горе отца, только что потерявшего детей, и не спорила с ним.

В петербургских больницах ей доводилось видеть сцены не менее душераздирающие: матерей-малолеток, против воли рожавших никому не нужных детей, пожилых женщин, только что узнавших о смерти любимой дочери во время родов. Именно выдержка, приобретенная в России, позволяла ей сейчас сохранять спокойствие. У нее было больше жизненного опыта, чем у молодого отца, и она надеялась, что, сохраняя присутствие духа, придает ему силы, помогает поддержать жену. В те дни многие покидали страну, и она понимала

этих людей, хотя они во всем винили ее мужа. При этом главным ее стремлением было поддержать Иегошуа, и не только словами, но и делами.

Иногда Ольга седлала лошадь и отправлялась в Хадеру без ведома Иегошуа. Для защиты от разбойников она всегда брала с собой усеянный гвоздями кнут, который назывался корбач. Она очень хорошо владела этим орудием самозащиты и вскоре приобрела репутацию сильной женщины, с которой не стоит связываться. Впрочем, чтобы не волновать родных, она обычно позволяла сопровождать себя кому-нибудь из родственников.

Довольно часто ее провожал Лолик, возвращавшийся на свой участок из Яффы, где проводил субботу. Иногда он брал с собой своего сына Авшалом, чтобы приучить его к трудностям и закалить. Авшалом был необычным ребенком, очень смелым, живым и острым на язык. Несмотря на худобу и невысокий рост, он отличался ловкостью и выходил победителем из большинства мальчишеских драк. Лолик отправил его учиться в арабскую школу, чтобы познакомить с культурой соседей. И действительно, вскоре Авшалом уже отлично болтал по-арабски и приобрел множество друзей среди местной детворы. Ольга очень радовалась, когда Лолик с сыном отправлялись вместе с ней в Хадеру. Она была сильно привязана к Авшалому и, желая восполнить его еврейское образование, при каждой возможности пересказывала ему какие-нибудь библейские легенды. Обладавший острым умом, мальчик любил озадачивать рассказчицу сложными вопросами, наподобие тех, что она сама задавала родителям в детстве. «Как это солнце могло остановиться?» — спрашивал он. Или: «Разве можно приставить лестницу к небу? Если есть такая лестница, я тоже хочу на нее поглядеть», — говорил мальчик, буквально пожирая Ольгу темными горящими глазами. Глаза у него были умные и чрезвычайно живые, как два огонька. «А что бы ты сделал, если бы увидел эту лестницу?» — спросила Ольга. «Я бы забрался по ней на небо, — ответил Авшалом, — и попросил высушить все эти вонючие болота. Тогда папе не пришлось бы столько работать, а дядя Иегошуа перестал бы злиться».

Действительно, возвращаясь домой после двухдневного или трехдневного отсутствия, Ольга всегда заставляла одну и ту же картину. Игошуа, как загнанный зверь, метался по крошечной квартире, лихорадочно придумывая самые невероятные способы расплатиться с бывшим владельцем Хадеры и избежать стычек с займодавцами и поселенцами. Она не знала, что для него мучительнее — страх, вызванный угрозами эфенди аннулировать сделку, или жалобы поселенцев, гибнущих на купленной земле вместе со своими семьями.

В те дни Ольга посылала статьи в петербургскую газету «Гамелиц». В них она рассказывала не только о страданиях жителей Хадеры, но и о том, как растут поселения, как прибывают переполненные иммигрантами корабли, писала о миндальных садах в Реховоте, о разбойниках, подстерегающих христианских паломников, об озере Киннерет, о жизни в первых еврейских колониях. Она надеялась, что ее искренние и правдивые статьи усилят тягу евреев диаспоры к Палестине, несмотря на то что она никогда не преуменьшала невзгод, выпавших на долю поселенцев. В тяжелые минуты Ольга размышляла о трагической судьбе некоторых народников, которые пожертвовали своей уютной, сытой жизнью ради того, чтобы обучать грамоте и элементарной гигиене крестьянских детишек. Царские власти обвиняли этих людей в подстрекательстве к бунту, бросали в тюрьмы, казнили. «Хорошо, что хоть здесь никого не казнят», — думала Ольга, не сомневаясь, что им с Игошуа был бы вынесен именно такой приговор.

В России в то время существовало широко распространенное мнение, что евреи — это своего рода фермент, вызывающий революционное брожение повсюду, где он появляется. Тайная полиция получила указания от министерства внутренних дел следить за «евреями и их пособниками» и понять, каким образом они умудряются заниматься строительством поселений в Палестине.

Глава шестнадцатая

МИССИЯ В ПАЛЕСТИНУ

«Господин майор, вас вызывает начальник штаба», — обратился как-то к Сергею Федорову его адъютант. На дворе уже стоял март, но в Петербурге все еще шел мокрый снег, и сквозь зарешеченные окна было видно, как он оседает на куполах церквей и крышах дворцов.

Адъютант обращался к Федорову с легкой улыбкой, так как знал, что тот презирает своего начальника и подчиняется ему по необходимости. Вот уже несколько недель служба в департаменте полиции* проходила на редкость монотонно. Никаких секретных операций не предвиделось, и сотрудники департамента слонялись по коридорам без дела. Однообразие плохо сказывалось на работе сыщиков, которым для поддержания формы требовались риск и напряжение. Обычно сотрудники тайной полиции, притворяясь рабочими и мастеровыми, втирались в доверие к революционерам и устраивали различные провокации. Когда же вместо этого им приходилось сидеть в конторе, они скучали и теряли бдительность.

Федоров пошел служить в тайную полицию из чувства национального долга. Министерство внутренних дел, которому подчинялся департамент полиции, вербовало агентов во всех государственных учреждениях и в армии.

* Начиная с 1880 года департамент полиции занимался, в числе прочего, политическим сыском.

Речь шла о защите царской власти и отечества. Власти понимали, что русский народ, подобно разбухшему зимой медведю, готов крушить все на своем пути. Напряженная и опасная работа в тайной полиции привлекала Федорова еще и потому, что позволяла ему забыть-ся после отъезда Ольги в Палестину.

Вначале он еще надеялся, что она вернется. Ведь, по ее словам, она уехала только на время — принять роды у сестры. Ольга обещала ему, что приедет обратно через несколько месяцев.

Вначале она писала ему письма, где рассказывала о встрече с родственниками и о новой стране, но в один прекрасный день перестала писать и не оставила адреса.

Много раз ездил Федоров в Одессу, надеясь встретить Ольгу в порту. Раз или два в неделю в порт приходили корабли из Яффы, и Федоров уже знал их названия, окраску и даже знаком был с некоторыми офицерами из экипажа. Он отправлялся в порт и ожидал прибытия корабля. Пароходные гудки бередили ему душу, усиливая тоску по Ольге, и он все ожидал, что увидит ее среди пассажиров. Но Ольга не появлялась. После многочасового ожидания Федоров возвращался в город, заходил в трактир и напивался пьяным. А на следующий день поезд уже вез его домой.

Со временем тоска только усиливалась — Федоров воочию видел Ольгу, разговаривал с ней, искал опасных приключений, чтобы забыть ее. Через год после ее отъезда он поступил работать в тайную полицию, перебросившую свою агентуру по всей Европе. Федоров попросил дать ему задание, связанное с работой за границей. Его направили во Францию и Швейцарию собирать информацию о революционной деятельности политических эмигрантов из России. Прекрасное знание французского языка и превосходные манеры помогли Федорову успешно справиться с порученным ему делом. Он сообщил начальству о нелегальных журналах, выходящих в эмиграции, о путях их доставки в Россию и о заводах по производству динамита, предназначенного для покушений на царскую семью и высших сановников. После его возвращения прошло уже несколько месяцев, и Федоров чувствовал, что сейчас ему, видно, при-

дется взяться за очередное глупое и бессмысленное задание властей, которые испытывают страх перед собственными гражданами.

«И что ему от меня нужно?» — спросил Федоров, не поднимая глаз от работы. Он был занят расшифровкой подпольной газеты и старался понять, кто скрывается за вымышленными именами и кличками. Газета попала в руки тайной полиции после обыска, устроенного на литейном заводе, в подвале которого революционеры держали нелегальную типографию.

«Не знаю, господин майор, но только он хочет видеть вас немедленно», — смущенно пробормотал адъютант. Это был светловолосый худенький весьма приятный юноша среднего роста. Свою офицерскую фуражку он носил чуть-чуть набекрень. Отвечая Федорову, он мягко, почти застенчиво улыбался.

Федоров отложил перо, погасил сигарету, стряхнув пепел в массивную мраморную пепельницу, надел фуражку и поднялся с места. После отъезда Ольги виски у него слегка поседали, движения потеряли легкость. Он не торопился, словно колеблясь или что-то обдумывая. Потом взял себя в руки и энергичной походкой вышел из комнаты.

Федоров долго шел по нескончаемому коридору, скудно освещенному тусклым светом огромных полупотушенных хрустальных люстр. Толстый ковер на полу делал его походку бесшумной, несмотря на то что обут он был в тяжелые сапоги с длинными голенищами. По обеим сторонам зловещего коридора располагались многочисленные запертые на ключ комнаты. Отсутствие на дверях табличек лишало непосвященного возможности догадаться о том, что находится внутри. Федоров, однако, шел обычно по мрачному коридору, не испытывая никаких эмоций. Он давно уже привык к атмосфере страха и подозрительности, которой, казалось, были пропитаны даже стены здания, где размещалась тайная полиция. Кроме того, он прекрасно знал, что за наглухо закрытыми дверями, мимо которых он проходил по нескольку раз в день, нет ни важных чиновников, вершивших судьбы людей, ни страшных пыточных камер. Все

это находилось совсем в другом месте. Сейчас, однако, ему было не по себе, и он невольно замедлял шаги, стараясь понять, зачем мог так срочно понадобиться начальнику штаба полковнику Долгину. В последнее время Федоров все чаще чувствовал, что служба в тайной полиции утомляет его и не доставляет прежнего удовольствия.

Вот уже несколько месяцев министерство иностранных дел обнаруживало повышенный интерес к эмиграции евреев в Османскую империю. Россия поддерживала с соседней Турцией тесные дипломатические отношения, и, когда между ними возникали сложности политического характера, обе страны делали все возможное, чтобы не допустить конфликта и сохранить статус-кво. Сейчас недовольство проявлял турецкий султан, крайне озабоченный переселением в Палестину сотен евреев из России.

Однажды, летним утром 1892 года русский консул в Яффе был приглашен к турецкому правителю, который потребовал объяснить, почему и на каком основании сотни российских подданных каждую неделю прибывают в Палестину и до каких пор это будет продолжаться. Консул обратился за разъяснениями в Петербург, после чего министерство иностранных дел было вынуждено прибегнуть к помощи тайной полиции. Просьба министра иностранных дел заключалась в том, чтобы выяснить, действительно ли евреи замышляют создать в Палестине центр, из которого намереваются управлять миром.

Свернув по коридору направо, налево и опять направо, Федоров наконец миновал бесконечный строй запертых на ключ дверей-близнецов и очутился перед кабинетом начальника штаба. Это была просторная комната со стенами, сплошь уставленными книжными стеллажами. В углу кабинета стоял уютный диван и несколько кресел. Там полковник Долгин имел обыкновение вести неофициальные беседы и переговоры. Сейчас же он сидел за необъятным дубовым столом, погрузившись в чтение каких-то документов, и едва взглянул на вошедшего Федорова. Только когда тот молодцевато при-

щелкнул каблуками, Долгин наконец посмотрел на него поверх очков в массивной оправе. Руки его при этом продолжали медленно перелистывать бумаги. Круглые стекла очков старили полковника, но его щетинистые усы были черны как смоль. «Ну не надо церемоний, садитесь, пожалуйста», — сказал он Федорову, снова склоняясь над бумагами и предоставляя своему подчиненному в течение нескольких минут любоваться круглой и блестящей начальственной лысиной.

«Вы что-нибудь слыхали о бароне Ротшильде?» — спросил Долгин, внезапно отложив в сторону недочитанные бумаги.

Федоров не спешил отвечать, пытаясь припомнить, что ему известно о человеке с таким именем.

«Возможно, в Париже вы видели его дворец или читали о нем в газетах, — продолжал Долгин. — Вам могли попасться на глаза объявления о его банковских сделках или о продаже вин с его виноделен. Он владеет множеством предприятий и земель, в том числе и виноградниками в Бордо и Провансе».

«А почему он заинтересовал наше ведомство?» — спросил Федоров, чувствуя, как растет в нем раздражение. Во время беседы Долгин не смотрел ему в глаза, а это означало, что он собирается навязать подчиненному какое-то малоприятное поручение. Федоров понимал, что спорить с ним будет бесполезно.

«Барон Ротшильд — еврей. В последнее время он начал давать слишком большие деньги жидам в Палестине».

Федоров поморщился. Каждый раз при слове «жид» он ощущал внутренний протест и даже гнев. И не только потому, что любил Ольгу. Он хорошо помнил разговоры, слышанные им в домах еврейской интеллигенции, и стремление евреев жить независимо и самостоятельно на своей земле вызывало у него большое уважение.

«А какое нам до этого дело? — спросил он. — Это ведь происходит там, а не здесь. Главное, что они не занимаются подрывной деятельностью в России. Их выгнали из Москвы, вот они и отправились в Оттоманскую империю. Какое нам дело до помощи, которую они там получают?»

«Вы ошибаетесь, Сергей», — сказал начальник штаба. То, что Долгин обратился к Федорову по имени, а не по фамилии, свидетельствовало о его намерении расположить майора к себе. Федоров был совершенно уверен, что полковник с минуты на минуту поручит ему выполнение пренеприятнейшего задания, от которого, вероятно, сумели отвертеться другие офицеры. Он не ошибся.

«Турецкий султан неоднократно обращался к нашему послу с просьбой осторожно и соблюдая строжайшую секретность выяснить, что происходит в Палестине», — сказал Долгин.

Федоров вдруг почувствовал, как сильно забилося у него сердце. Прилившая к вискам кровь словно разожгла пожар во всем теле. «Не может быть, что меня пошлют в Палестину, — мелькнула мысль, — а если пошлют, то встретимся ли мы?» Досада, с какой он ожидал предстоящего задания, сменилась страстным желанием поскорее взяться за дело. Федоров разволновался не на шутку. Он даже стал опасаться, что не сможет скрыть от полковника своего внезапного стремления немедленно отправиться в путь. «Нет, они не собираются отправлять меня в Палестину, — пытался он успокоить себя, — и у меня нет никаких шансов встретить ее там. Они только хотят, чтобы я раздобыл дополнительную информацию о банкире Ротшильде».

«А почему вы хотите поручить это именно мне?, — спросил он деловым тоном. — Почему наше ведомство должно заниматься еврейским миллионером? Разве у нас мало дел здесь, в Петербурге? Разве нам недостаточно бунтовщиков-самоубийц с их постоянными заговорами против государя, недовольных рабочих, которым нечего терять, и бастующих студентов? Зачем нам еще заграничные евреи?» В голосе Федорова отчетливо слышалось недоумение. Он был опытным сыщиком и умело скрывал свое желание поехать в Палестину под маской удивленного недовольства.

«Нет, Сергей, все гораздо сложнее, чем вы думаете. Речь идет о мировом еврейском заговоре. Позволить ему осуществиться гораздо опаснее, чем разрешить евреям жить в Москве или даже в Петербурге. На наших глазах

возникает империя, основанная на еврейском капитале. К ее строительству жида привлекают своих богачей со всего света. Этот народ состоит из общин, помогающих друг другу, даже если они находятся в разных странах. Ну-ка, назовите мне еще один такой народ! Барон Ротшильд начал помогать евреям после неприятностей, которые мы причинили им в России. Тогда это была с его стороны просто филантропия. Последствия этих неприятностей, кстати, тоже чрезвычайно беспокоят высшее начальство. Конечно, никто ни в чем не раскаивается. Но подумайте сами, евреи не только не пали духом после погромов, но, наоборот, стали еще сильнее и сплоченнее. Вот это и вызывает опасения у министра внутренних дел. Он не может относиться серьезно к легенде, будто огромные деньги, которыми барон Ротшильд снабжает евреев в Палестине, — простая благотворительность. После погромов барон, видите ли, организовал филантропический «Комитет всеобщей помощи», чтобы помогать жидовским беженцам, а теперь оказывает такую же поддержку переселенцам в Палестину. Полная ерунда, конечно. И знаете, кто у него там всем этим занимается? Конечно, русские подданные! Вообще, связи между еврейскими общинами в разных странах чрезвычайно беспокоят наше правительство. Есть в них нечто совершенно непостижимое. Хотите сигару?» Не дожидаясь ответа, начальник штаба открыл серебряную коробку, на крышке которой был выгравирован нежнейший узор из листьев, цветов и бутонов. Пальцы у полковника были короткие и волосатые. Вынув одну сигару, он протянул Федорову коробку, пахнущую отборным табаком.

«Нельзя забывать, — продолжал Долгин, — что народ этот рассеян по всему миру и может принести человечеству большое несчастье. Российское правительство надеялось ослабить его, изгоняя евреев из Москвы. Последствия оказались прямо противоположными. Поэтому сейчас беспокоится не только наш Плеве*, но и оттоманское правительство», — закончил полковник с

* Министр внутренних дел. Убит в 1904 году.

улыбкой, в которой чувствовалась скрытая угроза. Федоров снова ощутил прилив неодолимого отвращения к своему начальнику.

«От тайной полиции требуется выяснить, каким образом деньги поступают в Палестину, — продолжал Долгин, бесцеремонно выпуская клубы табачного дыма прямо в лицо Федорову. — Как удалось нищим беженцам за несколько лет научиться делать вино и выращивать апельсины и даже продавать их за границу? Зачем они собираются строить сеть железных дорог, которая соединит Турцию с Египтом? Откуда у них на это деньги? Разве не ясно, что их цель — экспансия на север? Все это вы обязаны выяснить. Я немедленно посылаю вас в Палестину».

У Федорова перехватило дыхание.

«Что я конкретно должен делать?» — спросил он слабым голосом. Нахлынувшие воспоминания стесняли ему грудь и затрудняли речь.

«Разузнать, что происходит в Палестине, — отрезал Долгин. — Они ведь там все говорят по-русски. Вы сойдетесь с ними легко и естественно. Никто не должен догадываться о вашей миссии — даже наши консулы в Яффе и Иерусалиме. Начинайте отпускать бороду прямо с сегодняшнего дня. Даже если вы случайно встретите там знакомых, борода собьет их с толку. И, конечно, избегайте прямых вопросов. Официально вас назначат вторым секретарем консульства. Встречаясь с представителями турецких властей и поселенцами («га-ишув», как они себя называют), старайтесь не возбуждать излишнего любопытства. Прежде всего выясните, кто из русских подданных связан с ними. Имейте в виду, что судьбой палестинских жидов барона заинтересовал некий раввин Могилевер. Наш подданный, между прочим. А еще есть такой Темкин — тот вообще из Петербурга. Вот этим международным заговором российских, французских, английских и палестинских евреев вы и займитесь, пока не поздно. Между прочим, под еврейское влияние попадают и чистокровные русские дворяне, они селятся в этой Палестине и вывозят туда большие деньги. Это очень опасно, и вы должны как можно подробнее все разузнать об их деятельности. Особое внимание

обратите на барона Платона Устинова. Говорят, ему удалось вывезти из России большое состояние. В Яффе он построил дворец и скупает древности со всего Ближнего Востока. В его коллекцию вложены огромные деньги. Русские деньги! К тому же он открыл в Яффе больницу, в которой лечится много евреев. Узнайте точно, что там происходит и связан ли этот человек с жидовским заговором», — и Долгин резким движением стряхнул сигарный пепел в мраморную пепельницу.

Федоров искусно скрывал волнение, и только внезапная бледность выдавала его чувства. Он с деланным равнодушием поинтересовался, когда ему предстоит выезжать.

Долгин, успевший тем временем закурить очередную сигару, ответил, что миссия начинается через две недели — за месяц до Пасхи.

«Наши власти волнует еще одно обстоятельство, — продолжал он, положив недокуренную сигару на мраморную пепельницу. — Каждый год в Палестину отправляются тысячи наших паломников. Дело это святое и нужное — паломники очищают свою душу и укрепляются в вере. Это усиливает их любовь к государю — помазаннику Христа на земле. Чем больше паломников устремится на Святую Землю — тем меньше русский народ будет слушать бунтовщиков. На берегу Тивериадского озера и в святом Иерусалиме русские мужики забывают о тяготах жизни в России и возвращаются домой умиротворенными и счастливыми. Тем не менее до нас доходят слухи, что условия пребывания паломников в Палестине очень тяжелы. В ваши обязанности входит разобраться в этом. Проверьте, действительно ли паломники подвергаются разбойным нападениям, страдают от голода и отсутствия ночлега. Если это правда, мы должны вмешаться. Нам ведь нужно, чтобы паломничество было благом для них и для русского государства, а не источником озлобления. Вы поняли?»

Федоров мысленно был уже рядом с Ольгой, вглядываясь ей в глаза и вел беседы о дорогах ее сердцу святых местах. Погруженный в мечты, он рассеянно слушал полковника.

«Мы пошлем вас через неделю, чтобы вы успели к Пасхе в Иерусалим. На Пасху паломники собираются в округе Троицкой церкви*. Кого там только не будет: простые мужики, бедные женщины, всю жизнь копившие деньги на паломничество, дворяне и богатые дамы, стремящиеся замолотить грехи. Вы должны разузнать, что это за люди и в каких условиях они живут на Святой Земле. Вам тоже полезно там побывать; глядишь — и очиститесь», — ехидно усмехнулся Долгин. Порывшись в каких-то бумагах, он добавил, что Федоров сможет беспрепятственно перемещаться по Палестине, благо расстояния там невелики, а то и съездить в Бейрут или Дамаск, которые куда ближе к Иерусалиму, чем Москва к Петербургу.

«Я позабочусь, чтобы вы смогли выехать до Пасхи. Возможно, вам придется взять с собой вашего адъютанта-армянина. Армян там много, и его присутствие может принести пользу. Вы поплывете на одном из кораблей с паломниками, не вызывая подозрений. Жду от вас ежедневного отчета обо всем, что увидите и услышите. Вы поняли?»

«Так точно, господин полковник!»

* В наше время — территория Русского подворья в Иерусалиме, где находятся церковь, консульство (сегодня — здание Компании по развитию Иерусалима), гостиница (сегодня — «Дом Николая»), постоялый двор для простолюдинов (сегодня — министерство сельского хозяйства и Общество охраны природы), гостиница для женщин (сегодня — Музей подполья) и др.

Глава семнадцатая

ЭТОТ БЕЗУМЕЦ ХАНКИН

По вторникам, когда в Яффу приходил корабль из Одессы, сотрудники русского консульства направлялись в порт. Они встречали прибывших пассажиров, помогали им управиться с багажом, пройти таможенную и пограничную службу. Пассажирами были большей частью паломники, еврей-репатрианты и родственники российских подданных, проживающих в Палестине.

В порту в это время обычно творилось настоящее столпотворение. Помимо консула и его свиты, он был заполнен родственниками пассажиров корабля, едва сдерживающих рыдания при звуках пароходного гудка, турецкими полицейскими и таможенниками, да и просто бездельниками и зеваками, которые мешали всем и создавали невообразимую толчею.

На одном из таких кораблей в Яффу прибыл широкоплечий бородатый мужчина, одетый в черный сюртук. На голове у него была европейская шляпа, в руке — большой чемодан. Когда пассажир выходил из лодки на берег, навстречу ему устремился сотрудник консульства. Он забрал у прибывшего чемодан, и они двинулись на таможенную. В этом не было ничего необычного — работники консульства часто помогали проходить таможенную людям, приплывшим на российском корабле, так что бородач не привлек ничьего внимания и не вызвал подозрений.

В консульстве в честь гостя был устроен небольшой прием, в котором, среди прочих, приняли участие священник русской церкви в Яффе и несколько европейских дипломатов. Новоприбывшему был разъяснен статус российских представителей на Святой Земле и те вопросы, с которыми они сталкиваются в повседневной деятельности. Затем его проводили в комнату, снятую в доме православного грека.

Комната была крошечная и почти пустая. Только деревянные лежаки, покрытые циновками, да стол. Службы находились во дворе, столовая — на веранде с видом на море.

Оставив вещи в комнате, Федоров и его спутники вышли в город. Узкий переулок, ведущий на единственную мощеную улицу Яффы, встретил их куриным кудахтаньем и воплями ишаков. Россияне шли по зловонному песку, усыпанному полуразложившимися корками и клочьями бумаги. Навстречу цокал копытами верблюд, груженный бутылками керосина в двух деревянных ящиках, свисающих по обе стороны горба. Женщины с прямыми спинами и в черных длинных платьях шли, неся на головах глиняные кувшины. Оборванные дети играли прямо в грязи. Путники приближались к рынку, оглушавшему овечьим блеянием и гортанными арабскими криками. Федоров уже понимал, что Яффа — далеко не Париж.

В первые же дни по приезде он посетил греческую православную церковь, канцелярию общины тамплиеров и совершил несколько прогулок по берегу. На душе у Федорова было беспокойно. В каждой проходящей женщине ему виделась Ольга.

Федоров бесцельно гулял по улицам, по вечерам, погруженный в свои мысли, выходил в порт. Как-то под вечер проходил он по главной улице. Возле лавки, торгующей тканями, толпился народ. Люди выдирали друг у друга из рук и рвали на части длинные рулоны ткани, стоявшие у входа. Большинство в толпе составляли бородатые евреи в черных кафтанах, но попадались и арабы в джалабиях, и армяне в цветных шапочках. Люди кричали на русском, на идише, на арабском, толкались, выхватывали друг у друга ткань, рвали ее, но внутрь

проникнуть не могли, так как дверь была заперта. Дело кончилось тем, что кто-то разбил витрину лавки, и народ начал расходиться. К Федорову подошел араб в красной феске и жестом пригласил его сесть за деревянный столик, стоящий на песке, и выпить с ним кофе. Не зная языка, Федоров лишен был возможности поговорить с арабом. Он только указал на лавку, а араб жестикулировал и ломаными фразами объяснил ему, что лавка эта, крупнейшая в Яффе, принадлежит человеку, чей сын — форменный сумасшедший, который мотается на своей кобыле по всей стране, жену совсем забросил и своими авантюрами загнал родственников и членов семьи в огромные долги.

Первое, что решил сделать Федоров, — это зайти в яффскую контору «Ховевей Цион» и узнать, кто туда приходит, с какими целями и каковы планы этих людей на будущее. Как обычно в таких случаях, он сделал все, что в его силах, чтобы не выделяться на общем фоне: надел русскую рубаху с высоким воротничком, старые темно-серые брюки и картуз. Его борода и задумчивый вид также не вызывали подозрений.

В убогой приемной было тесно. Федоров с трудом нашел место на деревянной скамье, стоявшей у стены. Через открытое окно вместе с горячим влажным воздухом проникал отвратительный запах сточных вод. «Это похуже одесских трущоб», — подумал Федоров, сидя с опущенной головой и с руками в карманах. Худые мужчины с пейсами и в полинявших картузах сидели на скамейках и стояли вдоль стен. Это были представители землячеств и еврейских организаций, купивших землю для заселения или планировавших такую покупку. Федоров намеренно примостился рядом с русскоязычной группой, чтобы с ним случайно не заговорили на идише.

«А вы что здесь делаете? — спросил худой еврей, сильно пахнувший потом. — Чего ждете?»

«Того же, что и вы».

«Из какого вы землячества? Не из рижского, я полагаю?» — вновь спросил худощавый и почесал жидкую бороденку.

«Нет».

«Счастливым вы человек...» Собеседник Федорова попытался улыбнуться, но получилась лишь странная гримаса. Очевидно, не до улыбок ему было. Да и другие посетители приемной выглядели подавленными и озабоченными. «Видите вон тех двух? — продолжал худощавый еврей. — Это отец и сын, купившие землю в Хадере для родственников и друзей из Белостока. И что оказалось? Земля принадлежит местному богачу, и они не имеют права там селиться из-за ошибки в записи... Люди потратили все свои сбережения, а когда попросили вернуть деньги, им ответили отказом. Не возвращают — и все тут!»

Федоров понимал, что ему сейчас лучше помалкивать и дать своему собеседнику выговориться.

Покуда Сергей слушал печальную повесть, из секретарского кабинета вышла заплаканная женщина. Тело ее сотрясало от рыданий. Она вытерла слезы выцветшим платком и нетвердым шагом направилась к выходу. Женщина явно старалась взять себя в руки, но горе было сильнее ее. Федоров снова уставился взглядом в серый пол. С момента прибытия в Яффу он видел здесь одну нищету и страдания. Какие всё же идиоты его начальники со своими бредовыми страхами!

Заплаканная женщина вышла на улицу, и к секретарю зашла целая семья: мужчина лет сорока, его жена, выглядящая моложе, и сын лет семнадцати. Юноша был обут в высокие кожаные сапоги.

«А чем может помочь здешний секретарь?» — с деланным простодушием спросил Федоров. Он хотел узнать что-нибудь об этом чиновнике и спровоцировать собеседника на новые жалобы. Расчет оказался верным.

«Да ничем! — со злостью и одновременно с горечью ответил сосед Федорова. — Его прислали из Петербурга, чтобы он здесь уладил земельный вопрос. Но секретарь не справляется — идет на поводу у местных спекулянтов, которые используют его как хотят. Ни с кем не хочет ссориться, и в результате все против него. Обратите внимание — семья, которая сейчас зашла, тут же выйдет обратно. Я этих людей знаю — они из Хадеры приехали. Двое детей у них умерло от малярии. Они

требуют деньги назад, чтобы вернуться в Россию. Без денег им отсюда не уехать. Продать участок не могут — кому теперь нужно это проклятое место? И все этот безумец Ханкин, который покупает землю, не разобравшись! Нет предела его нахальству! Скупает тысячи душамов, за которые не может расплатиться, а потом продает людям участки, на него даже не оформленные должным образом!»

Внезапно входная дверь распахнулась, и в комнату ворвалось несколько арабов в головных платках. За ними следовал армянин в засаленной цветной шапочке и еще два странных типа в кафтанах и надвинутых на глаза фетровых шляпах.

«Видите этих людей? — обратился к Сергею его собеседник. — Сейчас уж не разберешь, кто еврей, а кто араб. Я, например, уверен, что в шляпах арабы, а в платках евреи из Вильны или Белостока. Всем им нужны только деньги. Они выступают под чужой личиной и занимаются аферами — например, продают уже проданные земли. Наживаются на нас, бедных!»

Собеседник Федорова с возмущением продолжал свой рассказ. Сергей по-прежнему не задавал прямых вопросов, а помалкивал да поддакивал.

«Но все-таки у Ханкина были добрые намерения, не так ли? Он народу добра хотел, а не зла», — заметил Федоров, когда его собеседник умолк.

«Да кому нужны его намерения?! Зачем покупает землю, не проверяя? Зачем понуждает землячества приобретать у него участки, за которые сам еще не расплатился? И приобретают, знаете ли! Вот наше рижское землячество тоже купило у него участок. Я их здешний представитель. Теперь мы жалеем об этом — земля оказалась заболоченной. Требуем деньги обратно...»

Худощавый еврей продолжал говорить, глотая слова от возмущения, а Федоров решил получше разузнать про Ханкина. Может, у него есть деньги, которые он скрывает? Иначе не объяснишь его безрассудное поведение...

«Вот и сейчас его здесь не сыщешь, — продолжал худощавый собеседник Сергея. — Прекрасно ведь знает,

до чего довел людей, а все ищет новых сделок. Видали наглеца? Говорят, он уехал в Бейрут уламывать одного богача продать ему землю, а я так думаю, что он просто сбежал. Может, прячется где-нибудь и распускает слухи, будто он в Бейруте. Да за ним столько людей гонят-ся, что я бы на его месте и сам сбежал. Хорошо еще, что на них можно пожаловаться через здешнюю контору. Еще этот Темкин заодно с Ханкиным; я отсюда не уеду, пока не найду на них управу и не получу деньги обратно».

Фамилия Темкин показалась Федорову знакомой.

«Вы говорите о Владимире Темкине?» — спросил Федоров, изобразив рассеянность.

«О ком же еще? Неужто не знаете? — Собеседник удивленно поглядел на Сергея и поправил картуз. — Вы, похоже, и правда вчера приехали. Каждый ребенок в Яффе знает, что Темкина прислали петербургские сионисты, чтобы он здесь представлял их. А он вместо этого связался с Ханкиным и помогает ему в его авантюрах. К тому же они все время ругаются с Пинесом, а Пинес человек весьма достойный: учит поселенцев сельскохозяйственному труду; это он поселил билуйцев в Гедере».

Увидев удивление на лице Федорова при упоминании о билуйцах, он принялся подробно рассказывать об этой группе, с которой приехали в Палестину двое братьев Ольги. Было это в те времена, когда Федоров только познакомился с ней в Могилеве... Внезапно собеседник Сергея прервал рассказ и спросил его, откуда он сам.

Федоров ответил, потупив взор, что приехал из Ковеля Волынской губернии. Он знал, что из этого украинского городка в Палестину почти никто не едет, так что он застрахован от нежелательных вопросов. Затем Сергей снова приступил к расспросам о Ханкине.

...А Ханкин в это время и правда затаился. Это был самый трудный период в жизни Иегошуа и Ольги, у них совсем не было денег, и все от них отвернулось. Иегошуа не выходил из дома, боясь, что на улице на него нападут. Он не работал, и Ольге приходилось кормить

семью. Плохо было не только Ольге и Иегошуа, но всем Ханкиным, Белкиндам и Файнбергам.

Чтобы оплатить сделку и выкупить землю Аль-Хаддыры, Иегошуа заложил имущество всех трех семей. Он влез в огромные долги — в частности, получил ссуды от арабских богачей, в семьях которых Ольга принимала роды. Деньги собирали братья и сестры Ольги — Фанни, Шимшон, Исразль, их мужья и жены, даже их дети. Фанни отдала серебряную посуду, которую получила из Египта, Иосиф Файнберг заложил свою аптеку, Лейб Ханкин — весь товар из своей лавки. Женщины отдали ювелирные изделия и даже праздничные платья. Все жили одной семьей, предельно ограничивали себя в расходах и держали круговую оборону. Евреи и арабы ожидали расторжения сделки и банкротства Ханкина. За ним гонялись кредиторы и разъяренные поселенцы. И только Ольга понимала своего мужа и по-прежнему верила в него.

Глава восемнадцатая

САМАЯ КРАСИВАЯ ДОЛИНА

Федоров продолжал регулярно захаживать в убогую контору «Ховевей Цион». После каждого посещения он посылал в Петербург отчеты, в которых описывал посетителей этого жалкого заведения, разговоры между ними и вообще царившую там атмосферу. Из его докладов было ясно, что ни о каком радостном оживлении среди сионистов не может быть и речи, напротив, они производят впечатление людей подавленных и испуганных. Петербургское начальство Федорова долго ломало себе голову, пытаясь взять в толк, почему же в таком случае евреи продолжают скупать земли в Палестине. В конце концов возобладало мнение, что у сионистов есть тайные денежные источники, о которых они боятся говорить даже между собой. Эта версия хорошо объясняла и душераздирающие сцены в злополучной конторе. Поэтому, читая сообщения Федорова, высшие чины тайной полиции только укреплялись в своих подозрениях о существовании всемирного сионистского заговора. Впрочем, события в Палестине беспокоили не только их. Турецкое правительство вскоре запретило евреям иммигрировать в Палестину, а также покупать там землю. Это означало, что люди, уже заплатившие задаток за купленный участок, теряли деньги, а вместе с ними и надежды на лучшее будущее.

Однажды утром Федоров по своему обыкновению сидел в кабинете и составлял отчет за минувший день.

Внезапно дверь распахнулась, и двое турецких полицейских ввели в консульство худого длинноволосого мужчину лет сорока. Светлые рассыпавшиеся по плечам волосы и исхудалое суровое лицо делали необычного посетителя похожим одновременно на русского анархиста и на Иисуса Христа. Полицейские объяснили привратнику, что это российский подданный, которого они спасают от ярости заимодавцев. И действительно, из окна кабинета Федоров видел, с каким трудом усатым стражам порядка удалось провести своего подопечного в здание консульства. По пятам за ними шла целая толпа разъяренных мужчин и женщин, то и дело норовивших наградить длинноволосого тумаками и щипками. Дверь у него была открыта, и Федоров с интересом наблюдал, как полицейские объясняются с привратником. Языка он, конечно, не понимал, но турки жестикулировали так выразительно, что все было ясно и без слов. Войдя в консульство, изможденный анархист-Иисус без промедления направился в кабинет самого консула. Полицейские сопровождали его, на всякий случай придерживая за плечи. Тут же из-за полуоткрытой двери послышалась раздраженная русская речь, и Федоров скоро понял, что беспокойный посетитель — не кто иной, как Иегошуа Ханкин.

Ханкин рассказал консулу, что собирался поехать в столицу Турции, но был задержан полицией под давлением заимодавцев, опасавшихся за свои деньги. Он заявил, что является российским подданным и не обязан подчиняться турецким законам. Ханкин попросил консула помочь ему выехать в Константинополь, чтобы добиться отмены запрета на продажу земли евреям или хотя бы разрешения завершить уже начатые сделки. Он упрямо твердил, что только российские власти могут привлечь его к ответственности и вообще решать его судьбу.

«А зачем? Зачем вам ехать в Турцию? Чего вы там добьетесь?» — услышал Федоров голос консула.

«Я обязан добраться до султана, чтобы добиться отмены запрета на покупку земли, — многие иммигранты уже внесли задаток, и мой долг им помочь. Я должен предотвратить огромные убытки, которые понесут люди,

уже заплатившие мне за земли Хаварата»*. В полуоткрытую дверь Федоров видел только профиль и спутанные длинные волосы Ханкина, однако был поражен решительностью его тона.

«Вы думаете, что тогда вас перестанут преследовать?»

«Перестанут, потому что их требования справедливы».

«Господин Ханкин, вы злоупотребляете нашей помощью и ставите меня в неудобное положение». (Эти слова предназначались главным образом для Федорова.)

«Вот и моя семья считает, что я зарываюсь. Но, господин консул, вы же обязаны меня защищать. И потом, что вы потеряете, если разрешите мне съездить в Константинополь? Может быть, указ и не отменят, но чего-нибудь я все-таки добьюсь. Если власти сделают исключение для тех, кто уже внес задаток, это будет большое достижение. Кстати, и сами турки только выиграют: ведь с каждой сделки они отчисляют себе большой налог, а им вечно нужны деньги на всяческие развлечения».

«Вы не убедили меня, господин Ханкин. Упрямство султана всем известно — он никогда не отменяет принятых решений. Кстати, не только туркам не нравится то, что здесь происходит, но и нашему правительству в Петербурге тоже. Мне очень жаль, но я не могу действовать против той политики, которую представляю. Нет ни малейшей надежды на то, что султан изменит свое решение. Кроме того, за этим указом стоят международные политические силы. Так что в отношении поездки в Стамбул ничем не могу вам помочь. Самое большее — можно попытаться устроить вам поездку в Бейрут, как вы просили раньше. Но и это будет сложно из-за ваших недоброжелателей. Тем не менее я сделаю все, что в моих силах. Сюда, кстати, приехал предприниматель из Одессы, который хочет купить хорошую землю для выращивания маслин. Мы очень нуждаемся в оливковом масле для православного богослужения. Он хочет выяснить, стоит ли вкладывать сюда деньги. Почему бы вам не сопроводить его в поездках? Только так я могу

* Земли долины Хефер, купленные Ханкиным у богача Тайяна.

помочь вам выехать отсюда. Съездите с ним несколько раз, покажите свои участки. Не исключено, что он пожелает здесь что-нибудь купить, так что и вы расплатитесь с кредиторами. Другого выхода я не вижу. Ну, как?»

Воцарилось гнетущее молчание. Ханкин опустил голову и нервно пощипывал подбородок.

Ему очень даже хотелось поехать в Бейрут, чтобы встретиться с эфенди Сурсуком — владельцем земли в Изреэльской долине. Разъезжая по Палестине, Иегошуа убедился, что это самые плодородные земли страны. Долина была совершенно заброшенной. Лишь изредка попадались возделанные поля. Ночью она кишела разбойниками, подстерегавшими одиноких путников, возвращавшихся из Ливана. Иегошуа не терпелось увидеться с Сурсуком и прощупать, насколько он заинтересован в продаже этих земель. Но с другой стороны, какой смысл ехать в Бейрут без денег? Иегошуа понравилось предложение консула, но он хотел прежде обсудить его с Ольгой.

Со стороны моря донесся пароходный гудок. Когда он затих, консул положил руку на плечо Иегошуа и сказал: «Вы знаете, как я ценю вас и вашу супругу. Как она проживает? Идите домой и обсудите с ней мое предложение. Она мудрая женщина и может дать вам разумный совет».

Консулу уже не раз приходилось выручать своего беспокойного соотечественника, ухитрившегося восстановить против себя пол-Палестины. При упоминании об Ольге выражение его лица смягчилось. Он велел полицейским проводить Ханкина домой. «Сообщите мне, что вы решили», — сказал он на прощание.

Иегошуа вернулся в квартирку на улице Аджами чрезвычайно взвинченным. Ольги дома не было. На кресле лежала аккуратная стопка сияющих белизной, тщательно выглаженных простыней. На вышитой скатерти, покрывавшей круглый стол, ослепительным желтым солнцем сиял букет хризантем. Иегошуа взял кувшин, чтобы налить воды в чайник, но пальцы его дрожали, и вода лилась на пол. «Почему ее еще нет? — думал он разочарованно. — Почему она так редко бывает дома?»

Он со злостью поставил чайник на стол, даже не пытаясь зажечь керосинку. Один, без Ольги, он не в состоянии был даже налить себе чай. Она всегда умела успокоить его за чашкой дымящегося ароматного напитка. Иегошуа метался по пустой квартире, то и дело поглядывая в окно. «Как же наивно было надеяться, что мне разрешат поездку в Константинополь! — думал он. — Да и с кем я там стал бы говорить? Вот если бы протекция. Тогда я попросил бы прислать приглашение. А у меня нет даже самого захудалого рекомендательного письма. Даже если бы мне удалось добраться до Стамбула, на меня бы там смотрели как на нищего мечтателя. Ну куда же она подевалась? Почему ее нет дома?» Нервы у Иегошуа совсем сдали. Ольга была его единственной надеждой, она одна умела успокоить его в самые тяжкие минуты. Не в силах совладать с волнением, он все расхаживал и расхаживал по пустой квартире. Если бы не окружившие дом кредиторы и перекупщики, он уже давно отправился бы на поиски жены. Иегошуа знал, что стоит ему выйти за дверь, как на него набросится разъяренная толпа, и ему снова придется обращаться за помощью к тем же полицейским. Он метался по квартире, как зверь по клетке, и время от времени раздраженно колотил кулаком по стене. Так продолжалось, покада не вернулась Ольга. Пришла она не одна, а вместе со своим любимым племянником Авшаломом, сыном ее сестры Фанни. Она поставила тяжелую корзину на пол, и мальчик принялся выкладывать на стол ее содержимое: овощи, лепешки, овечий сыр...

По выражению лица Иегошуа Ольга сразу догадалась, что дело неладно. «Что произошло?» — спросила она, но муж утрюмо молчал, как всегда предоставляя ей в одиночестве справляться с его душевными невзгодами, успокаивать и выводить из отчаяния. Ольга дала Авшалому лепешку с сыром и маслинами и несколько мелких монет, чтобы он мог купить свой любимый сладкий напиток.

«Ты был у консула?» — спросила она, когда мальчик ушел.

«Был, но он не желает дать мне разрешение на поездку в Стамбул. А уехать без его помощи я не могу,

потому что портовая полиция получила распоряжение задержать меня. Да ты ведь знаешь».

«А как он объяснил свой отказ? Почему он не хочет тебе помочь?»

«Он говорит, что султан ни за что не изменит своего решения. Не нужно и пытаться».

«А ему-то какое дело? Ведь он от этого не пострадает... Почему же в этот раз он не пошел тебе навстречу?»

«Все бы, наверное, обернулось по-другому, если бы ты пошла со мной. Тебя он больше уважает. Вот и в прошлый раз он был такой добрый благодаря тебе. Теперь все пропало. Он готов помочь мне только с поездкой в Бейрут, к Сурсуку».

«Вот и прекрасно. Сможешь узнать, намерен ли Сурсук продавать земли в Изрезьльской долине. Прекрасно, прекрасно!»

Ольга была инициатором покупки этих земель, видя в этой акции национальную миссию. Ей с детства врезались в память библейские описания долины. Она много рассказывала Иегошуа о событиях, происходивших там в незапамятные времена. В ее устах древние легенды оживали, становились близкими и понятными. Сама она в такие минуты снова чувствовала себя девочкой, жадно слушающей рассказы отца о битвах возле потока Кишон, о лысой горе Гильбоа, над которой никогда не идет дождь, о винограднике Навота Изрезльтянина. Все это было для нее такой же реальностью, как повседневная жизнь, а может быть, и еще большей. Вообще, когда Иегошуа упоминал названия местностей, где он собирался приобретать землю, перед Ольгой ярко и живо возникали картины событий, разворачивавшихся там в эпоху судей и царей Израиля.

«Если что-нибудь выйдет из встречи с Сурсуком, то все мучения будут оправданы, — размышляла она. — Ведь эти земли — колыбель нашего народа, там евреи жили и сражались задолго до того, как Иерусалим стал нашей столицей».

Когда Ольге было девять лет, она прочла «Песнь Деворы» и представляла себе огненные колесницы, спускающиеся с неба и испепеляющие Сисеру и его войско. Огромные сверкающие колесницы летали по

небу, подобно красным орлам, и обрушивались на врагов со страшной силой. По ночам ей снилось, как звезды на небе вытягивались в слепящие цепи, которые спускались до земли, опутывая, подобно сетям, отряды хананеев и филистимлян.

«Помнишь, как ты возвращался из долины? — Ольга хотелось немного приободрить мужа. — Как радовался ее плодородию и разноцветным сочным лугам?»

«Да мне ее никогда не забыть. Эта долина — самая прекрасная на свете, — внезапно оживился Игошуа. — Даже на Украине нет такой плодородной земли и такого раздолья. Там может вырасти поколение гордых и преуспевающих земледельцев. И малярия там никому не угрожает».

«Вот я и думаю, что обязательно нужно начать переговоры с Сурсуком. Подобные сделки заключаются не сразу. Сначала надо познакомиться с продавцом земли. Он араб, а арабы очень любят принимать гостей и вести с ними длинные витиеватые беседы. Сперва поговорить несколько часов, а потом уже заключать сделку. Поезжай к Сурсуку и постарайся с ним сблизиться. Ведь покупка земли — это единственное, что спасает тебя в тяжелые времена. Иначе ты просто сойдешь с ума. Я попрошу консула, чтобы он дал тебе разрешение на поездку в Бейрут вместо Константинополя. Там ты сможешь познакомиться с Сурсуком и начнешь действовать. Начинай прямо сейчас, это придаст тебе силы и поможет выдержать все нападки».

Измученное, страдальчески сморщенное лицо Игошуа просияло. В его глазах впервые за много дней появилась надежда.

«Только ты меня понимаешь, Оленька. Без тебя мне бы не справиться со всем этим. Но как ты сможешь уговорить консула?»

«Прежде всего скажи, согласен ли ты с моим планом. Как я уговорю консула — это мое дело. Мне нужно точно знать, о чем просить его».

Игошуа был прав: в самом деле, Ольга имела большее влияние на консула, чем он сам и чем большинство жителей Яффы. При этом она всегда и во всем руководствовалась одним желанием — помочь мужу. Она чувст-

вовала большую ответственность за этого упрянца, которого не могли сбить с пути никакие трудности. Потеряв надежду на нормальную семейную жизнь, она примирилась с его страстью к приобретению земли. Ольга знала, что сможет сохранить семью, только помогая Игошу осуществлять задуманное.

«Сходи к нему, Оленька. Может, он даже даст мне денег на поездку. Консул хочет, чтобы со мной поехал какой-то русский предприниматель. Я должен показать ему землю, пригодную для выращивания оливок. Если я соглашусь, этот русский оплатит все расходы, а потом, может быть, и мою поездку в Бейрут. Узнай, что консул думает по этому поводу. Ты умеешь из него веревки вить, потому что вы оба из Петербурга и у вас есть общие воспоминания. Поговоришь с ним о "Евгении Онегине" да о Пушкине — вот он и растает. Пожалуйста, постарайся, Оленька!»

Игошуа поднял на нее бездонные голубые глаза, и она почувствовала, как на душе у нее потеплело.

Глава девятнадцатая

ВСТРЕЧА

Ольга должна была встретиться с консулом вечером следующего дня, что показалось ей хорошим предзнаменованием. Предусмотрительный консул никогда не назначал важные встречи на утро, опасаясь любопытных слуг и турецких чиновников. Все они отличались страстью к сплетням. К тому же некоторые даже немного понимали по-русски. Поэтому «серьезные» посетители являлись к представителю государства Российского под вечер. Радужный толстяк консул потчевал их в своем уютном кабинете превосходной водкой или французским коньяком, который получал из Парижа раз в месяц. Так он создавал приятную домашнюю атмосферу, располагающую к откровенности.

Визита Ольги он ожидал с удовольствием и заранее позаботился о том, чтобы вечером к нему никто не явился. Он любил общество Ольги и хотел поболтать с ней наедине.

Однако, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Под вечер в консульство зашел Федоров, чтобы забрать документы, которые совершенно случайно оставил днем в кабинете. Документы эти были ему необходимы, чтобы выполнить полученное из Петербурга задание. Несколько дней назад консул передал ему ничем не примечательный с виду конверт. В нем Федоров обнаружил длинное зашифрованное послание. Эта тайнопись была известна только ему самому и полковнику Долгину. Кое-кто, писал Долгин, собирается соединить

Османскую империю и Египет железной дорогой, которая должна проходить через Палестину. Несомненно, за этим скрываются какие-то агрессивные намерения. Федорову поручалось раздобыть подробнейшую информацию о планируемом участке дороги между Яфой и Иерусалимом, включая даже предполагаемые цены на билеты, а также выяснить, сколько времени займет переброска солдат из Турции в Египет в случае начала военных действий.

Из соседнего кабинета доносился приглушенный голос консула. «Значит, принимает кого-нибудь важного», — машинально подумал Федоров, вынимая нужные документы из кипы бумаг, лежавших на столе. Потом он услышал женский голос, который отчетливо произнес: «Нет, Сергей, это не может быть вашим окончательным решением. Просто не может быть».

Дрожь пробежала по телу Федорова, и он как вкопанный застыл возле стола. В душе у него царил смятение. Спроси его кто-то в этот момент, зачем и когда пришел он сюда, — он не смог бы ответить. Пальцы его дрожали. Он хотел открыть ящик письменного стола, но вместо этого стоял, уцепившись за него, словно скованный внезапным параличом, боясь произвести малейший шум. Сколько раз во сне и наяву слышал он этот голос: веселый, сердитый, грустный и проникновенный, громкий и едва слышный! Кровь стучала у него в висках, а сердце билось с такой силой, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

Он знал, что это она.

«Вы должны со мной согласиться, Сергей», — продолжал этот до боли родной женский голос, одновременно нежный и уверенный. А консул все молчал вопреки своему обыкновению. Потом Федоров услышал позвякивание и легкое журчание. «Знаю, знаю, что вы не будете пить, — сказал консул. — Но вы уж простите меня, с вами тут без водки не разберешься». Федорову нестерпимо хотелось под каким-нибудь предлогом войти в комнату, но он сдержал свой порыв. Он был растерян и смущен. Огромным усилием воли он взял себя в руки и продолжал подслушивать. Изменилась ли она? Что почувствует, увидев его? А может быть, она счастлива в

семейной жизни? Что это за тип, ради которого она так старается? Гнев и ревность душили Федорова.

«Ну что же, придется разрешить вашему супругу поехать в Бейрут. Думаю, что при этом охрана ему не помешает. Но при одном условии: если вы поручитесь, что он вернется через неделю. Он слишком многим здесь насолил, и я не могу больше рисковать».

«Может, ее муж преступник и она пытается спасти его?» — подумал Федоров, не в силах справиться с сердцебиением.

«Я ручаюсь за то, что он вернется. Ему нужно только закончить одну сделку», — произнес милый голос уверенно, благодарно, тепло.

«Как она не боится ручаться?» — нашептывала Федорову ревность. Он-то хорошо знал, что в минуту опасности люди способны на все, даже бросить семью. В Париже ему не раз приходилось выслеживать таких людей.

Он опустилсЯ в кресло и сжал голову руками. Что с ней произошло за это время? И что она знает о его жизни? О тоске по ней, которая терзала его днем и ночью? Кто этот человек, у которого столько врагов и из-за которого ей приходится унижаться перед консулом? Нет, нельзя торопиться, можно все испортить!

А может, лучше оставить ее в покое? Не исключено, что встреча причинит боль им обоим, откроются старые раны...

Федоров в раздумье поднялся с кресла, положил в портфель нужные документы и вышел из консульства.

Он шел куда глаза глядят и вскоре очутился на главной улице Яффы. Уже смеркалось, и многие горожане сидели на маленьких соломенных табуретках возле своих домов, сплетничая и поигрывая четками. Лавочники начинали убирать товар с прилавков, куры, смешно семеня, перебегали через дорогу, устремляясь на ночлег в родные дворы. Но ничего этого Федоров не замечал. В душе его нетерпение смешивалось с растерянностью и раздражением. Он продолжал быстро идти, не разбирая дороги, пока незаметно для себя вновь не оказался возле консульства. Больше всего на свете ему хотелось подняться наверх, прижать Ольгу к груди, быть с ней. Или, по крайней мере, рассказать ей о своих чувствах,

раскрыть перед ней душу. Но опасения его были слишком сильны. Не зная, что предпринять, он нервно прохаживался вдоль знакомого здания. Вверху, над его головой, тепло и уютно светилось окно в кабинете консула.

Возле ограды, окружавшей консульство, одиноко рос большой куст жасмина. Его цветы белели в сгущавшейся темноте, словно первые снежинки на черной почве украинских полей. Вечерний воздух был наполнен сладким благоуханием. Прислонившись к железной решетке, Федоров закурил сигару.

«Может быть, у нее есть дети от этого человека? — продолжал он свои невеселые размышления. — И почему она так долго сидит у консула?» Федоров потушил недокуренную сигару и вновь принялся нервно расхаживать вдоль ограды.

Наконец он услышал, как кто-то спускается по лестнице. Из ворот консульства вышла женщина в длинной юбке и направилась на другую сторону улицы. Сердце Федорова забилося еще сильнее. Да, это была ее походка, ее быстрые и легкие шаги. «Ольга!» — позвал он, но голос вдруг перестал его слушаться, и из груди вырвался лишь хриплый затравленный стон. «Ольга, Ольга...»

Она остановилась как вкопанная.

«Ольга...»

Молчание. Женщина не двигалась, напряженно всматриваясь в темноту. «Опять грезы, — думала она, — или я схожу с ума...» Она столько раз слышала этот голос в своих мечтах, что теперь не могла поверить в его реальность.

Она стояла, вдыхая острый, дурманный аромат жасмина. Где-то вдали завыл шакал — предвестник ночи. Легкий ветерок, прошелестев, принес с моря горьковатый запах соли.

Он подошел к ней почти вплотную.

Она обернулась. Колени у нее дрожали, тело горело. Некоторое время они стояли друг против друга, не смея поверить в то, что наконец встретились. «Сережа, — наконец хрипло прошептала Ольга, — Сережа...» Она

рванулась к нему, и он обнял ее — крепко, страстно, жарко...

Далекий шум морских волн становился все сильнее.

«Сережа...» — снова прошептала Ольга. В горле у нее пересохло, она едва дышала от волнения.

«Оленька...»

«Сережа...» Ольга чувствовала, как оживает ее душа, придавленная горой запретов, окруженная глухой стеной самоотречения. Она сама воздвигла эту стену, чтобы забыть прошлое... Но сейчас, рядом с этим мужчиной, с его крепким и таким любимым телом, ее неприступная крепость оказалась картонным домиком и рухнула, разлетелась на тысячи мелких обломков. Долгие годы невзгод, мучений из-за бесплодия, нищеты вдруг словно растаяли, растворились в жасминном дурмане. Она ощущала, как тело ее начинает жить, молодеет, движения становятся гибкими и быстрыми. Федоров предложил ей прогуляться к морю. Она мечтала об этом не меньше его. Он только выразил словами ее тайное жгучее желание. Они прошли несколько шагов, туда, где слышался шум прибоя. Вдали поблескивали огни маяка. Они снова остановились и долго стояли, глядясь друг в друга, не смея поверить своему счастью.

«Ольга, я так истосковался по тебе, я люблю тебя, Оленька моя, Оля, Олюшка...» Они продолжали идти. Шум волн становился все ближе, все громче. Тропинка оборвалась возле шаткой лестницы, ведущей вниз, на пляж. Они начали спускаться, но вскоре снова остановились, чтобы обняться.

Ночные волны выбрасывали на прибрежный песок сероватую пену и водоросли, обрызгивая Ольгу и ее спутника. Сердце готово было вырваться у нее из груди. Близость Федорова сводила ее с ума, лишала способности мыслить логически. В минуты отчаяния она часто представляла себе, как вернется в Россию и встретит его. Она придумывала важные цели для этих воображаемых поездок, например сбор денег на покупку земли. И всегда мечтала о встрече с Федоровым. И вот он здесь, рядом с ней. Ольга сняла туфли и положила их в соломенную корзинку. Сделала несколько шагов по мок-

рому, еще теплому песку. Большие яркие звезды сверкали на темном небе, как внезапно сбывшиеся мечты.

Они устроились на одном из больших камней, в изобилии разбросанных по пляжу. Ольга спрятала босые ступни под длинной юбкой. Вязкий песок, без устали всасывавший в себя морскую воду, был усеян мокрыми водорослями.

«Сергей, как тебе удалось приехать? Зачем? Мне все это кажется сном», — сказала она вслух, едва справляясь с волнением.

«Разве это важно? Главное, я теперь рядом с тобой. Это действительность, не сон. Веришь?»

«Чуть-чуть. Милый мой, милый, милый...» — прошептала Ольга, свернувшись калачиком в его объятиях. Внезапно она отстранилась, почти оттолкнув его. Лицо у нее помрачнело. «Ведь это измена, — подумала она, — я изменяю Иегошуа. Это ложь, предательство».

«Нет, — ответил ей внутренний голос, — ты лжешь не сейчас, а каждый день. Сейчас ты живешь настоящей жизнью. Чувство, которое переполняет тебя, правдиво и бессмертно».

Белые барашки волн, тесня друг друга, набегали на песок, влекомые могучей, непреодолимой силой. Глядя на них, Ольга чувствовала, что ее внутренний голос прав, что законы природы непобедимы.

«Я так часто ездил в Одессу, думал — вот ты вернешься... И все напрасно. Почему?»

Ольга не отвечала. Федоров тоже молчал, вспоминая бесконечные поездки в Одессу и долгие часы ожидания в порту. Каждый раз, когда на трапе появлялась женщина невысокого роста с волосами, собранными узлом, у него перехватывало дыхание. Положа руку на сердце, поехать в Палестину он согласился только в надежде встретить Ольгу. И вот его тайная мечта сбылась — они вместе наедине на морском берегу...

Шум прибоя все нарастал. Федоров рассказывал Ольге, как тосковал по ней, как искал ее... «Почему же ты не вернулась, как обещала? Почему перестала писать?» — вновь спросил он Ольгу, и в голосе его послышалось недовольство.

Ольга молчала.

«Помнишь, как ты показала мне отцовское письмо? — голос Федорова внезапно изменился, в нем зазвучали жесткие мужские нотки. — Ты тогда мне сказала, что едешь в гости. В гости, а не навсегда. Ты обещала вернуться».

«Как же я могу забыть это?» — прошептала Ольга, едва удерживая слезы. Редко можно было видеть слезы на глазах у этой сильной, мужественной женщины.

«Конечно, не забыла, — продолжала она с болью в голосе. — Такое не забывают. И я помню...»

Ольга горько разрыдалась. Федоров снова покорила ее, и она подчинилась его мужской силе. Вновь превратилась в мягкую, слабую женщину, какой никогда не чувствовала себя рядом с Иегошуа.

«Я все время думал о тебе. Я ведь люблю тебя, а что значат для настоящей любви границы всякого рода? Я знаю, что ты чувствуешь то же, что и я. Не возражай! Я же знаю, ты любишь меня».

«Но я ведь замужем!»

«Брак похож на тюрьму, в которую человек заключает себя добровольно. Брак без любви — это страдание на всю жизнь».

Плеск моря, казалось, вторил ему, вновь и вновь напоминая: «Вам не забыть эти мгновения никогда, никогда, никогда...»

«Я написала тебе много писем, но порвала их все, — внезапно прошептала Ольга. — Что бы изменилось от того, что ты прочел их? Мне нужно было только выговориться на бумаге, ничего больше. После каждого такого письма я находила новые силы, чтобы помогать мужу, который моложе меня на двенадцать лет».

«Но ты не можешь быть для него Терезой де Мон!*

«Нет. Мое чувство к нему совсем другое».

«Но я-то хочу быть твоим возлюбленным, как этот итальянец! Я люблю тебя, Оленька, хоть мы уже не очень

* Французская дворянка, у которой был роман с итальянцем — губернатором ее детей. Любовник Терезы де Мон был намного младше ее. После того как он ее покинул, она ушла в монастырь.

молоды. Наша любовь — это зрелое чувство людей, много повидавших в жизни».

«Сережа, что такое любовь?»

«Я знаю, что это значит для меня, а до других мне дела нет. Любовь для меня означает желание быть с тобой рядом, ощущать запах твоих волос, радоваться вместе с тобой, даже ссориться. В общем, жить ради тебя. Мы ведь оба хорошо знаем это, Оленька».

«Меня нельзя сравнивать с Терезой де Мон. Ее связывало с любовником вожделение, а наша с мужем любовь держится на общих ценностях. В нашей Торе сказано, что жена — помощница мужа. Это значит, что я во всем должна быть ему опорой. Вот и к консулу я ходила, чтобы выручить мужа. У него сейчас большие неприятности. Он занимается скупкой земель, а дело это непростое и опасное».

Федорова вдруг осенило. Странный исхудалый субъект, которого турки-полицейские привели в консульство и которого поносили в конторе «Ховевей Цион», — не кто иной, как муж Ольги! Это открытие причинило ему боль. Чем этот изможденный мужчина лучше, чем он? Почему она предпочла его? Рядом с ней он выглядит мальчишкой! Сразу видно, что они не пара!

«Да сними же, наконец, маску, Оля! Говори со мной о чувствах, а не о ценностях!» — не выдержал Федоров.

Наступило продолжительное молчание. «Наибольшие препятствия — те, что человек воздвигает себе сам», — произнесла наконец Ольга слабым голосом. Она сидела, низко опустив голову, пригоршнями зачерпывая мокрый песок. Больше всего на свете ей хотелось быть с Федоровым. Игошуа замучил ее своими бесконечными отлучками. В последний раз он пропадал в Бейруте целых два месяца, а она все ждала, тщетно надеясь на его скорое возвращение...

Почему же она не может сейчас остаться с избранником сердца?

Мысленно произнеся эти слова, Ольга затрепетала. Ведь Сергей и вправду был избранником ее сердца, а Игошуа — лишь избранником разума.

«Купец, который должен сопровождать Ханкина в Бейрут, — это я. У них там в Петербурге ум за разум

зашел от подозрительности. Они меня послали следить за вашей поселенческой деятельностью. Мне велено ехать с твоим мужем в Бейрут и в Изрезльскую долину».

«Тебе?»

«Ради тебя я могу отказаться. И деньги, которые якобы я буду вкладывать в землю, — это вранье. Ни гроша мне не дадут».

«Поступай как знаешь, Сережа» — вздохнула Ольга. Ей опять хотелось быть маленькой, слабой женщиной, чувствовать защиту сильного и доброго мужчины.

Ольга в возрасте 14 лет, в начале работы телеграфисткой
в Могилеве.

Ольга в Санкт-Петербурге в возрасте 26 лет. Работая акушеркой,
она начала заниматься сионистской деятельностью
и установила прочные связи с русскими
и еврейскими деятелями культуры.

Семья Белкинд в Могилеве, накануне эмиграции Израиля,
Фанни и Шимшона в Палестину. Стоят (справа налево):
Израиль, Шимшон, Фанни и Соня.
Сидят: Меир (отец), Ольга и Шифра (мать).

Ольга с сестрой Фанни в Санкт-Петербурге в 1880 году.
Фанни навещает Ольгу перед тем, как окончательно решиться
на эмиграцию в Палестину вместе
с членами движения Билу.

Ришон-ле-Цион в 1883 году, вскоре после основания города.

Дом семьи Исразеля Файнберга в Ришон-ле-Ционе.

Один из первых домов, построенных в Хевроне на деньги барона Ротшильда.

Гедера, поселение движения БИЛУ, и ее обитатели в 1892 году.
В Гедеру Ольга и Иегошуа переехали после свадьбы.

Ольга и Иегошуа в Женеве в 1901 году.

Ольга – деятельная акушерка в Яффе. И днем и ночью она бесстрашно разъезжала по окрестным деревням, беря с собой корбач (нечто вроде нагайки) для самозащиты.

Иегошуа Ханкин с сионистом Дольником в Екатеринославе пытаются мобилизовать средства для приобретения земли в Палестине.

Яффо в начале века. Центральная площадь вне городских стен
(ныне – площадь Часов). В Яффе решили
поселиться Ольга и Иегошуа.

Ольга в Яффе, 10.02. 1910 год.

Кузен Ольги, Авшалом Файнберг в 1911 году.

Основание Реховота на землях Хирбат Дурана,
приобретенных Иегошуа Ханкиным.

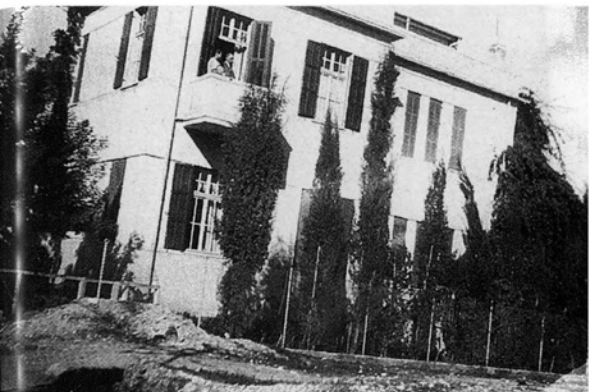
Ольга Ханкин в 30-е годы в Тель-Авиве.

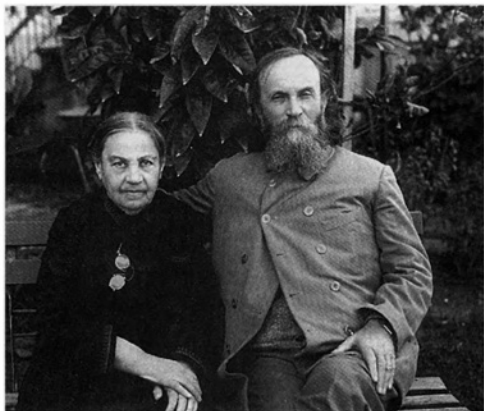
Иегошуа Ханкин, выкупивший 600 000 дунамов земель Палестины.

Женские посиделки за чашкой кофе. Справа налево:
Ольга, Маня Вильбошиц-Шохат, Соня Белкинд
и Шушана Вильбуш.

Ул. Алленби, д. 105, угол бульвара Ротшильда.
Ольга и Иегошуа жили на первом этаже,
Соня и ее муж Мендель Ханкин – на втором.

Ольга и Иегошуа в своем дворе на ул. Алленби в Тель-Авиве.

Глава двадцатая

ЗОВ ЖИЗНИ

Неожиданная встреча с Федоровым привела Ольгу в смятение. Она вдруг остро осознала, что вся ее жизнь — это непрестанная череда сражений, в которых она далеко не всегда одерживает победу. В ней с новой силой пробудились прежние сомнения, с которыми она, казалось, уже справилась.

По дороге домой, проходя мимо греческого монастыря, она задумалась о судьбе православных монахинь. Ольга завидовала их спокойной, размеренной жизни, в которой не было бурь и потрясений. Может, и правда, полностью подчинившись суровому монастырскому уставу, они обрели душевный покой? Монахинями ведь не рождаются — каждая из них когда-то была обыкновенным ребенком, воспитывалась в семье, мечтала выйти замуж и родить детей. Что может заставить юную девушку запереть себя в монастыре? Несчастливая любовь?.. Болезнь?.. Отчаяние?.. Что бы это ни было, они смогли преодолеть себя, оставить родной дом и отправиться в далекую чужую страну, где можно забыть о прежних чувствах и посвятить себя аскетической жизни, не оставляющей места для душевных мук. Они нашли выход, а она?

Как обрести душевный покой? Ей померещилось, что за деревянными воротами монастыря она видит настоятельницу с мерцающей свечой в руках. На самом деле ей виден был только мерцающий огонек, а женская фигура в черном одеянии лишь угадывалась в темноте.

«Страдание очищает душу», — как-то раз сказала Ольге настоятельница. Тогда она промолчала, а сейчас с раздражением подумала, что лучше было бы обойтись без очищающего страдания. Да, только страдание и ничто другое привело сюда этих женщин из Греции, с Кипра, из России, но разве в самопожертвовании смысл жизни, смысл любви? Чего ради красивые ясноглазые девушки проводят жизнь в молитве и тяжком труде? Неужто они появились на свет для того только, чтобы молиться деве Марии? Или наградой им служит умиротворенность, которую они не сумели обрести в миру? Если к еврейскому слову *адам* присоединить окончание женского рода, получится *агама*, что значит «земля». Почему? Разве жена мужчине — земля, а не женщина? Почему Мария родила Иисуса, не испытав любовной ласки? Зачем нужно умерщвление плоти? Только в христианстве и у нас в иудаизме любовь считается грехом и порождением греха. Женщина олицетворяет грех, потому что дала соблазнить себя змею. А что было плохого в том соблазне? Ведь это зов жизни!

Вернувшись в квартирку на улице Аджами, Ольга почувствовала себя глубоко несчастной. Иегошуа не было дома, но она к этому привыкла. Она сидела одна, раздираемая противоречивыми чувствами. Говорить о Сергее с матерью или сестрами не имело смысла — не поймут. Мать принимала всегда сторону отца, для которого не было ничего важнее на свете, чем сионистские идеалы и возрождение еврейского народа на своей земле. Сестры тоже находились под его влиянием. Они восхищались деятельностью Иегошуа, видя в ней осуществление многовековой мечты, но не понимали, что, как бы Ольга ни гордилась мужем и ни помогала ему, быть по-женски счастливой рядом с ним она не может. Ну кому она скажет, что мужчина, от которого ее оторвали хитростью, приехал в Палестину и снова претендует на место в ее жизни? Родственникам и без того хватало забот! Разве можно нанести им такой удар?

В ту ночь Ольга не могла заснуть. Она беспокойно ворочалась в постели, предаваясь горьким размышле-

ниям. Знай она заранее, как сложится ее жизнь в Палестине, разве не вернулась бы в Россию?.. И разве вышла бы замуж за Иегошуа, если бы предвидела, что он будет беспрерывно разъезжать по стране и общаться с арабами вместо жены?

Вечный шум моря за окном напоминал, что жизнь ее уже сложилась и в ней ничего не изменишь. Вот сегодня она могла пригласить Федорова сюда, в эту квартиру. Иегошуа ведь нет дома, и вряд ли он скоро вернется. Что ей помешало? Верность? Чувство долга? Страх перед неожиданным приходом кого-нибудь из родственников? Ольга места себе не находила от этих мыслей.

Внезапно в дверь постучали. Стук был тихий, почти неслышимый. Ольга не отвечала, но сердце ее билось с бешеной скоростью. Неужели он? Как он посмел? Он ведь не знает, что Иегошуа нет дома.

Слабый стук повторился. Душевная борьба парализовала ее, не давая подняться с постели. Нет, это не может быть Сергей! Он ведь человек воспитанный, не придет без предупреждения. Конечно, втайне она мечтала, что за дверью стоит Федоров, но мечты сами по себе, а реальность сама по себе.

И снова стук — такой же тихий, но более настойчивый. Ольга повернулась, и ей показалось, что кровать скрипит так, что слышно во дворе. Который час? Полночь. Может, позже, а может, и раньше. Какое это имеет значение?

«Кто там?» — спросила она и не услышала собственного голоса.

Тишина.

Тот же вопрос по-арабски.

«Басам Иса», — раздался тихий голос за дверью.

Басам Иса был ливанский торговец хлопком, владевший дачей в Яффе. Его первая жена умерла в Бейруте, и он женился на женщине из семейства Рук. Их брак продолжался уже несколько лет, а дети все не появились. Две беременности закончились выкидышами. За третьей беременностью следила Ольга, которая заставляла супругу Басама Исы проводить большую часть времени в постели. Ольга была частой гостьей в их доме, и

принимали ее там с почетом. Часто она возвращалась от них с мешочком мелких денег, которые раздавала племянникам и племянницам.

Ольге нравился Иса, который был моложе ее более чем на десять лет. Она ценила его ум и деловую смекалку и не раз брала у него ссуды для Иегошуа. Но сейчас Ольга почувствовала раздражение при мысли, что ей снова предстоит способствовать тому, чтобы в этот невыносимо сложный мир пришла новая жизнь.

Ольга встала, медленно и неохотно оделась, взяла хлыст, который всегда носила с собой, уходя ночью в город, и вместе с Басамом отправилась на телеге в его загородный дом. Было прохладно. Ольга так и не узнала, который час, но наверняка было уже за полночь. Убаюканная теплым соленым ветром и шумом моря, Яффа погрузилась в сон, и только цоканье копыт да скрип колес раздавались в пустынных переулках.

Уже подъезжая к дому, они услышали горькие сдавленные рыдания. Ольга приехала слишком поздно. Ребенок запутался в пуповине и задохнулся. Это была девочка.

Глава двадцать первая

ЧЕЛОВЕК И ЗЕМЛЯ

На следующее утро Ольга не нашла в себе сил отправиться на работу. Видеть родных ей тоже не хотелось. Охваченная волнением, она решила поговорить с бароном Платоном Устиновым, пожилым опытным человеком, который был известен своей мудростью и оригинальностью. Он тоже когда-то оборвал все связи с Россией и пережил семейные бури. Ольга надеялась, что в его обществе сможет успокоиться или хотя бы собраться с мыслями.

Неординарность барона Устинова проявлялась в том, что с ним можно было откровенно обсуждать самые деликатные и сутубо личные вопросы. Ему часто приходилось говорить с мятущимися, измученными душевными страданиями людьми. Устинов был маленьким коренастым человечком с длинными волосами и бородой и непропорционально большими карими глазами. Он приехал в Палестину вместе с тамплиерами. В их секту он вступил, когда жил в немецкой провинции Вюртемберг. Барон построил в Яффе красивый двухэтажный дом, вокруг которого разбил сад. В этом саду росли диковинные растения; кусты индийского гибискуса, финиковые пальмы невероятной высоты и хвойные деревья из Австралии были рассыпаны в живописном беспорядке в соответствии с планом старшего садовника Аль-Хадефа. В укромных тенистых уголках росли широколиственные

деревья, в ветвях которых резвились обезьяны и вили гнезда невиданные птицы. Там и сям попадались лужайки с яркими индийскими цветами. День и ночь этот сад наполнял птичье пение, а гордые павлины расхаживали по дорожкам, распустив царственные хвосты, на которых сверкали голубые, изумрудные и золотые глазки-кружочки.

Барон Устинов коллекционировал древности. Он относился к глиняным черепкам и бронзовым статуэткам, как любящий отец к детям. Он протирал их, снимал с них пыль, реставрировал. Иногда из разбитых кусочков ему удавалось склеить языческого божка или какое-нибудь украшение. Он вдыхал новую жизнь в древние предметы, воскрешая ушедшие эпохи. Барона интересовала история каждого черепка, попадавшего к нему, и он переписывался по этому поводу с коллекционерами и учеными из многих стран. В свободное время Устинов читал античные сочинения, Новый Завет и Коран, так что прошлое Палестины стало для него почти столь же реальным, как настоящее.

На рассвете его сад был похож на волшебное царство. Узенькие каменистые тропинки извивались между олеандрами, гнувшимися под тяжестью розовых цветов. Золотые рыбки резвились в живописном пруду, окаймленном широколистным индийским тростником с алыми цветами. Финиковые пальмы перед домом жадно тянулись к солнцу, посылавшему им свои первые лучи, подобные золотым стрелам.

Ольга и русский барон сидели в «розмариновом уголке». Так барон называл тенистый закуток, где всегда благоухал розмарин. Вокруг в тщательно продуманном беспорядке росли плодовые деревья. Темнокожий слуга принес им розовую воду и сладости.

«Тяжко мне, дорогой Платон», — начала Ольга.

«Ну вот, Ольга, впервые от вас слышу такое. Вы ведь никогда не жалуетесь».

«Просто родные не слышат моих жалоб. Они считают, что я сильная и должна их поддерживать. Но у каждого человека есть свои трудности».

«Верно. Вот для этого людям и нужен Бог. Здесь особенно чувствуешь его присутствие — в пении птиц и шуме волн, в голосе муэдзина и в колокольном звоне».

«Это все философия. Вы же тоже сюда из Европы приехали. Зачем? Разве это принесло вам облегчение?»

«А я и не искал облегчения. Впрочем, вы тоже. Вы приехали на вашу древнюю родину. Вот вы посылаете статьи в "Гамелиц". Что вы там описываете — легкую жизнь или рождение нового общества?»

«Но я хотела поговорить с вами о другом. Помогите мне разобраться в моих сомнениях».

«Человеку свойственно сомневаться и искать. Этим он отличается от животного. Искания прекращаются только вместе с жизнью. Вы что, думали, что приезд в Палестину разрешит все ваши сомнения? Счастлив тот, кто каждое утро начинает все заново, возрождается вместе с наступающим днем. Вчерашний день — только воспоминания. Вы ведь не живете воспоминаниями — вы человек действия!»

«Поэтому я и пришла поговорить с вами. В последнее время мне как раз очень хочется вернуться в прошлое».

«Какое прошлое вы имеете в виду? Россию? Петербург? Старую любовь?»

«Да, дорогой барон, старую любовь... Она, как вино, с годами становится все крепче...»

«Что вы, доченька! Вы же замужем! Муж о чем-нибудь догадывается?»

«Да он вообще ничего не чувствует. У него только одна страсть, вы же знаете!»

«Ну, это все знают. Но дело у него очень важное, поверьте мне!»

«Жизнь тоже важна. Жизнь ведь дается только раз — имеем ли мы право тратить ее на погоню за идеалами? Может быть, лучше стремиться к счастью?»

«Люди стремятся к счастью уже тысячи лет. Все его ищут — и индусы, и китайцы... Вот и ваш царь Давид стремился к счастью, а ведь был никудышным любовником, несчастным отцом и плохим мужем. Стремление к счастью как к самоцели заранее обречено на неудачу».

Если и можно его найти, то только в пути, преодолевая трудности. Ваш муж счастлив, хоть и одет в лохмотья, живет как бездомный кочевник и всем своим видом возбуждает чувство, близкое к жалости».

Ольга вынуждена была согласиться, что Игошуа и правда счастливый человек. Устинов продолжал:

«Он счастлив, потому что посвятил свою жизнь высокой цели, а не потому, что запланировал быть счастливым. У вас вообще слишком много болтают и планируют, а ваш муж действует. Арабы называют вас народом книги, вы привыкли читать и размышлять, а не делать дело. Вам очень не хватает таких людей, как ваш супруг, — людей, которые способны говорить с местными жителями на их языке, заключать с ними сделки, выходить сухими из воды и якшаться с разбойниками по ночам».

«Дорогой барон, а может ли быть счастлива жена человека, якшающегося с разбойниками по ночам?»

«А разве вы не радуетесь его успехам? Вам что, важнее эгоистическое личное счастье? Зачем вы сюда приехали? Зачем поощряли на это братьев и сестер? Ради их личного благополучия или потому, что они решили "подняться и идти в дом Иакова?" Разве не знали они, что в доме Иакова чужая власть? Эпидемии, нищета, грабеж?.. Зачем вы подбивали их ехать в такое место?»

«Я заплатила за свой приезд дорогую цену».

«Все платят. Вы думаете, я сюда от хорошей жизни приехал?»

«Дорогой Платон, я хочу изменить свою жизнь, расстаться с мужем. Я люблю русского человека. Сейчас он приехал за мной. Истинная любовь никогда не кончается».

«Если вы уже решили, зачем было приходить сюда? Поступайте, как велит вам любовь. Но коль скоро вы пришли, значит, не так-то уверены в своем решении... Кстати, что это значит — приехал за вами в Яффу? Что он здесь делает, где живет? Сколько времени здесь пробыдет?»

«Он работает в консульстве. Но это не имеет значения — у него есть дело и есть где жить. Я хотела с вами

посоветоваться, потому что и вы были в таком же положении. Вы ведь приехали сюда из-за семейных неурядиц...»

«Да, но я ведь не развелся и никогда не разведусь... Брачный союз заключается навеки. Я нуждался во временном пристанище после того, как узнал, что жена мне изменяет. Разве это похоже на ваши обстоятельства?»

«Конечно, нет. Мой муж изменяет мне не с любовницей, а с землей. Она его настоящая жена».

«Вот вы сами себе и ответили. Среди вас столько мечтателей и прожектеров, а ваш муж — один на все поколение. Что касается меня, то я с женой не разводился, а только оставил ее и начал искать себе новую страну и новое общество. Как вы знаете, я поменял и вероисповедание, что очень возмутило церковное начальство в Петербурге. У нас в России много православных фанатиков, но власть насилия не может продолжаться долго. Нельзя верить по принуждению. Вера есть дело сугубо личное, и только искренняя вера согревает душу. Лучший пример тому — ваш народ, Ольга. Это единственный на свете народ, выживший благодаря вере. Где теперь амалекитяне, филистимляне, ассирийцы и вавилоняне? Где их столицы — Ниневия, Ур, Вавилон? Вы же вернулись на свою библейскую землю. Вы никогда не задумывались над этим чудом? Знаю, что задумывались! Чудо совершили люди, похожие на вашего супруга, и, если бы не ваша поддержка, ничего бы здесь не было. Вы хоть это понимаете?»

«Понимаю, потому и пришла с вами посоветоваться».

«Вы умница, у вас сильная душа и золотые руки. Призовите их на помощь, и вы будете счастливы. Не каждой женщине даровано помогать людям появляться на свет Божий. На месте вашего мужа я обращал бы на вас больше внимания, чтобы у вас не появлялись такие глупые мысли — бросить все и вернуться в Россию. Вы знаете, как я тоскую по Петербургу? Мои корни там, а без корней дерево вянет. Видите там пальмы и гигантский фикус? Знаете, почему они такие высокие? Потому

что у них корни длинные! Чем глубже корни — тем длиннее ветви. Но я не уезжаю, потому что страна эта заколдованная и корни ее уходят в глубокую древность к праотцам Аврааму и Ною. Ной, кстати, тоже был единственным праведником в своем поколении, и никто его не понимал. Знаете, почему жена Лотова превратилась в соляной столп? Только потому, что посмотрела назад. В нашей жизни нельзя смотреть назад, потому что жизнь коротка, а мы живем в Святой Земле. Это особая земля, покоровшая мое сердце. Отец Менелай, монахини-францисканки, тамплиеры, люди из американской общины чувствуют то же самое. Вы не задумывались почему? Заметьте, что все они здесь чужие, а для вас это родина! Здешний порт построил не кто иной, как ваш царь Соломон! Дерево для строительства вашего храма везли через этот порт, и царица Клеопатра проезжала через Яффу, а вы собираетесь возвращаться на чужбину? Неужто все, что вы здесь делали, было на показ, потому что другого выхода не было? Омар Хайям говорил, что нельзя постичь двух вещей: прошлого и будущего. Вашего прошлого никто у вас не отнимет, но, если вы начнете сейчас ломать свою жизнь, что станет с вашим будущим? Страна эта — страна прошлого, а такие люди, как ваш муж, превращают ее в страну будущего. Без неукротимого нрава вашего супруга у него ничего бы не вышло. Неужто вы не понимаете этого?»

Ольга задумалась, опустив голову. Птицы щебетали и пели на ветках, а она ничего не замечала, кроме мощной дорожки и красных цветов по бокам. Устинов прав — она живет не только своей быстротечной жизнью, но и жизнью народа — своих современников и тех древних иудеев, которые когда-то основали здесь гордое царство. Переполюющая ее любовь к Библии, восторг, который она испытывает, читая рассказы про еврейских пророков, судей и царей, — это не просто духовное удовольствие или интеллектуальное развлечение. Нет, она ощущает себя частичкой давно ушедшего мира, современницей древних событий, они для нее ре-

альны, наполнены живыми звуками и красками. Почему же она отказывается платить за такое счастье? Ведь платить надо за все, и у любви тоже есть цена.

Пока Ольга предавалась размышлениям, Устинов позвал слугу и что-то сказал ему по-немецки. Тот вышел и быстро вернулся, неся в руках женскую статуэтку. Она была готова только наполовину — видно, барон начал трудиться над ней совсем недавно. Крошечная головка плотно сидела на ее массивном бронзовом теле, а продолговатые груди свисали до самого живота. Руки покоились на выпуклых бедрах. «Вот, прошу любить и жаловать, Астарта, финикийская богиня плодородия, — сказал барон, нежно поглаживая статуэтку. — Я приобрел ее в берлинском музее, но родом она отсюда, из Ашкелона. На свете нет случайностей. Не случайно ваша священная книга изобилует описаниями таких вот богинь. Здесь их родина. Это не просто декоративная вещица. В библейские времена люди верили, что она избавляет от бесплодия. Ольга, почему вы меня не слушаете?»

«Господин Устинов, зачем нам дана жизнь? Чтобы мы прожили ее для себя или посвятили чему-то или кому-то?»

«Неужели вы до сих пор не примирились с тем, что не сможете родить ребенка? Вы когданибудь думали о надежде? Да, мы живем ради себя, но не в пустоте. Покуда вы еще надеялись иметь детей, вы не раскаивались в своем выборе. Что же изменилось за последние годы? Когда-то Астарта дарила надежду бесплодным женщинам. Надежда важнее, чем мимолетное мгновение. Хоть тут-то вы со мной согласны? Хороший пример — жизнь нашего Спасителя, который тоже родился в здешних краях. Он творил чудеса, потому что люди верили в его чудотворную силу. Народы, верившие в Астарту, уже давно исчезли с лица земли, но коллекционеры со всего мира гонятся за оставшимися от них предметами культуры. Вы и не представляете, сколько времени я дожидался возможности купить эту вещицу. И посмотрите, в каком она состоянии! Одна рука

сломана, носа нет, да и над телом еще надо поработать. Но она существует, она реальна, как сама жизнь. Для меня она — воплощение веры и надежды, которые осуществляются здесь, в святых местах, возрождаются, подобно ей самой, собранной из бесформенных кусков бронзы. Вы страдаете не из-за мужа, а из-за того, что у вас нет детей. Бездетная женщина подобна бесплодному дереву, ибо назначение обоих — приносить плоды. Вот ваша истинная боль, так не смешивайте же ее с фальшивой любовью! Ибо любовь к иноплеменнику — это все равно что идолопоклонство, вождение к чужим богам. Такая любовь подобна предательству, и не только по отношению к вашему супругу, но и ко всему библейскому народу. Моя Астарта не собрана до конца. Постепенно я приделаю ей нос и исправлю руку. Так и вы — в вас нет завершенности. Потому что вы никогда не рожали. По этой причине вся ваша жизнь и вращается вокруг мужа. Но взгляните на это более оптимистично. Что бы вы делали, будь ваш супруг обычным яффским торговцем? Или аптекарем в Иерихоне, как бедняга Иосиф Файнберг? Или простым земледельцем? Да вы бы умерли от скуки! А теперь, благодаря Иегошуа с его мечтами и страстью к приключениям, вашу жизнь уж никак нельзя назвать скучной. Он, правда, скорее напоминает вашего сына. Но так распорядилось Провидение, чтобы смягчить ваши страдания. Отнюдь не случайно Иегошуа похож на мечтательного, неутомонного мальчишку, за которым нужен присмотр, поверьте мне! Вами движет инстинкт материнства, и страдаете вы от того, что не можете его удовлетворить. Вы ошибаетесь, приписывая эту тяжкую неудовлетворенность тоске по теплу, которую дарит вам этот русский. Как его зовут, вы сказали?»

«Федоров. Сергей Федоров».

«Ольга Белкинд, вам уже сорок пять лет. Детей у вас не будет, но разве облегчение чужих страданий не смягчает хоть немного вашу боль? Разве, помогая рожденицам, вы не испытываете жалости и любви? Вы ведь де-

лаете чудеса как с больными, так и с роженицами, просто воскрешаете их в самые тяжкие минуты. Вы страдаете не из-за любви к этому мужчине. Мужа вы тоже любите, только по-другому. В вашем чувстве к нему больше преданности и желания помочь, чем телесного влечения. Разве вас не утешает мысль, что вот этими руками вы помогли появиться на свет десяткам младенцев, которые без вас умерли бы, часто вместе со своими матерями?»

Ольга вышла из чудесного сада с тяжелым сердцем. Высокий привратник закрыл за ней ворота, и она медленно и безрадостно зашагала к морю.

Глава двадцать вторая

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ

Одним из заданий, полученных Федоровым, было выяснить характер взаимоотношений Устинова с сионистским движением — поддерживает он этих людей или просто тратит на Палестину русские рубли. Федоров понимал, что Устинова смешно в чем-то подозревать, но вынужден был встретиться с ним, чтобы иметь возможность направить отчет куда следует.

Барон радушно принял Федорова в своем саду. Солнце заходило. Устинов сидел со своим гостем в уголке, где росли оливковые, гранатовые и миндальные деревья. Федоров представился секретарем консульства, недавно прибывшим из Петербурга. Началась ностальгическая беседа — Устинов жадно расспрашивал гостя о новых поступлениях в Эрмитаже, вспоминал любимые царскосельские сады... Видно было, как тоскует барон по оставленной родине. Федоров спросил его, почему он не возвращается в Россию. На это Устинов ответил, что в случае возвращения его не выпустят обратно. Потому он и гасит тоску в письмах и в беседах с русскими гостями.

Федоров рассматривал каменные листья, украшавшие коринфские колонны. Его интересовали восточные древности, и он знал, что Устинов хорошо разбирается в здешней истории. Барон рассказал ему, что благодаря своей коллекции смог уловить дух этой совсем особой страны — Святой Земли иудаизма, христианства и ислама. Разговаривая с Федоровым, он пристально рас-

смастривал гостя. Его внимание привлекли волевая чело-
вость собеседника и горящие глаза, в которых сквозили
ум и энергия. Пшеничные усы безуспешно прикрывали
сломанный передний зуб. Гостю было лет сорок пять. В
таком возрасте обычно на Восток не посылают... Вне-
запно Устинов понял, что перед ним тот самый человек,
о котором ему говорила Ольга. К тому же он почувст-
вовал хорошо знакомую повадку агента тайной поли-
ции. Ясно было, что приезжий — не просто чиновник из
консульства.

«Как вы сюда попали?» — спросил Устинов вроде
бы невзначай, и гость ответил, что его направили сюда
по завершении дипломатической миссии в Париже и в
Швейцарии.

«У каждого поступка есть видимые и истинные при-
чины, — произнес барон и чокнулся с гостем. — Я вас не
спрашиваю о видимых причинах, по которым вы здесь.
Меня интересуют причины истинные».

Осторожность разведчика заставила Федорова ска-
зать, что он не ощущает разницы — послали его, и он
поехал.

«Видимые причины поступка могут быть объяснены
и оправданы положением вещей. Истинные причины
ясны только самому человеку, да и то не всегда. Они
коренятся в чувствах, тогда как видимые причины по-
ступка часто служат самооправданием».

Федоров понял, что барон прощупывает его реак-
цию, и промолчал.

«Какое это имеет значение?» — спросил он нако-
нец и поставил стакан на мраморный столик.

«Имеет значение, истина или ложь в вашем сердце.
Ложь всегда найдет видимую причину, особенно когда
в деле замешаны интересы, противоречащие истине.
Когда идет борьба интересов, видимые причины скры-
вают истинные, которые могут быть прямо противопо-
ложны».

На Федорова произвела сильное впечатление ис-
ренность его собеседника — русского барона, оставив-
шего дом, имение и религию предков. Его переполняло
желание поговорить с этим человеком о заболевшем.

«Сдается мне, что вы агент тайной полиции, — произнес барон, поглаживая длинную бороду, почти прикрывавшую объемистый живот. — Ваше учреждение поистине вездесуще. Вот уж не думал, что вы следите за своими евреями даже здесь. Что вас тут интересует? Чего вам надо от меня?»

Очарование сумерек, вечный плеск моря, откровенность хозяина вызвали у Федорова желание воскликнуть: «Да, я агент тайной полиции! Это предлог, из-за которого я оказался здесь, видимая причина, как вы говорите. Но на самом деле я ненавижу тех, кто прислал меня сюда, ненавижу свое задание. Не меньше, чем вы, господин барон. А истинная причина заключается в том, что я смертельно истосковался по женщине, которую люблю много лет. Она разбила мне жизнь, уехав сюда, в Палестину». Так хотелось крикнуть Федорову, но он с большим трудом подавил свое желание.

Красавец павлин царственно шествовал по дорожке, его распушенный хвост искрился множеством зеленых и голубых брызг. Федоров понимал, что здесь, в этом месте ему нельзя лгать и разыгрывать предписанную роль — это будет предательством по отношению к себе. Он долго смотрел на павлина, машинально пересчитывая блестящие кружочки на его перьях. Потом вдруг признался, что он и правда агент тайной полиции и приехал разобраться, чем здесь заняты сионисты. Впрочем, это только внешняя причина.

«Я знаю», — Устинов горько усмехнулся в бороду, что-то пробормотал и внезапно спросил, хорошо ли Федоров помнит Ветхий Завет. Тот ответил отрицательно.

«В Ветхом Завете описаны соблазнительные женщины — Ева, Лотовы дочери, Далила, Вирсавия, Рахав. Историю делали мужчины — судьи, пророки, цари. Женщины им только помогали. Библия подчеркивает в основном их женственность: Вирсавия, купающаяся на крыше, Далила, соблазнившая Самсона, Эсфирь, пробудившая желание персидского царя, Мириам, ухаживавшая за Моисеем. Некоторые из них продавали свое тело — добровольно или по принуждению. А одна по-

шла на это, чтобы родить ребенка». Устинов вынул из кармана шелкового халата книжечку в кожаном переплете. «Вот она, еврейская Книга Книг, — произнес он торжественно, — она же Книга Книг и для других народов. В немногих словах в ней сосредоточена глубочайшая жизненная мудрость. Есть там, например, рассказ про Фамарь, жену Эра, которая решилась на прелюбодеяние с собственным свекром ради того, чтобы забеременеть. Муж ее умер, а его отец пренебрег обязанностью выдать невестку замуж за одного из своих сыновей. Тогда эта благородная, добрая и скромная женщина переделась блудницей и, закрыв лицо покрывалом, отправилась на дорогу. Там она села на камень и стала ждать. Когда мимо проходил ее свекор, она соблазнила его и согрешила с ним в укромном месте. Звали его, кстати, Иудой. Он считается отцом колена Иуды и от него же получил свое имя иудейский народ. Так вот, согрешив с Иудой, Фамарь потребовала от него подарок».

«Библейские истории вправду очень замысловаты», — рассеянно поддакнул Федоров.

«Они гораздо более замысловаты, чем кажутся сначала. Фамарь потребовала подарок, чтобы потом доказать, от кого забеременела. Действительно, когда ее беременность стала заметной, свекор велел сжечь невестку. Так в те времена поступали с прелюбодейками. И тогда Фамарь при всем народе показала Иуде подаренные им вещи. Вот, послушайте». Полистав Библию, Устинов быстро нашел нужное место и вслух прочитал: «И сказала: узнавай, чья это печать и перевязь и трость. Иуда узнал, и сказал: она правее меня».

Закрыв толстую, небольшого формата книгу, Устинов прихлопнул в ладоши и посмотрел в сторону моря, куда медленно погружалось кроваво-красное солнце. Помолчав немного, барон продолжал: «Знаете ли вы, друг мой, какую важную роль отводит Ветхий Завет бесплодным женщинам? Сарре, жене Авраама, было почти сто лет когда она родила Исаака, одного из праотцов здешнего народа. Рахиль, любимая жена Иакова, оставалась бесплодной многие годы, как и Анна, мать первого иудейского пророка Самуила. Бог

создал бесплодными большинство женщин, сильно повлиявших на историю иудеев. Знаете почему? Потому что они в состоянии справиться с любыми трудностями. Для женщины нет страдания тяжелее, чем неспособность забеременеть. Женщина, справившаяся с таким горем, способна совершать подвиги, изменять историю. Господь любит бесплодных женщин. Они существа особые». Договорив, Устинов пристально и испытующе посмотрел на собеседника.

Федоров не отрывал глаз от затейливого узора на павлиньем хвосте. Лицо его было бесстрастно, несмотря на душевную бурю. Он чувствовал, что нахлынувшие на него волны боли и любви вот-вот затопят все его существо и, торжествуя, вырвутся наружу. Если она бесплодна — это из-за него... Он прилагал неимоверные усилия, чтобы сохранить самообладание. Уцепившись за мраморный столик, он заставлял себя разглядывать ветку финиковой пальмы и преломлявшиеся в ее листе лучи заходящего солнца.

Мало того что по его милости Ольга потеряла способность рожать и что его любовь причинила ей столь великие страдания, так еще этот русский барон открыл ему, к каким разрушительным последствиям может привести его визит. Зачем барон завел с ним разговор о бесплодных женщинах? Что он вообще знает? Впервые опытный сыщик Федоров почувствовал себя не следователем, а подследственным и обвиняемым одновременно. Этот Устинов умудрялся внушить ему такое чувство, не произнеся ни слова напрямую.

«Страна, где вы находитесь, — особая страна, — сменил тему Устинов и продолжил ученую беседу: — Это также единственный случай в истории, когда народ начинает возвращаться на землю, покинутую тысячелетия назад. Здесь иудеи жили в далеком прошлом и пытаются поселиться снова. У них есть кому подражать: библейские пророки, судьи и цари были людьми смелыми, воинственными, жестокими и дерзкими. Мужчины отличались силой и отвагой. Однако в Библии мы почти не находим цариц или пророчиц. Женщины исполняли традиционно женские роли. Одно из исключений — пророчица Дебора, сидевшая под пальмой и судившая

сынов Израиля. Посмотрите на многолетнюю пальму у вас за спиной. Край тут пустынный, и леса почти нет, однако пальмы растут испокон веков. А теперь представьте себе женщину в длинном платье до пола, сидящую под деревом с жезлом в руке. Мановением жезла она решает судьбы, казнит и милует, посылает полководцев на войну. Барак, сын Авиноама, которого она послала воевать с хананейцами, отвечал ей: "Если пойдешь со мной — пойду, не пойдешь — не пойду". Иными словами, без ее помощи он не готов воевать с хананейцами и освобождать от них страну... Такие женщины тут есть и сейчас. Одну из них я знаю, да и вы ее знаете».

Федоров поглядел на темнеющее небо, на пролетающую стаю скворцов и понял, что больше вопросов задавать не будет. Ему хотелось провалиться сквозь землю, куда-нибудь убежать, уехать на край света и одновременно с этим — видеть Ольгу.

«Палестина полна неожиданностей. Многие вещи, казавшиеся мне очевидными, здесь стали необъяснимыми. И напротив, прояснилось многое из того, что казалось непонятным раньше». Устинов указал на чувственную женскую статую, белевшую на каменном цоколе среди гранатовой рощицы. Бедрa у нее были округлые, а выпуклые груди напоминали чашечки лотосов. В белом мраморе статуи, словно ручейки, голубели прожилки.

«Вот, — сказал барон, — глядя на нее, я воочию представляю себе ушедшую жизнь в этих краях. Древние мастера любили ваять полных и чувственных женщин. Здешний климат благоприятствовал роскошным формам женского тела. Тут все пронизано любовным томлением. А в этой статуе страсть словно застыла в камне. Перед вами — богиня любви, богиня из камня. Чувства проходят, а камень словно рассказывает древнюю быль. Здесь много таких былей».

Федоров почуствовал, что лучи заходящего солнца пронзают ему сердце, подобно мечам. Намеки барона или то, что он считал намеками, бередили ему душу. Ему захотелось уйти, побыть одному. Он сказал Устинову, что должен еще подготовиться к поездке в Иерусалим, где ему предстоит проверить условия жизни православных

паломников. Так что надо поскорее вернуться в консульство.

«Конечно, конечно, — поддакнул хозяин. — Это действительно важно. Русские паломники приезжают сюда толпами. Они надеются очиститься, что и правда возможно. Надо только им помочь. Вполне подходящая задача для представителя власти — она ведь стремится усыпить народные массы с помощью религии. Через неделю Пасха. Сейчас паломники странствуют по Палестине, посещая места, связанные с жизнью Спасителя. Соберутся же они все на Русском подворье в Иерусалиме. Поверьте, вам будет очень интересно взглянуть на все это. И вы докажете пославшим вас, что выполнили свою миссию».

Федоров медленно поднялся. Он чувствовал невероятную усталость.

Глава двадцать третья

ПЕРЕЛОМ

Федоров решил не откладывать поездку в Иерусалим, так как все больше сомневался, правильно ли поступил, согласившись на миссию в Палестину. После разговора с Устиновым ему по-иному представились и его мечты о Святой Земле, и тоска по Ольге. Его измученная душа жаждала отдыха и перемены обстановки.

Русское подворье кишело народом. Коренастые бородатые мужики, бесплодные женщины, нищие беззубые старухи и множество священников в черных рясах заполняли площадь перед Троицкой церковью.

Федоров приехал в Иерусалим вечером. Он был одет как обычный паломник и легко слился с толпой. Все происходящее напоминало храмовый праздник в русской деревне, только беспорядка было еще больше. Паломники в длинных одеждах грелись у костров, пили горячий чай и кипятили воду на огне. Некоторые закусывали сушеной рыбой и черным хлебом с луком. Люди сидели отдельными группами, которые не общались между собой. Видно было, что паломники устали от странствий и волновались перед полуночной молитвой. Федоров расхаживал между ними, вглядываясь в морщинистые лица. Слушая голоса этих людей, он заражался их тоской, болью и раскаянием. Сергей позабыл, что его цель наблюдать за паломниками, — он стал одним из них. Темная земля, на которой они сидели и жгли костры, была одновременно реальной и святой. В окнах

церкви переливались разноцветные огоньки. Ощущение святости этого места, где жил и умер Спаситель, переполняло душу Федорова. От церкви исходило яркое сияние.

На следующий день Федоров побывал в русской церкви в Гефсиманском саду, съездил в монастыри Эйн Керема, побродил по печальному, грязному Святому городу. На душе у него было тяжело. Под вечер он оказался на Виа Долороза. Впереди него, покачиваясь, словно пьяные, брели два парня. Один размахивал руками и выкрикивал невнятные слова, другой истошно бил себя кулаком в грудь.

Федоров шел за ними, влекомый любопытством и смутными предчувствиями, неуверенный, постепенно теряющий ощущение прошлого и будущего. Существовали только его шаги по святым плитам, по которым когда-то ступал Иисус. Сердце его ныло, но он не задавал себе вопрос почему. Его личная печаль слилась со скорбью христианина, прозрачной волной накрыв его с головой, точно куполом.

В канун Пасхи паломники умывались из бочек за церковью, надевали самую чистую одежду и шли в храм, с волнением ожидая окропления святой водой. Долгие часы поста и молитвы просветляли и очищали их души. Заботы, тревоги, болезни уступали место умиротворенности и вере в обновление. Во время многочасовых молитв паломники начинали ощущать себя частицей мироздания и примирались с трудной судьбой. Молитвы, просьбы к Богу, рассказы о чудесах переплетались с повествованием о страданиях Христа — все вместе создавало атмосферу духовного возрождения. Федоров выстаивал вместе с паломниками длинные службы и чувствовал, что внутренне обновляется, как дерево, которое сбрасывает листву для того, чтобы весной на нем распустились почки. Разочарование спадало с него подобно шелухе, и он ощущал, что примиряется с судьбой и что жизнь его обретает новый смысл.

Тихие голоса молящихся к полуночи зазвучали громче. Паломники напряженно ожидали чуда воскресения

Спасителя. Действия и голос священника возвещали наступление великого часа. Души молящихся незаметно готовились к моменту перелома, к рождению для новой жизни.

Вот мы и вместе, Оленька, одни в этом многолюдном зале. Ты в моем сердце, и я с тобой. Телесное твое присутствие не обязательно. Незримая, ты стоишь возле меня. Ничто не разрушит наш союз. Оленька моя, Оленька, Оленька! Наши души соединены навек, и никто не разлучит нас. Расстояния, разные религии и нации — какая все это ерунда! Федорову стало удивительно спокойно. Одухотворенная атмосфера, царившая среди паломников после долгих дней подготовки и изнуряющих молитв, захватила и Сергея.

Внезапно в церкви вспыхнули тысячи огней. Священники сбросили черные накидки, под которыми засияли одежды красного бархата, расшитые золотом. Звуки музыки и слова молитвы наполняли сердца верующих ощущением просветленности и начала новой жизни.

Глава двадцать четвертая

АНДРОМЕДА*

Через неделю после Пасхи Федоров внезапно получил приказ возвращаться в Россию, где вспыхнули рабочие волнения, ставившие под угрозу существование монархии. Правительство понимало серьезность положения и пыталось как можно скорее прекратить беспорядки. По сравнению с этой задачей слежка за деятельностью российских евреев в Палестине и за строительством железной дороги Яффа — Иерусалим было делом второстепенным. Большинству разведчиков — офицеров тайной полиции — пришлось тогда вернуться на родину. Оказался среди них и Федоров. Неожиданный приказ снял камень с его души.

Самый тяжелый период в жизни Ольги и Иегошуа совпал с эпохой больших перемен в России. После отмены крепостного права тысячи крестьян устремились в город на заработки. Переход от рабства к относительной свободе породил неразрешимые социальные проблемы и нарушил вековой образ жизни различных слоев населения. Бывшие крепостные и их потомки пополняли ряды пролетариата, который стал источником революционного брожения и постоянной угрозой дому Романовых. Окрепло революционное движение. Активно

* В греческой мифологии дочь царя Эфиопии, отданная им в жертву морскому чудовищу, опустошавшему страну, и спасенная Персеем.

действовала и «Народная воля», членами которой были в молодости Иегошуа и Ольга, несмотря на почти ежедневные аресты, ссылки и казни ее активистов. Повсюду распространялись листовки с призывами к народовластии. На крупных фабриках вспыхивали забастовки.

Пытаясь справиться с ситуацией, власти пошли на создание легальных рабочих организаций под полным контролем полиции, которые провозглашали своей целью улучшение условий жизни рабочих, не выдвигая, естественно, никаких политических требований. Предполагалось, что сытые рабочие успокоятся и будут менее опасны для существующего строя. Принадлежала эта провокационная идея жандармскому полковнику Сергею Зубатову.

Новое движение возглавила еврейка Маня Вильбушевич — сестра инженера Гедалии Вильбушевича, жившего в Яффе в те же времена, что Ольга и Иегошуа. В юности Маня попала в тюрьму за революционную деятельность. Она не выдала своих товарищей даже под пытками. Ею заинтересовался Сергей Зубатов, бывший тогда начальником тюрьмы, и нашел к ней особый подход. Вместо пыток и оскорблений он стал обсуждать с девушкой мировоззренческие вопросы и сам давал ей читать социалистическую литературу. Неопытная энтузиастка без труда попала в расставленные сети. Более того, хитрому полковнику удалось влюбить в себя молодую революционерку. В конце концов Маня Вильбушевич, не слишком сознавая, что делает, согласилась возглавить рабочее движение, находящееся под крылом тайной полиции. Она искренне стремилась улучшить жизнь рабочих, а Зубатов намеревался с ее помощью получать необходимую информацию.

В апреле 1903 года разразился кишиневский погром. В Кишиневе было убито пятьдесят евреев, ранено около пятисот, разграблены многочисленные дома и лавки. Выдающийся еврейский поэт Хаим Нахман Бялик, побывавший на месте погрома в качестве журналиста, написал тогда свою знаменитую поэму. Публицист Ахад Гаам призвал к созданию организаций самообороны.

В числе немногих, кто откликнулся на этот призыв, были члены зубатовской организации, официально имевшие право носить оружие. Кишиневские события потрясли Маню Вильбушевич — в списке женщин, изнасилованных во время погрома, она нашла имена своих знакомых. Одна из них покончила с собой несколько месяцев спустя.

За погромами стоял министр внутренних дел антисемит Вячеслав Плеве. В сентябре 1903 года он объявил зубатовские организации вне закона. В отместку «независимые» решили убить министра. Маню Вильбушевич отправили в Германию доставать деньги и взрывчатку. Во время ее отсутствия полиция арестовала большинство заговорщиков. По возвращении в Россию Маню также ожидал смертный приговор.

Старший брат Мани Гедалия очень опасался за жизнь сестры. Он решил сделать все, чтобы она приехала в Палестину. В Яффе жил еще один брат — Нахум, которого Маня очень любила. Гедалия уговорил Нахума написать Мане, что он очень болен и просит, чтобы она приехала ухаживать за ним.

Нахум, работавший тогда на литейном заводе Лиона Штейна, сделал это.

Как-то раз Ольгу позвали на завод, расположенный в квартале Неве Цедек. Лион Штейн и Ольга знали друга давно — их познакомил Марк Штейн, брат Лиона. Она подумала, что речь пойдет об осушении плантаций Хадеры, куда в то время завезли насосы. Однако разговор принял неожиданный оборот. Лион Штейн, чьим компаньоном в свое время был Гедалия Вильбушевич, рассказал, что сестра Гедалии находится в тяжелом положении и ей надо помочь.

«А кто его сестра?» — удивленно спросила Ольга.

«Ее здесь нет. Она революционерка и скрывается в Минске. Сестра Гедалии замешана в заговоре, все участники которого арестованы, кроме нее. Если она попадет в руки полиции, ее казнят. Речь идет о покушении на Плеве».

«Как, на Плеве готовилось покушение?»

«Да, причем большинство заговорщиков евреи. Сестра Гедалии — в их числе. Когда заговор провалился,

она попыталась наложить на себя руки. За ней нужен постоянный присмотр. Гедалия хочет привезти сестру сюда. Сама она этому противится, так что, если она окажется здесь, надо будет не только найти ей работу, но и позаботиться, чтобы она вернулась к жизни и взглянула на мир другими глазами. Эта задача тебе по плечу. Ты готова? Я перед Гедалией в неоплатном долгу — в свое время он спас мой завод. Сейчас он вернулся в Россию из-за болезни жены. Я обязан ему помочь и надеюсь, что Гедалия с женой когда-нибудь возвратятся в наши края. У Вильбушевичей есть еще один брат, Нахум. Маня думает, что ее приезд в Палестину вызван необходимостью за ним ухаживать — Гедалия сказал ей, что он болен. Нахум здоров, но сестра с ее душевными бурями и перепадами настроения станет для него слишком тяжелой ношей. Это, знаешь ли, революционерка милостью Божьей — дважды она уже покушалась на чужую жизнь и один раз на свою. С ней нужно невероятное терпение. Я рассчитываю на твое душевное тепло и поддержку, иначе от юной Вильбушевич можно ожидать чего угодно. Ничто, кроме положения русских рабочих, ее не интересует. Поэтому жить тут она не собирается, а приезжает только погостить — брату удалось склонить ее хотя бы на это. Однако истинная цель визита, как ты понимаешь, — спасти ее от гибели. Если наш план провалится, Маня покончит с собой или сбежит отсюда — тормоза у нее отсутствуют».

Слова Лиона Штейна напомнили Ольге ее собственный приезд в Палестину. Она тоже собиралась только погостить, а осталась навсегда. Вправе ли она убеждать Маню поселиться в чужой негостеприимной стране? Счастлива ли здесь она сама?

Ольга не посвятила Штейна в свои сомнения, но лицо у нее было невеселое, и ее собеседник на всякий случай еще раз напомнил, что в России Маню ждет смертная казнь.

«Чего же ты хочешь от меня?» — спросила Ольга с явным напряжением.

«Ты умеешь подбадривать больных, выводить людей из отчаяния, спасать рожениц. Мои советы тебе не

нужны. Я прошу только помочь Мане выйти из тяжкого душевного кризиса. Вильбушевичи вообще склонны к меланхолии — ты сама знаешь, какое это страшное состояние. Помочь здесь могут только тепло и забота. У Мани есть все основания быть подавленной — ее организация разгромлена, любовь оказалась обманом, близкие друзья погибли на виселице... Неужто ты ей не можешь?»

Ольга молчала, обдумывая столь неожиданную просьбу.

Маня прибыла в Палестину на русском корабле «Елизавета Федоровна». День выдался сумрачный и ненастный. Мрачные зимние тучи застилали небо, которое почти сливалось с бурным темно-серым морем. Большие волны со злобной яростью разбивались о прибрежные скалы. Ни один корабль не отваживался близко подходить к этому неприветливому берегу из-за многочисленных рифов. Поеживаясь от холода, Ольга смотрела, как лодки с грузчиками подплывают к «Елизавете Федоровне». Широкоплечие парни ловко взбирались на палубу, торговались с пассажирами и отвозили их на берег. До Ольги доносились испуганная и радостная русская речь, плач, причитания. Некоторые, выйдя из лодки, с трепетом целовали мокрый песок. Седобородые старики, приехавшие умереть на Святой Земле, шептали молитвы, детишки испуганно толпились возле родителей, бедно одетые юноши крепко сжимали в руках кожаные чомоданчики с вяленой рыбой и другими припасами, орошенными горькими слезами их матерей. Глядя на растерянных иммигрантов, Ольга пыталась отыскать в толпе маленькую фигурку Мани и вспоминала, как сама приехала сюда много лет назад.

Наконец горластые арабские лодочники привезли с «Елизаветы Федоровны» последних пассажиров, небрежно сбросив на песок их ящики и тюки. Нахум узнал Маню и побежал ей навстречу. Она же, наоборот, шла медленно и неуверенно, словно вопреки собственной воле. Это была маленькая худенькая девушка в очках. Безрадостно плелась она по пляжу и, казалось, не вполне сознавала, что с ней происходит. Ольга почув-

ствовала прилив жалости и сочувствия. «Вот такой могла бы сейчас быть моя дочь», — подумала она с болью.

Она подошла к Мане и, когда девушка высвободилась из объятий брата, крепко прижала ее к своему плотному, теплему телу. Маня вдруг начала дрожать. Дрожь сотрясала все ее тщедушное, хлипкое тело, и она ничего не могла с ней поделать. Ольга по-матерински ласково и решительно обняла девушку за плечи и попыталась заговорить с ней на иврите. Маня молчала, погруженная в себя, безразличная ко всему на свете. Ольга повторила вопрос, но ответа так и не добилась.

Потом все отправились к родителям Иегошуа, пили там чай и угощались изюмом и сушеным инжиром. Визит, однако, оказался очень коротким. Неожиданно Нахум заявил, что его сестра устала, и увел ее к себе домой.

Пробудить в Мане интерес к Палестине и ее жителям оказалось делом чрезвычайно сложным. Замкнутая и молчаливая, она никому не позволяла нарушить свое душевное одиночество. Прожив у Нахума всего несколько дней, она подыскала себе темную комнатку возле порта, из которой намеревалась целыми днями смотреть на море, вспоминая друзей. Все попытки отговорить ее от этой затеи не привели ни к чему. Изюм в день Маня вставала чуть свет и бесцельно бродила по пляжу, устремив взгляд куда-то за горизонт. Каждое утро к ней приходил Нахум, приносил ей еду, воду и свежее белье, пил с ней чай и убирал комнату. Потом с тяжелым сердцем шел работать на завод. Примерно через час после него являлась Ольга, вновь и вновь пытавшаяся вернуть девушке тягу к жизни. Несмотря на замкнутость, подозрительность и враждебность своей подопечной, она сразу же поняла, что душу ее раздирают сильные противоречивые чувства. Она знала о прошлом Мани в России и считала, что ей можно помочь, только заставив ее заговорить о пережитом. Ольге даже удалось добиться некоторых успехов: Маня стала относиться к ней гораздо менее подозрительно, хотя по-прежнему отказывалась говорить откровенно.

Ольга скоро убедилась, что не стоит обращаться к Мане на иврите. Сама она выучила язык пророков еще

в детстве, в хедере своего отца и поэтому легко и естественно начала говорить на нем сразу же по приезде в Палестину. Совсем другое дело — Маня. Она не понимала и не хотела понимать иврит. Ольга чувствовала, что сможет вырвать девушку из русского прошлого, только разговаривая с ней по-русски. Беседа на родном языке иногда залечивает душевные раны и почти всегда способствует взаимопониманию. Маню нужно убедить, что ее деятельность не закончилась с отъездом из России, думала Ольга, интерес к Палестине проснется в ней, когда она увидит, что здесь воплощаются в жизнь ее мечты и идеалы ее русских друзей.

Ольга решила познакомить Маню с Авшаломом, сыном Фанни и Лолика. Это был пылкий, чувствительный юноша, отважный в поступках и речах. Ольга надеялась, что он окажет на девушку благотворное влияние. Авшалом жил тогда у Ольги и Иегошуа и изучал французский язык. В своем племяннике — личности яркой, незаурядной — Ольга видела некоторое сходство с Маней. Она считала, что знакомство пойдет на пользу обоим молодым людям.

По ночам Маня в одиночестве отправлялась на берег моря. Рев волн сливался с криком ее души и немного облегчал страдания несчастной. За ней на большом расстоянии следовала мужская фигура. Это был Нахум, озабоченный, напряженный, готовый к действию. Маня наотрез отказывалась, чтобы кто-нибудь, даже брат, сопровождал ее в ночных прогулках. Поэтому Нахуму приходилось держаться от нее вдалеке. Иногда она уходила бродить среди песков, а иногда бежала по воде, покуда хватало сил, и останавливалась, задыхаясь, протягивая руки к морю, словно совершала магический обряд, возвращавший ее туда, к далеким друзьям. В ненастные дни, когда страшные ливни и молнии низвергались в грозную морскую пучину, она убегала из дому, чтобы раствориться в бушующей стихии.

Тянуло Маню и в порт, куда она ходила по ночам, чтобы смотреть на прибывавшие корабли. Долгие часы простаивала она, глядя на черную бурлящую воду, освещаемую лишь мерцанием маяка. Каждый раз при виде

высаживающихся пассажиров девушка испытывала невыносимое болезненное ощущение отлученности от дорогих ей людей.

Нахум рассказал Ольге о ночных прогулках сестры, и необычное поведение Мани вызвало у нее одновременно жалость и уважение. Она ведь сама мучительно переживала, когда, приехав «навестить» родных, обнаружила, что они решили хитростью разлучить ее с Федоровым. Ольга — единственная из всех — понимала эту девушку с разбитым сердцем, в ней она словно видела свое отражение в зеркале.

Однажды зимней ночью Ольга решила пойти вслед за Маней. На дворе бушевало ненастье. С моря донесся прерывистый гудок, и маяк ответил ему вспышкой света. Горько-соленая темная вода разбивалась о скалы и пенилась, точно в дьявольском котле. Маня сидела на большом камне, обняв голову руками, и глухо, безнадежно рыдала. Через несколько минут, показавшихся Ольге часами, она встала со своего мокрого, холодного сиденья и поплелась в сторону дома. Тогда Ольга догнала девушку и ласково тронула ее за плечо.

«Видишь вон там скалу, которую освещает маяк? Волны заливают ее, а она все равно серебрится при луне...»

Маня шла дальше и не отвечала.

«С нами ты будешь свободна, понимаешь? Ты меня слышишь?»

Мощный удар морской волны о берег заглушил слова Ольги. Ветер сбивал с ног, обдавая женщин холодной соленой водой.

Маня молча шагала дальше.

«Здесь даже Андромеда вышла на свободу. Ее хотели принести в жертву чудовищу, а она спаслась у этой скалы. Здесь и ты спасешься, обещаю!»

Слова Ольги тонули в завываниях ветра. Дождь хлестал прямо в лицо.

«В России тебе была предназначена роль жертвы. Там тебе пришел бы конец. Чудовище по имени "русская революция" поглотило бы тебя. Хватит! Андромеда спаслась, и ты спасешься. За ней пришел Персей

и превратил чудовище в камень, а тебе на выручку пришли твои братья. Им ты обязана жизнью, понимаешь?»

Маня не отвечала. Может быть, она плакала, но плач ее сливался с ревом ветра и дождя.

То, что Ольга тратила на несчастную девушку огромные душевные силы, было нужно прежде всего ей самой. Удивительная вещь — эта маленькая молчаливая революционерка со своим душевным смятением давала ей то, чего не могли дать муж, родители, братья и сестры. Помогая Мане, Ольга помогала себе.

Спасаясь от дождя, женщины зашли в хибару, где жила Маня. Ольга попыталась зайти с другой стороны: «То, что мы здесь делаем, по существу, мало отличается от того, что ты делала в России. Мы тоже боремся за новое общество, только здесь этим занят твой народ».

Маня по-прежнему молчала, но Ольга не сомневалась, что она услышала каждое слово.

Как-то раз, идя к Мане, Ольга подумала, что имеет смысл познакомить ее с молоденькой учительницей Софьей Звенигородской, которая привезла из России группу детей, осиротевших после кишиневского погрома. Ольга знала, что кишиневские события сыграли определенную роль в прошлом Мани, и надеялась, что встреча с сиротами пробудит ее к жизни. Страдания сирот были невыдуманными, в отличие от болезни Нахума. Это было важно; Ольга по себе знала, как тяжело во что-либо поверить, единожды обжегшись на лжи.

Встреча Мани и Софьи Звенигородской растрогала бы даже самое каменное сердце. Девушки долго плакали в объятиях друг друга. Рыдания облегчили Мане душу. Софья, оказывается, дружила с одной из приятельниц Мани, которая покончила с собой после изнасилования. Беседа о кишиневском несчастье на время отвлекла Маню от мыслей о разгромленной организации и погибших товарищах.

Исраэль Белкинд тем временем хлопотал о создании приюта для кишиневских сирот, где Софья должна была

работать воспитательницей. На праздник «Ту бишват» старшие Белкинды пригласили к себе вместе с Ольгой Маню и Софью.

Утром Ольга и Маня пошли на рынок покупать сушеные фрукты. По улице шествовали груженные ослы, под ногами хлюпала грязь вперемешку с помоями, голодные кошки рылись в мусоре. Ольга придирчиво выбирала сирийские фисташки, ливанский орех-пекан и сушеные абрикосы из Египта. Рядом с одной лавкой стояла на привязи кобыла. Когда Ольга отвлеклась, Маня вдруг отвязала лошадь, вскочила на нее и ускакала. Не успели торговцы сообразить, что происходит, как Маня была уже на морском берегу. Ольга кое-как успокоила их, заверяя, что ее спутница скоро вернется. И правда, минут через двадцать Маня прискакала обратно с сияющими от восторга глазами. Казалось, камни отчаяния и гнева, давившие ее душу, превратились в капельки пота, которые словно росой покрыли ее лоб, грудь, все тело. Воочию было видно, как жизнь возвращалась к ней, когда она, спешившись, уверенным движением привязывала лошадь к столбу. Похоже, девушка умела и любила ездить верхом. Ольге захотелось познакомить ее с Игошуа — пусть они вместе носятся по пустыне. По крайней мере, он будет не один.

Возможность знакомства представилась в тот же вечер. Седовласая Шифра сидела за столом, покрытым скатертью, на котором стояла бутылка вина. Сестры Ольги принесли оладьи и сушеные фрукты. Поседевший реб Меир благословил вино. После кидуша Ольга познакомила Маню с Игошуа, и они сразу нашли общий язык. Игошуа был старше Мани. Его длинные волосы и растрепанная борода напомнили ей русских революционеров. В отличие от Ольги, он сразу же заговорил с ней по-русски, рассказал о поездках по стране, о горах Галилеи и Голана, Изрезьской долине и пустыне Негев. Глаза ее засветились. Она явно начинала интересоваться новой страной.

Брат Мани Нахум занимался поисками полезных ископаемых и источников воды в Палестине. В то время

он как раз собирался в долину Иордана, где хотел разведать русла рек и собрать образцы почвы и минералов. Маня уже слышала об этих планах. После знакомства с Иегошуа она загорелась желанием принять участие в экспедиции. Участвовать в ней должны были четверо: Нахум, Маня, Софья Звенигородская и Мендель Ханкин — брат Иегошуа, занимавшийся организацией этой поездки. Он достал четырех лошадей, двух мулов для поклажи, погонщиков, заготовил палатку, одеяло и запас пищи.

Во время экспедиции Маня возродилась к новой жизни — к ней вернулись силы и энергия. Целые дни она проводила на лошади, впитывая в себя окружающий пейзаж, знакомилась с арабами и бедуинами, совершала долгие ночные прогулки верхом, сидела у источников, опьяненная новыми впечатлениями. Первая остановка была в Иерихоне. Уже началась зима, но в Иерихоне было жарко. Маню привела в восхищение Иорданская долина. Они проезжали мимо пастушеских хижин, бродили по берегу Иордана, разъезжали по долине и, наконец, приехали в Шхем. Маня частенько слезала с лошади, взбиралась на крутые утесы, знакомилась с арабками, пасшими скот.

Шесть недель не видела Ольга свою молодую подругу и очень по ней соскучилась. Эта девушка, годившаяся ей в дочери, значила для нее значительно больше, чем она думала вначале. Ольга жила своей обычной жизнью — принимала роды, захаживала к барону Устинову, а иногда вечером отправлялась на берег моря и долго ходила босиком по песку, глядя далеко, далеко за горизонт.

Глава двадцать пятая

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ

Появление Мани наполнило жизнь Ольги и Иегошуа Ханкиных новым смыслом. Ольге она заменила дочь, а Иегошуа обрел в ней верного товарища для своих приключений и поездок по стране. Маня же, общаясь с Иегошуа, открыла для себя неведомый прежде мир, который ее все больше притягивал и завораживал. Вместе с новым другом она объезжала колонии, расположенные недалеко от Яффы — Ришон-ле-Цион, Гедеру, Реховот, Петах Тикву, — и знакомилась с их историей.

Петах Тикву населяли ортодоксальные земледельцы с бородами и пейсами. Руки их были покрыты мозолями от тяжелого физического труда. Они не получали денежной помощи от барона и вели трудную жизнь, ютась в примитивных бараках и занимаясь выращиванием пшеницы и садоводством. Во дворах у них жили наемные арабские рабочие со своими семьями и евреи, искавшие заработка.

Евреи эти работали в садах и на винограднике и мечтали построить новое общество, основанное на физическом труде, самообороне и любви к земле. По вечерам они собирались в одном из бараков, чтобы поговорить, спеть любимые песни и потанцевать. Танцуя, они не просто выражали радость жизни. Танец помогал им преодолеть тоску, забыть о нищете и даже заменял молитву.

Среди них были Иехезкель Ханкин из Гомеля, Израэль Гилады с Кавказа, Цви Бакар и другие.

Как-то к ним приехал Александр Зайд, он восхищался черкесами, которых повстречал на виноградниках Зихрон-Яакова. «Еврейским рабочим следует брать пример с этого маленького отважного народа», — заявил он.

Маня часто виделась с рабочими Петах Тиквы. Ей нравился их образ жизни и планы на будущее. И вот как-то один из рабочих в ходе спора обвинил ее в предательстве и сотрудничестве с царским режимом. Маня дернулась, точно от удара. Уговоры Иегошуа не помогли. Она вскочила на лошадь и ускакала прочь.

Перепуганная Ольга снова нашла ее в хибаре на морском берегу. Маня сидела у окна и горько плакала. Плечи ее содрогались от рыданий, а слезы лились градом. Ольга прижала ее к груди, но плач не прекращался. Маня выпила предложенный ей стакан воды, но продолжала судорожно всхлипывать.

Наконец, немного успокоясь, она прошептала сквозь слезы: «Я пыталась его убить... приходила, чтобы убить его...» Вместо ответа Ольга еще крепче прижала Маню к себе. Она знала, что девушка имеет в виду жандармского полковника Сергея Зубатова, цинично использовавшего ее искренность и неопытность.

«Я действовала продуманно и безжалостно, потому что он предал меня и воспользовался моими чувствами. Это было чудовищно: поверить человеку, который добивался моего доверия только для того, чтобы употребить его во зло. Я купила пистолет, сняла комнату в дешевой гостинице и пригласила его на свидание... Он явился, беззаботно напевая, веселый и благодушный. Я предупредила его, что буду стрелять. Он рассмеялся, и тогда я прицелилась в него и выстрелила».

Она снова разразилась безутешными рыданиями. Ольга подала девушке еще воды и ласково провела рукой по ее исхудалым плечам.

«Но пистолет не выстрелил. Я забыла снять его с предохранителя. Тогда он подошел ко мне, расстегнул рубашку и сказал: «Стреляй в меня. Стреляй, любовь моя. Принеси мне облегчение».

Замолчав, Маня посмотрела на море. Ее голубые глаза потемнели от гнева. «Я готова хоть сейчас поехать туда и убить его. Он использовал меня. Я доверилась негодяю, и это ужасно...» Рыдания не дали ей договорить.

«Любовь — главное в жизни женщины, — прошептала Ольга. — Как же хорошо я понимаю тебя, доченька».

Впервые она назвала Маню дочерью. До сих пор что-то мешало ей произнести заветное слово. «Женщина не может жить без любви. Ее предназначение — дарить жизнь другим, но если в сердце у нее нет любви, она пустоцвет...»

«Это была не любовь, Ольга. Это была любовь-ненависть, чувство не менее сильное, чем "нормальная" любовь».

Маня посмотрела на море. Темные волны яростно бились о скалы, выбрасывая на берег спутанные водоросли.

И вдруг девушка заговорила. Она рассказала Ольге о своей мучительной любовной связи с начальником Московского охранного отделения, о том, как влюбилась в него в тюрьме, какой восторг и уважение испытывала, беседуя с ним, и как он в конце концов сумел превратить ее в свою помощницу.

«Он считал, что, пойдя на незначительные уступки рабочим, можно уменьшить всеобщую ненависть к режиму Романовых, — сказала Маня дрожащим от слез голосом. — Он очень хитер. Самый могущественный человек в тайной полиции. Сначала служил начальником тюрьмы, но очень быстро возглавил Московское охранное отделение, а потом и Особый отдел департамента полиции. На него работают тысячи агентов, сыщиков, офицеров и чиновников. Поверь, мне было совсем не просто подготовиться на него покушение».

«Как его зовут?» — спросила Ольга, чтобы облегчить Мане мучительный рассказ.

«Сергей. Сергей Зубатов».

«Сергей. Как мой Сережа», — подумала Ольга. Внезапно она содрогнулась от ужаса. Ей пришло в голову, что Сергей Зубатов был начальником ее Сережи и,

вероятно, знал о его поездке в Палестину. Значит, при желании он сможет отыскать Маню даже здесь.

Ольга почувствовала, как смертельный страх охватывает ее душу, но не сказала Мане ни слова. Она решила обсудить положение с братьями девушки.

Маня продолжала рассказывать и на следующий день. Ольга пришла к ней домой, принесла фрукты, заварила чай и вдруг отчетливо поняла, насколько крепкие узы связывают ее с этой молодой женщиной. Слушая ее, Ольга не только размышляла о трагических происшествиях Маниной жизни, но и анализировала собственные чувства. Она выдержала испытание на верность. Она поступила так, как решила, — не порвала с Иегошуа, осталась его преданным другом и соратницей.

Вскоре в России разразилась первая революция. Низшие слои общества восстали против царя, который жестоко расстрелял петербургских рабочих. Волнения охватили армию и флот. Броненосец «Потемкин», один из лучших кораблей Черноморского флота, взбунтовался против правительства. В одесском порту и в самом городе начались массовые беспорядки. Подавляя их, власти не щадили ни женщин, ни детей.

Известие о мятеже пришло в Палестину через неделю после его начала. Узнав о кровопролитии в Одессе — городе, где когда-то действовала ее партия, — Маня снова погрузилась в прошлое, заперлась в своей комнатухе и не желала видеть даже родных.

Молодые Манины друзья из Петах Тиквы, покинувшие Россию после кишиневского погрома, жили теперь исключительно тем, что происходило на далекой родине. Они с энтузиазмом обсуждали революционные события и восхищались смелостью повстанцев. Улыбчивый Менделе Португали, степенный Исраэль Гилади, задумчивый Саадья Паз, решительный Цви Бакар и, уж конечно, братья Исраэль и Элизер Шохат часами спорили о том, насколько силен и на что способен восстав-

ший народ. Старший, Элизер, отличался серьезностью и молчаливостью, а красавец Исразль и мертвого мог бы увлечь своим задором и воодушевлением. Это был прирожденный командир.

Когда Маня немного оправилась от потрясения, она снова стала встречаться с рабочими Петах Тиквы, участвуя в их разговорах и спорах о России. Иногда она отправлялась с ними в сады и смотрела, как они выпалывают пырей и копают лунки. Особенно ей нравилось бывать на упаковочной фабрике и наблюдать, как работницы сортируют и складывают в ящики апельсины. Женщины сидели на циновках и ловко перебирали золотистые плоды, завертывая каждый в тонкую шуршащую бумагу с надписью «Jaffa». Мане вспоминался родной дом в Гродно и отец, покупавший на праздники апельсины в таких вот обертках. Только что сорванные оранжевые шарики наполняли фабрику соблазнительным благоуханием.

В один прекрасный день Маня призналась Ольге, что влюблена.

«Кто же этот счастливец?» — спросила Ольга, радуясь, что девушка, по-видимому, вырвалась из тенет прошлого. Любовь — лучшее лекарство, думала она.

«Исразль Шохат», — сказала Маня.

«А сколько ему лет?» — невольно вырвалось у Ольги, и она тут же пожалела о своем вопросе. Но сказанного, увы, не воротишь.

«Он молод. Моложе меня на десять лет. Ты ведь тоже старше Иегошуа».

Ольга в смятении смотрела на нее. Женщине нужен мужчина, опора, а не молокосос, думала она, но вслух этого не произнесла.

«И что же ты в нем нашла?» — спросила она после долгого молчания.

«Великие, оригинальные идеи, дерзкий ум».

«Великие идеи и дерзкий ум еще не причина, чтобы влюбляться. Любовь поглощает всю душу без остатка. Попытайся проанализировать свои чувства. Исразль — ребенок по сравнению с тобой. Разве такой мужчина тебе нужен?»

«Но он мне нравится, я его хорошо дополняю. Я — человек действия, а он мыслитель. Я помогу ему воплотить в жизнь его идеи».

«Посмотри на море. Волны накатываются на берег, песок поглощает их, но им на смену тут же приходят другие. Потому, что они возникают из неизмеримых глубин. Но морем быть очень трудно. Я видела тебя в тяжкие минуты. Помнишь, какой ты была, когда приехала сюда? Ты походила на собственную тень. Тебя опять тянет в бездну? Знаешь, какие силы нужны, чтобы воплощать "великие" идеи?»

«Знаю. Это меня и привлекает. С Исразлем мне не придется скучать. Он станет источником идей, а я — исполнителем. С моим опытом я буду ему хорошей помощницей».

«Ты не море».

«Но я люблю его. Ты сколько угодно можешь смеяться над оригинальными идеями, но не забывай, что именно идеи преобразуют мир. Исполнителей много, мыслителей мало. Ты разве не понимаешь, что, коль скоро в этих краях рождается новое общество, и вести себя здесь надо по-новому, не так, как в галуте?»

«Например?»

«Например, самим с оружием в руках защищать наши поля, а не полагаться на сторожей-арабов, которые днем работают, а ночью воруют».

«Где же мы научимся владеть оружием?»

«Наши мужчины владеют им еще со времен погромов и еврейской самообороны. Исразль абсолютно прав. Нужен совсем другой подход. Арабов, считает он, убивать нельзя, но нельзя их и распускать. Стрелять мы будем только для острастки. Пусть уважают нас и не говорят, что мы *аулаг эль-майт* — дети мертвой матери, не способные за себя постоять».

У Ольги снова кольнуло в груди. Ведь она и есть та самая мертвая мать. Она вообще не стала матерью. Как же точны и метки арабские поговорки! Взятые из самой жизни. Ольга восхищенно подумала о Иегошуа, который понимает арабов, ведет с ними дела и чувствует их внутренний мир.

«Где же евреи будут тренироваться?»

«В Нижней Галилее. Твой Иегошуа ведь купил там землю. Приобрести земли Седжеры было непросто, но ты ведь знаешь, Иегошуа нам очень помог. Сейчас там сельскохозяйственная ферма — та самая, во главе которой стоит твой зять Элиягу»*.

«Я, конечно, знаю про Элиягу, но прежде чем начинать что-то в Седжере, проверьте, что там происходит. Край там дикий, кругом враждебные бедуинские племена, так что спокойно даже поля не вспашешь. Одним выстрелом вы можете вспугнуть местную турецкую администрацию, и вас лишат права собственности на землю. Такие великие идеи, как у твоего Шохата, здесь не легко осуществить. Да и с идеями поскромнее тоже не все так просто. И главное — подумай, что значит для тебя любить. Ты мне рассказывала про любовь-ненависть. Я знаю твой склад души и боюсь, что любовь засосет тебя, как воронка. Поберегись!»

* Элиягу Краузе — зять Ольги, женатый на Хае, сестре Иегошуа.

Глава двадцать шестая

НОВЫЕ ФИЛИСТИМЛЯНЕ

Еще до приезда Мани в Палестину решено было передать управление сельскохозяйственными колониями барона агентству ИКА. Чиновник этого агентства Хаим Маргалит-Кальвариский, в ведении которого находились поселения Нижней Галилеи, знал Ханкина и обращался к нему, когда требовалось провести землемерные работы или разрешить тяжбу между соседями.

В Нижней Галилее располагалось пять деревень — Седжера, Месха, Бейт Джан, Явнеэль и Малахмие. Опасность таилась там на каждом шагу: в зарослях масличных деревьев и мушмулы устраивали засады разбойники, ущелья кишели бедуинами, не упускавшими возможности пограбить поселенцев, и даже крестьяне крали у них урожай на полях. Особенно досаждало еврейским земледельцам племя Араб эз-Збех. Турецкая армия не могла, да и не хотела заставить его прекратить разбойные нападения. Как-то раз Ханкина пригласили туда, и он предложил Мане поехать вместе с ним. Она с радостью согласилась. Ольга просила Иегошуа как можно чаще брать Маню в поездки по Палестине. Она надеялась, что путешествия помогут ее молодой подруге справиться с душевными страданиями.

Сначала Иегошуа и Маня ехали по берегу моря. Оставив позади Яффу, они миновали сооружение из

белого мрамора, украшенное изящными куполами, — родник Абу Набут*. Иегошуа рассказал спутнице, что таково было прозвище правителя Яффы Мухаммеда Аги, который имел обыкновение избивать палкой всякого, кто вызывал у него раздражение. По дороге им часто попадались искусственные водоемы. Маня узнала, что благодаря им крестьяне могут поить скот во время зноя. «Абу Набута не назовешь добреньким, но он очень много сделал для Яффы. Тот, кто боится трудностей и идет на уступки, ничего не добьется в этой стране», — сказал Иегошуа, поворачивая коня в сторону садов.

Зимний день выдался пасмурный и тихий. Небо над головой светилось прозрачной голубизной, словно только что умытое первым дождем. Кони бодро скакали по влажному песку, оставляя за собой длинный прерывистый след. Прибрежные скалы казались темнее, чем обычно. В поездку Маня надела брюки для верховой езды, а голову впервые обвязала большим белым платком на арабский манер. Иегошуа ехал с непокрытой головой, завернувшись в потрепанную абу**, под которой, помимо пистолета, скрывалось множество диковинных вещей: перочинные ножики, кусочки линейки, проволоочные корзинки, ливанские, египетские и турецкие монеты, а также скомканная записная книжка. Назначение всего этого было известно лишь самому Иегошуа.

После недолгой приятной езды среди садов путники увидели перед собой поселение Микве Исразль. Аллея, окаймленная высокими пальмами, вела на ферму. Миновав ее, Иегошуа и Маня выехали на широкую прямую дорогу. По обе стороны от нее пушистые белые овцы спокойно пощипывали зеленую травку.

Иегошуа рассказал молодой женщине о невзгодах местных билуйцев. Сначала им не доверяли и не давали работать на земле. Положение изменилось, только когда они доказали, на что способны, и научились хорошо пахать, сеять и полоть. Иегошуа обычно был

* Абу Набут по-арабски дословно означает «отец палки».

** Шерстяная одежда в виде плаща.

немногословен, но ему очень хотелось посвятить Маню в проблемы еврейских поселенцев. Он чувствовал в ней большой интерес к Палестине и способность влиять на других людей. Кроме того, Иегошуа бессознательно стремился продемонстрировать Мане свои обширные связи с арабскими племенами. В глубине души он надеялся, что она расскажет об этом Ольге и та будет относиться к его длительным отлучкам с бóльшим пониманием.

«Ольга очень мне помогает, — сказал он Мане. — Если бы не она, не знаю, как бы я смог выбраться из пучины ненависти, обвинений и долгов. Она — чудесная женщина, и я завишу от нее больше, чем мы оба готовы признать. В самые тяжелые минуты Ольга поддерживает меня и не дает мне отчаиваться. Недавно меня выручили ее связи с Артуром Руппином, директором компании «Ахшарат ха-ишув». Я знаю, что я плохой супруг, но такой уж у меня характер. По-другому вести себя я не могу».

Доктор Артур Руппин возглавлял компанию «Ахшарат ха-ишув», занимавшуюся покупкой земель и другой поселенческой деятельностью.

Контора его находилась в Яффе. После женитьбы на своей кузине Саломе Руппин поселился в доме земледельца-«тамплиера», с которым Ольга познакомилась через барона Устинова. Саломе и Артур вступили в брак поздно. Ей уже исполнилось тридцать шесть, а муж был моложе ее на несколько лет. Саломе вновь и вновь пыталась забеременеть, но это оказалось не так-то просто. Она подружилась с Ольгой, которая оказывала ей медицинские услуги, давала советы, обследовала ее и навещала дома. Там Ольга и познакомилась с Артуром Руппином и рассказала ему о своем муже. Многочисленные враги неоднократно очерняли Иегошуа перед директором «Ахшарат ха-ишув». Ольга же описала его таким, каков он был на самом деле. Руппин понял, что Иегошуа полностью предан делу освобождения еврейской земли, лучше всех знает арабов и может заключать с ними выгодные сделки. Ольга не скрывала,

что в характере Иегошуа опасно сочетаются мечтательная наивность ребенка и недоверчивая педантичность купца.

Дорога снова начала петлять среди садов. На зеленых листьях блестели капли недавнего дождя. Цветы на апельсиновых деревьях испускали сладкий аромат, словно изысканные духи. Иегошуа рассказал Мане о том, как встретил Ольгу и сразу понял, что она создана для него. «Я много слышал о ней еще до ее приезда», — сказал он, когда они медленно подъезжали к живописному песчаному холму. На его склонах паслись кудрявые овцы. «Так же как о тебе. Я знал, что она вхожа в дома петербургской интеллигенции и посещает кружки народников. Кроме того, говорили, что уже в детстве она отличалась независимым характером. Мне это сразу понравилось».

«А что ты слышал обо мне? Ты знаешь, почему я приехала сюда?»

«А ты как думаешь? Мы все знали и помогали твоему брату, то есть тебе».

Маня замолчала и долго ехала, не задавая вопросов.

Они добрались до зеленой полосы плантаций, миновали виноградники с опавшими листьями и очутились на равнине, окаймленной вековыми оливами и стройными пальмами. Кони бежали легкой трусцой, потряхивая гривами. Погода стояла ветреная, но не дождливая. Свежий воздух подбадривал коней, и они бежали все развее. После часа езды по плодородной равнине всадники попали в места более унылые, где росла чахлая пшеница. Иегошуа остановил коня.

«Видишь поля, вон там? Сейчас их обрабатывают арабские арендаторы, но в библейские времена они принадлежали филистимлянам. А дальше мы поедем через владения племен амореев, хананеев и иевусеев. Я надеюсь, что скоро эти земли перейдут в руки евреев — народа, из которого вышел Самсон-богатырь. Сейчас зима, и поля зеленые, но представь себе дни жатвы, когда колосья золотятся и полны спелых зерен. К концу

зимы пшеница созреет, а колючий кустарник и сорняки высохнут и пожелтеют. Здесь Самсон привязал факелы к лисьим хвостам и пустил обезумевших лисиц на филистимскую жатву. Воображаю, что тут творилось: триста скулящих и визжащих лисиц мчались с бешеной скоростью, поджигая вражеский хлеб. Тогда мы были сильным народом, даже жестоким. Теперь арабы относятся к нам с пренебрежением. Что же с нами произошло?»

«Все, кого я встречала, задают себе подобный вопрос: рабочие из Зихрон Яакова, Петах Тиквы и из других поселений», — задумчиво сказала Маня, сдерживая быстрый бег своего коня.

«Посмотри, как прекрасно вокруг. Здесь можно насаждать виноградники, разбить плантации, выращивать хлеб. Филистимская земля текла молоком и медом. Ты когда-нибудь задумывалась, почему наша страна называется Палестина? Страна филистимлян. Кто такие филистимляне, арабы или мы? Это ведь и наша родина. Ольга мне все объяснила. В самые тяжелые минуты она утешала меня, рассказывая удивительные библейские предания и объясняя их суть как ребенку. Большинство из них она помнит наизусть. Благодаря им я не падал духом. Она повторяла их очень часто и хотела, чтобы я тоже знал наизусть хотя бы некоторые. Оленька рассказала мне, что Самсон влюбился в одну филистимлянку и женился на ней, хотя родители умоляли его взять в жены соплеменницу. Самсон очень любил эту женщину и заставил отца и мать согласиться на его брак с ней. Он ведь был их единственным сыном. Не то что мы, с нашими многочисленными братьями и сестрами. Родители Самсона возражали против его женитьбы: "Разве нет женщин между дочерьми братьев твоих и во всем народе моем, что ты идешь взять жену у филистимлян необрезанных?" Сколько чувства вкладывала она в рассказ о Самсоне. словно сама испытала любовь к иноплеменнику! Какая великая боль может вызвать такую жестокость: заставить человека сжечь поля соседей! Для древних жителей Палестины это было хуже

смерти. Самсон сжег жатву филистимлян, потому что родители любимой женщины смертельно обидели его. Наши предки страстно любили и страстно ненавидели. Все, что мне известно о прошлом Палестины, я узнал от отца и от Ольги. В России я не учил Библию и, словно гой, бродил по полям».

«Я тоже плохо знаю Библию, хотя мой отец был очень религиозен. В детстве я походила на тебя: не любила учиться, знай скакала верхом по полям да валяла дурака с крестьянскими детьми». Вытащив из мешка большой апельсин, Маня начала очищать его. Мясистая оранжевая кожура падала на мокрую землю. Иегошуа поправил свою абу, и Маня протянула ему половину сочного плода.

«Недалеко отсюда Самсон голыми руками, безо всякого оружия растерзал льва, как козленка. Где-то здесь родился стих "Из сильного вышло сладкое". В нем — вся правда жизни», — сказал Иегошуа.

«Что это значит? Что значит "из сильного вышло сладкое"?»

«Я уже сказал, что Самсон убил льва голыми руками. Спустя несколько дней, проходя мимо того места, он увидел, что в трупе роятся пчелы, и даже нашел в нем мед. Тело свирепого хищника превратилось в источник меда, живительного для людей. Так растолковала мне этот стих Ольга. Она часто цитировала его в те бесконечно долгие дни, когда я не мог ни есть, ни пить из-за душевных страданий и хотел даже покончить с собой. Она говорила, что если мы проявим терпение, то из сильного выйдет сладкое, трудности породят великое благо и народ Израиля будет спасен. Обрати внимание, мы приближаемся к Иудейским горам. Дорога, по которой мы едем, очень древняя, существует уже тысячи лет. Здесь возникла связь между народом и его страной. На перепутье между равниной и горами, в Шеар ха-Гай, есть постоялый двор. Там мы остановимся, чтобы дать отдохнуть лошадям. Постоялый двор расположен возле главной дороги, соединяющей равнинный и горный районы».

Маня и Иегошуа задумались и некоторое время ехали молча.

Где-то далеко беловатый дымок вился над невидимым людским жильем. Иегошуа рассказал Мане, что на постоялом дворе в Шеар ха-Гай можно получить надежные сведения о земельных участках, выставленных на продажу, и о кознях турецкого правительства.

Конское ржание и блеяние овец усиливались по мере того, как путники приближались к постоялому двору. Ворота им открыл хромой одноглазый араб, в обязанности которого входило встречать приезжающих. Он улыбнулся и поприветствовал гостей традиционным «Ахлан ва сахлан!». По-видимому, он хорошо знал Иегошуа, потому что тут же схватил его за рукав и, увлекая в сторону, что-то зашептал ему на ухо. Потом отвел путников в тень огромной смоковницы. Под гигантским деревом лежали рваные циновки. Во дворе валялись мешки с полотном, одеяла, обувь, горшки, ящики с апельсинами, священные книги и жестянки с нефтью. Лязг металлических предметов и голоса животных сливались в оглушительный рев.

«С арабами надо вести себя по принципу: доверяй, но проверяй», — начал Иегошуа, но в это время одноглазый араб принес им чан с водой, предназначенной для мытья лица и рук. Затем появились кофе и сушеный инжир. «Гость обязан выпить, даже если не испытывает жажды, — сказал Иегошуа Мане, когда они сидели на балконе гостиницы. — Араб воспринимает отказ от угощения как пренебрежение к себе. Гостеприимство для арабов — дело чести. Знаки взаимного уважения для них полны смысла. Мы предупредительны только к важным персонам, у них же церемониал приема гостей распространяется на каждого. Арабы богаты жизненной мудростью, у них есть чему поучиться. Когда-то тут жили хитрые гивонитяне. Услышав, что Иисус Навин разрушил Иерихон, они обманом заключили с ним союз. Без хитрости здесь не проживешь. Это суровая страна. Ольга рассказала мне много преданий, связанных с Аялон-

ской долиной». Иегошуа задумчиво поправил на себе абу и отхлебнул горькой жидкости из медной чашечки. «В этих краях Иисус Навин сражался с пятью аморейскими царями. Здесь с нашим народом произошло одно из первых великих чудес. Бог Израиля сам бросал с неба камни на племена горных амореев, помогая своему народу. Может быть, недалеко от места, где мы сейчас сидим, прозвучали слова: "Стой, солнце над Гивоном, и луна над долиною Аялонскою!"»

Маня была очарована. Близость Иудейских гор и Аялонской долины наполняла ее душу возвышенными чувствами. Прохладный ветерок слегка раскачивал ветви рожковых деревьев вокруг большого постоянного двора. Прямо перед Маней чернели горы, а за ее спиной простиралась равнина, изобилующая оливами и дубами. Небо потемнело, но первые звезды сверкали на нем, как драгоценные камни. Придорожные деревья походили на длинные черные тени.

Потом Маня и Иегошуа направились в свои комнаты, где для них были приготовлены циновки. По дороге Иегошуа стал рассказывать молодой женщине, как арабы привязаны к животным, для них это друзья, источник пропитания и безопасности.

«Ты обратила внимание, как сторож отнесся к нашим лошадям? Для арабов лошадь все равно что человек. Они верят, что лошадь все понимает, хотя и не говорит. Всякий раз, когда я заезжаю сюда, они глядят моего коня и проверяют, здоров ли он. Они утверждают, что лошадь уважает людей больше, чем сами люди. Есть у них любимая пословица: "Вырасти собаку — и защитит тебя, вырасти человека — и разорвет". Ты заметила, что лошадей накормили прежде, чем нам принесли кофе? Их отвели в стойло, чтобы они не ночевали под открытым небом, хотя зима еще только началась. Ночью хозяин двора зайдет к ним и проверит, все ли в порядке. И будет заботиться о них не меньше, чем о нас. Потому что для него человек без лошади не совсем полноценен».

На рассвете Маня и Иегошуа покинули постоянный двор и направились в сторону Иерусалима. Иегошуа

предложил молодой женщине выпить утренний кофе в деревне Абу Гош, где живут, согласно преданию, потомки черкесов, которых так уважали ее друзья и на которых стремились походить. В шестнадцатом веке османские турки привезли их в Палестину и использовали для охраны.

«Не знаю, почему наши евреи не дружат с жителями Абу Гоша? — со скрытой досадой задался вопросом Иегошуа, рассказав об их бесстрашии и щепетильности в вопросах чести. — Откуда взялись предрассудки по отношению к ним? Ты не представляешь, насколько они всегда верны своему слову. На них можно положиться. У нас принято считать, что арабы лгуны. Но ведь нельзя смешивать всех в одну кучу. Если араб из Абу Гоша дал тебе слово, считай, он поручился своей жизнью. С арабами нет нужды подписывать договор. Слово чести имеет для них большее значение, чем подписи. Я изучил их и знаю, когда им можно верить. Арабы из Абу Гоша отличные люди, отважные, трудолюбивые, и с ними можно договориться. Да, они обычно говорят двусмысленно, но это не считается у них ложью. Просто они любят ходить вокруг да около».

«А как надо реагировать, если чувствуешь, что они лгут?»

«Ни в коем случае нельзя их оскорблять. Надо притвориться, что ничего не замечаешь. Отношения с ними устанавливаются очень медленно, потому что они знают: действительность не подвластна никаким планам, и непрерывно к ней приспособляются».

Заря только начинала заниматься. Рваные клочья ночного тумана таяли в утреннем воздухе. Купцы и паломники еще не проснулись, когда Маня и Иегошуа свернули на дорогу, ведущую к Абу Гошу.

Вскоре они остановили коней на краю деревни, возле шатра Мухаммеда Джабара. Хозяин вышел им на встречу, радостно поприветствовал и усадил на соломенные циновки под большим тутовым деревом. Сидя в уголке, Маня наблюдала, как двое мужчин о чем-то оживленно перешептываются. Впрочем, Иегошуа не

собирался задерживаться у Мухаммеда и вскоре вместе со своей спутницей выехал в Седжеру. Джабар дал гостям на дорогу много сладостей и орехов.

«В Иерусалиме мы останавливаться не будем. Это религиозный город, и большинство местных евреев живет на пожертвования. Не понимаю, почему до сих пор ни одна организация не предложила мне начать переговоры с владельцами земель вокруг Иерусалима. Возле нашего святого города очень много арабских деревень. Мы до сих пор произносим слова: "На следующий год — в Иерусалиме", но ничего не делаем, чтобы сохранить его и выкупить окрестные земли», — решительно заявил Иегошуа, прищипывая лошадь.

Глава двадцать седьмая

ИФТАХ, ЭХУД ИЛИ ГИДЕОН?

Деревня Седжера располагалась на склоне горы. На одной ее стороне находились крестьянские дома, на другой — конюшни и хлева. Поселение со всех сторон окружено было каменной стеной. Тем не менее жители окрестных деревень нередко крали скот, пасшийся в летние ночи на открытых пастбищах. Сторожами в поселении служили черкесы из соседней деревни Кафр Кама.

«Сейчас будем проезжать черкесскую деревню, — сказал Игошуа. — Посмотришь на людей, которыми так восхищаются твои друзья. Черкесы в Кафр Кама занимаются земледелием и скотоводством и прекрасно охраняют свои владения».

«Но ведь черкесы живут в России, — удивилась Маня. — Как они попали сюда?»

«Они любят свободу. Когда русские вторглись на Кавказ, они бежали в Турцию, а оттуда — в другие страны, находящиеся под турецкой властью. Султан Абдул Хамид Второй очень их поощрял. Обрати внимание, что деревня обнесена стеной и в ней только двое ворот. Таким образом создается впечатление, что деревня сильно укреплена и чужакам не стоит с ней связываться».

«Я слыхала, они работают сторожами и в Седжере. Мои друзья хотят заменить их сторожами-евреями».

Игошуа подтвердил, что черкесы сторожат поля в Седжере и Месхе.

«Но ты говорил, что там все равно много краж. Поля должны охранять сами земледельцы. Как в России. Так говорит Исразль Шохат, и он прав».

«Да, верно».

«Так почему же Ольга скептически относится к идее Исразля Шохата и Александра Зайда?»

«Потому что она хочет оградить тебя от новых страданий. Боится, что ты не перенесешь их. Она относится к тебе как к дочери. Самое большое горе в жизни Оленьки — это то, что у нас нет детей. Ты ей теперь вместо дочери. Она беспокоится за тебя».

«Она говорит, что Исразль Шохат слишком молод для меня. Я в самом деле старше его, но ведь она сама старше тебя на двенадцать лет».

Маня принялась убеждать своего спутника, что разница в возрасте не имеет значения, если супругов связывают любовь и взаимопонимание. Потом с энтузиазмом стала рассказывать о замечательной идее Исразля Шохата создать организацию еврейских сторожей. Иегошуа, привыкший скрывать свои мысли и опасавшийся обидеть Маню, ехал молча и не отвечал.

Они приближались к купеческому постоялому двору (Хан эт-Туджар) между Седжерой и Кфар Тавором. Там собирались продавцы зерна из Хаурана, торговцы скотом из Ливана и шелком из Дамаска. На постоялом дворе можно было узнать последние новости и совершить любую сделку, установить торговые отношения и дать взятку. Сейчас Иегошуа направлялся туда, чтобы разузнать о намерениях соседей.

Иегошуа и Маня проезжали мимо невысоких холмов, густо поросших дубами и фисташковыми деревьями. За ними возвышались холмы, засаженные масличными деревьями. Серебристые листья олив блестели от дождевых капель. Рядом тянулись к солнцу зеленые сочные саженцы кукурузы.

«Обрати внимание, как арабские арендаторы обрабатывают участки. У них можно многому поучиться. А мы, приехав сюда, посчитали их примитивными. Этокое высокомерие! Они умудрились прожить здесь сотни лет. Возникает вопрос, каким образом. Но нам он в

голову не приходит. Посчитав, что мы имеем право покупать землю у ее хозяев, мы зачастую не учитываем, что люди, которых она кормила в течение многих поколений, привязаны к ней больше, чем ее формальные владельцы».

«В России была та же проблема, — подхватила Маня, с интересом глядя на молодую кукурузу, растущую среди масличных деревьев. Такого она еще не видела. — Крепостные боялись выходить на свободу, потому что не хотели расставаться с землей, которую возделывали их деды и прадеды. Если им предлагали участки в других местах, они подозревали, что их просто обманывают. Но что это за двойные насаждения — оливы, а под ними кукуруза?» — спросила она, вспоминая обширные кукурузные поля, виденные в детстве.

«Такая система позволяет максимально использовать землю и эффективно бороться с сорняками. Но горе в том, что владельцы земли не ценят крестьян, да и саму землю тоже. Поэтому земледельцы идут на разные хитрости. Мы должны их понять, а не ненавидеть. Нам невдомек, что капли утренней росы или запах воздуха перед первым дождем — это часть их жизни. С их точки зрения, нельзя торговать землей, как нельзя торговать небом. Разве можно купить солнечный луч? Или ветер в пустыне? Несмотря на бедность, они не считают, что деньги важнее всего на свете. Будет страшной ошибкой, если мы не начнем уважать арабских крестьян и их привязанность к земле. Мы не видим разницы между земельными участками. Нам бы только купить побольше. Для них же земля бесценна. В ней похоронены их родители и будут выращивать хлеб их дети. Тут пасется их скот, без которого они себя не мыслят. Зачем жить, если по утрам не слышен крик осла? Или блеяние новорожденных ягнят ранней весной? И вообще, что такое человек без скотины? Я не встречал ни одной бедуйской стоянки без животных. Всегда там полно ишаков, собак, лошадей, овец и коз. Если животные исчезнут, то и арабы не смогут существовать. Они умрут от одиночества и горя. А владельцам земли на это совершенно наплевать. Они не понимают крестьян, относятся к ним с пренебрежением и всячески притесняют.

Большинство земель здесь принадлежит богачам из Ливана и Хайфы, которые облагают арендаторов всевозможными налогами».

«А кто такие арендаторы?» — решила Маня задать вопрос, мучивший ее уже долгое время. Она много раз слышала слово «арендатор» и стеснялась, что до сих пор не знает его точного значения.

«Так называют людей, обрабатывающих землю. Ее владелец дает им семена, скот, необходимые орудия и даже денежную ссуду. Арендаторы трудятся весь год, а после жатвы расплачиваются с хозяином. Сумма, которую они возвращают, частенько вдвое превышает взятую займы. Палестинские арендаторы обрабатывают одну и ту же землю в течение многих поколений и уже сроднились с ней. В частности, поэтому я, покупая землю, вызываю их гнев. Арендаторы считают, что имеют на нее большее право, чем мы. По их мнению, наша цель — изгнать их отсюда. Своей любовью к земле они заслужили право пробуждаться от петушиного крика и открывать глаза с первыми лучами солнца. Разве можно отнять у них это право?»

Маня задумалась. Потом продолжила расспросы. Иегошуа рассказал ей о своих предыдущих попытках купить землю в долине и о пережитых трудностях. О том, как Ольга поддерживала его и пробуждала в нем энтузиазм. «Оля все время читала мне отрывки из Библии, посвященные земле обетованной. Эта благодатная земля накормит нас и напоит, говорила она. Я в этом не уверен. Успех будет стоить нам очень больших усилий».

Лошади начали уставать и двигались медленнее. Маня с наслаждением вдыхала свежий воздух и внимательно слушала спутника, не пропуская ни слова. Как же отличались местные земледельцы от русских крестьян! Иегошуа прав — глупо вселяться в чужой монастырь со своим уставом, особенно если монастырь этот настолько не похож на твой собственный.

«Такому отношению к арабам научил меня отец, — сказал Иегошуа. — Он один из первых начал дружить с арабскими соседями и меня приучил набираться у них мудрости и жизненного опыта. Да и моя Ольга всегда

говорила, что только терпением можно завоевать доверие местных жителей. Они питаются плодами семи библейских растений, тех, что Бог обещал дать сынам Израиля. Их земледелие основано на дождевом орошении, что требует большого труда, зато позволяет выращивать нужные культуры, используя исключительно дождевую воду. Тебе приходилось пробовать хевронский виноград? Он сладок как мед, а ведь только роса поит его».

Маня жадно слушала. Все здесь так отличалось от того, к чему она привыкла в России! Она глядела вокруг и не могла наглядеться. Вместе с тем она не забывала, что сам Иегошуа — ее соотечественник и цель его — нести перемены в эти края и претворять в жизнь планы различных еврейских организаций. У нее возникло смутное ощущение, что Иегошуа Ханкин поможет ей осуществить замысел, который она вынашивала уже несколько месяцев.

«Насколько я понимаю, "Керен Кайемер" покупает землю не для частных собственников, а для народа, — медленно произнесла она. — То есть рабочие, обрабатывающие ее, будут вроде арендаторов. Ведь так?»

Эта мысль показалась Иегошуа очень оригинальной; он задал своей спутнице еще несколько вопросов, после чего каждый погрузился в свои мысли, и некоторое время они ехали молча. Дорога проходила через рощу старых рожковых деревьев. Внезапно они увидели в траве большой срубленный ствол.

«Взгляни-ка на пень вон там и посчитай кольца, — сказал Иегошуа, останавливая коня. — Это дерево прожило двадцать пять лет. Столько же времени прошло со дня алии в Палестину братьев Ольги, билуйцев. В тот год были основаны первые колонии. Они существуют уже двадцать пять лет, но все еще не самостоятельны. Дерево росло и развивалось, а колонии по-прежнему зависят от иностранных денег».

Иегошуа словно угадал мысли Мани. В свое время она была членом коллектива рабочих в Минске и не однажды ставила вопрос о совместном землепользовании, однако никто ее не слушал. Ей показалось, что ее идея может заинтересовать Иегошуа. Стоя возле поверженного гиганта, ровесника еврейских поселений, она

почувствовала неудержимое желание поделиться с Иегошуа своими мечтами.

«Я думаю, землю можно обрабатывать коллективно, а не поодиночке. Если работать всем вместе, нам не потребуются пожертвования и мы никому не задолжаем. В России сейчас создаются артели — почему бы и нам не попробовать? Там много говорят про общественную собственность на средства производства, но, покуда это воплотится в жизнь, прольется много крови. Здесь же она вполне осуществима и без кровопролития. Народ стремится владеть землей и не скупится на жертвования. Возник фонд "Керен Кайемет" — поистине народный, существующий на народные деньги. Он создан по народной инициативе, поэтому никто не возражает. В противоположность России, мы можем обойтись и без жертв. Почему Ольга считает несерьезной мою идею совместной обработки земли, принадлежащей "Керен Кайемет"? Почему она старается убедить меня, что наш народ трудно приучить к новой правде и новым взглядам?»

«Я же уже сказал — из-за любви к тебе. Она хочет, чтобы ты жила своей жизнью и не жертвовала собой ради идеалов, потому что тебе придется заплатить за это очень дорого».

Советы Ольги не помогли. Как ни убеждала она свою любимицу, что брак с мужчиной моложе ее превратит ее в мать и няньку, упрямая Маня не желала прислушиваться к жизненному опыту подруги. Она соединилась с избранником сердца и через несколько месяцев после визита в Седжеру поселилась там вместе с другими членами организации «Ха-шомер». Они приступили к коллективной обработке земли на ферме, работая там же сторожами. И вскоре доказали, что лучше знают свое дело, чем черкесы, которых вытеснили не только в Седжере, но и в Месхе, и в Бейт-Джане.

Маня была почти на десяток лет старше своих товарищей и заменяла им мать и старшую сестру. Когда кто-нибудь из них начинал скучать по родственникам в России, заболел или нуждался в дружеской поддержке,

Маня всегда спешила на помощь. Она следила за порядком, вела финансовые дела, ухаживала за больными и участвовала в охране поселения; словом, постепенно превратилась в настоящий двигатель всего предприятия. Через двенадцать месяцев она подвела первые итоги. Год закончился с прибылью для фермы. Тогда же Маня вышла замуж за своего избранника Исраэля Шохата.

Ольга не ошиблась в своих предположениях. Уже в первый год супружества Шохат начал страдать астмой, и Мане приходилось ухаживать за ним днем и ночью. Через некоторое время члены организации «Ха-шомер» покинули Седжеру и разъехались по разным поселениям. Шохаты поселились в Хайфе, в немецкой колонии. Исраэль работал секретарем в компании, занимавшейся постройкой Техниона, а Маня занималась домашним хозяйством и ждала первого ребенка. Иегошуа часто ездил в Изрезельскую долину и в Галилею, и Ольга почти всегда сопровождала его до Хайфы. Там она навещала свою Маню. Женщины делились горестями и радостями, поддерживали и ободряли друг друга.

Незадолго до Маниных родов Ольга приехала помогать ей. Долгие часы подруги просиживали на балконе, любовались морем, размышляли и разговаривали.

«Если родится сын, как ты его назовешь?» — спросила Ольга как-то утром.

Маня собиралась назвать новорожденного Вениамином в память о брате, который утонул в реке Неман на далекой родине. Ольга, однако, не хотела, чтобы жизнь любимой подруги омрачали воспоминания о тяжелом прошлом.

«Манечка, зачем жить прошлым? Прошлое нереально, оно только призрак и воспоминание, а будущее лишь иллюзия и фантазия. Надо жить настоящим».

«Ты тоже долго жила воспоминаниями о своей первой любви, там, в России».

«Но я заставила себя забыть. Вместо того чтобы предаваться воспоминаниям, я решила посвятить все силы древней истории нашего народа. Это был великолепный период. Так что, если родишь мальчика, назови его Ифтах, Эхуд или Гидеон. Судьи Израиля были отваж-

ными полководцами и сильными личностями и в тяжелые времена спасали народ от притеснений мидианитян, филистимлян и амалекитян. Мне кажется, что лучше всего назвать ребенка Гидеоном. Гидеон отличался скромностью. Когда к нему пришел ангел Господень, он сказал: "Племя мое в колене Менаше самое бедное, и я в доме отца моего младший". Из скромности Гидеон отказался повелевать народом, сказав: "Господь да владеет вами"».

Ранней весной 1911 года у Мани и Исразля Шохатов родился первенец. Роды принимала Ольга, а мальчика назвали Гидеон. Еще в детстве он получил прозвище Геда.

Глава двадцать восьмая

ПЕРВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ДОЛИНЕ

Иегошуа прилагал огромные усилия, чтобы купить земли в Изрезльской долине. Он поддерживал постоянную связь с бейрутским эфенди Сурсуком и, узнав, что тот желает продать участки, обрабатываемые крестьянами из деревни Фула, помчался в Бейрут, чтобы заплатить задаток. Как обычно, он действовал стремительно и приобрел десятки дунамов земли для ИКА, не согласовав сделку с ее руководством. ИКА отказалось утвердить покупку. У Иегошуа снова начались неприятности, однако на этот раз он не остался в одиночестве. Ему помог доктор Руппин, директор компании «Ахшарат ха-ишув», который понимал, что в делах, связанных с покупкой земель, необходимы быстрые решения.

Деревню Фула населяли бедные арабские крестьяне-арендаторы. Она располагалась на небольшом холме, окруженном каналом. В подвалах сохранившейся древней крепости крестьяне хранили солому, которой кормили скот. Места вокруг были дикие, однако недалеко от деревни проходила железная дорога.

Фула приносила эфенди Сурсуку больше беспокойства, чем выгоды. Близость железной дороги притягивала разбойников, охотившихся за сборщиками пошлин. После того как пассажиры уплачивали пошлины и поезд трогался, грабители отнимали у сборщиков только что полученные деньги.

По турецким законам все налоги следовало платить правителю района, который передавал деньги правите-

лю округа. Тот пересылал их бейрутскому вали, а уж он отправлял часть из них в Константинополь, в государственную казну. По дороге деньги в больших количествах оседали на руках у всевозможных чиновников, озабоченных лишь тем, как бы присвоить сумму покрупнее. Сурсу не раз и не два пришлось пострадать из-за воров и самому уплатить пошлину за проезд возле злополучной Фулы. Утомленный этими неприятностями, эфенди хотел избавиться от беспокойной деревни и прилегавших к ней земель, поэтому с большим облегчением взял заказ у Ханкина.

Но арендаторы, которые любили свою деревню и уже давно свыклись с присутствием грабителей, наотрез отказались покинуть ее. Они обратились за помощью к правителю Назарета Шукри Эль-Асли, и тот послал в Фулу солдат и наводнил прессу воззваниями, подстрекая палестинских арабов сообщать воспротивиться основанию еврейского поселения возле деревни.

Правитель Назарета отказался утвердить сделку и не пожелал видеть Иегошуа. Он знал, что чем сильнее он противится, тем большую взятку сможет выжать из несчастных крестьян, привязанных к своей земле. Иегошуа обратился к его начальнику, правителю Акко, но и тот руководствовался такой же логикой: чем больше препятствий, тем крупнее вожаемая взятка. Оставалось надеяться лишь на благосклонность бейрутского вали.

В жизни Иегошуа снова наступили тяжелые дни. Он почти не говорил с Ольгой, но она чувствовала, как он страдает. Будто вернулись времена мучений из-за Хадеры и отсутствия Темкина. Иегошуа опять замкнулся и часами нервно расхаживал по квартире, лихорадочно обдумывая одному ему известные планы. Ольга не знала, как успокоить его. Обычные слова не помогали. Раньше ей было достаточно сказать: «Не обращай внимания на тех, кто тобой пренебрегает. Скоро они сами убедятся в твоей силе и мудрости», или: «Ты вызываешь зависть, потому что богачи предлагают тебе земли прежде, чем другим покупателям». Сейчас это не действовало. Ольге было еще труднее оттого, что она не знала, какие замыслы вынашивает ее муж, молча и раздраженно меряя шагами их крошечное жилище или внезапно вслух

выбегая на улицу, чтобы вскоре вернуться в еще более мрачном настроении. Она часто ходила в яффскую контору организации «Ахшарат ха-ишув» и старалась настроить ее директора в пользу Иегошуа. Артур Руппин был выходцем из Германии и привык к точности и дотошности в финансовых и торговых делах. Однако благодаря Ольге он понял, что не только денежные соображения должны определять политику покупки земель. Тем не менее он не сразу встал на сторону Иегошуа.

«Понимаете, — убеждала его Ольга, — мы ждали целых две тысячи лет и наконец возвращаемся в Палестину. Больше медлить нельзя. Надо не откладывая покупать все земли, которые продаются». Но Руппин не сдавался. «Не за любую цену, — говорил он. — Общественная касса — не бездонная бочка. Мы будем покупать только по реальным ценам». Ольга вела с ним долгие беседы о назначении народа и о способах его возрождения, приводила примеры из Библии. Он продолжал внешне упорствовать, но слова собеседницы заставляли его задуматься. В душе он соглашался с Ольгой. «В начале сотворил Бог небо и землю, — процитировала она как-то раз, — Земля же была безвидна и пуста». И добавила: «Вот и сейчас она "безвидна и пуста", и мы должны привести ее в порядок. А для этого необходимо покупать ее и селиться на ней».

Бейрутский вали оттягивал утверждение сделки и воздвигал на пути Иегошуа всевозможные препятствия. Ольге вскоре стало ясно, что без серьезной протекции здесь не обойтись.

Она, конечно, не была знакома с вали и не знала никого из его приближенных. Считался он человеком трусливым, при этом вежливым. Это не предвещало ничего хорошего, потому что означало, что вали склонен давать обещания, которые побоится выполнить. Когда Иегошуа снова собрался в Бейрут, Ольга предупредила его, что высокопоставленный турок может посулить ему золотые горы, но верить ему никак нельзя. Она полагала, что сделка, скорее всего, провалится. Иегошуа понимал правоту жены, но решил все-таки сделать еще

одну попытку. Ольга пообещала, что использует все свои возможности и связи, чтобы заставить вали сменить гнев на милость.

Понимая важность задачи, которую ставил перед собой Иегошуа, Артур Руппин вызвался сопровождать его. Директора «Ахшарат ха-ишув» привлекала возможность познакомиться с бейрутским представителем султана. Но еще больше ему хотелось посмотреть, как Ханкин ведет деловые переговоры, и изучить его характер. Он знал, что Ханкин человек незаурядный, одновременно упрямый и гибкий, способный извлечь воду из камня при помощи своих связей как с землевладельцами, так и с крестьянами, отказывающимися покинуть любимые места.

Когда Иегошуа и его спутник выехали из Яффы, на дворе бушевало ненастье. Зимний дождь промочил их насквозь, и непривычный к верховой езде Руппин тут же захворал. Им пришлось провести два дня в одном из поселений Нижней Галилеи, ожидая, пока он поправится. На третий день Иегошуа нанял повозку, и они отправились в путь. Лошади передвигались очень медленно, то и дело увязая в грязи.

Через два дня они добрались до Сидона, где попытались встретиться с заместителем правителя. Иегошуа надеялся убедить его оказать им помощь. Однако, не застав его в конторе, путники покинули город и направились прямо в Бейрут.

Дворец правителя, окруженный высокой каменной оградой с декоративными железными перилами наверху, располагался на склоне холма. Это было двухэтажное каменное здание. Вокруг него в изобилии росли стройные зеленые сосны. Вход охраняли два стражника в военной форме. Прилично одетый Руппин показал им свои документы и попросил позволения войти. Один из них, однако, что-то невнятно пробормотал по-турецки и жестом велел ему и Иегошуа подождать у ворот. Затем взбежал по высокой лестнице и исчез на долгое время. Вернувшись, он сказал, что правитель в отъезде

и следует прийти через неделю. Иегошуа прекрасно понимал, что привратник лжет. Знал он также, что возвращать ему нельзя ни под каким видом. Он прошептал что-то на ухо Руппину и увлек его прочь от дворца.

Ханкин пытался разъяснить своему спутнику разницу между жителями Востока и Запада в их отношении ко времени. Руппин привык с немецкой четкостью и скрупулезностью планировать свой день. На Востоке же надо научиться ждать. Иегошуа вовсе не был уверен, что правитель уехал, а если уехал, то вернется через неделю. Вполне возможно, им придется пробыть в Бейруте гораздо дольше. Поэтому, зная об увлечении Руппина редкими деревьями, он устраивал ему экскурсии по городу и окрестностям, показывая кедры, кипарисы и различные виды сосен.

Дожди не прекращались, и Артуру с Иегошуа приходилось проводить в гостинице по многу часов. Публика там была разношерстная: менялы, купцы, дипломаты, представители консульств. Разговаривая с ними, Артур понял, в чем состоит одно из главных отличий Запада от Востока. На Западе время размерено и размечено, здесь же оно течет как река. Там царит закон, здесь все открыто, все возможно. Там самое ничтожное обещание записывается в договор, с которого еще делаются копии, а тут все удовлетворяется словом чести. Там все делается по расписанию, здесь тебе говорят: «Букра, букра» — завтра, завтра.

Прошла неделя, а правитель и не думал возвращаться. Пришлось ждать еще неделю. Артур Руппин уже научился сдерживать свое нетерпение. Ханкин объяснил ему и то, что время, кажущееся потерянным, является самым ценным, потому что именно тогда происходят невидимые, но судьбоносные для человека процессы.

Впрочем, ничего не происходило. Их по-прежнему не пускали во дворец, и только спустя три недели правитель наконец согласился принять Иегошуа и его спутника.

Кабинет правителя больше походил на огромный зал. Пол был устлан цветистыми восточными коврами. По бокам в два ряда стояли каменные скамьи, тоже прикрытые ковриками. Дневной свет, проникая в вычурные окна, окрашивался синевой и золотом.

Тучное тело вали покоилось на подобии трона с подлокотниками в виде львиных голов. Могуущественный чиновник взглянул на посетителей, почти не поднимая заплывших жиром век. Густые черные усищи окаймляли его двойной подбородок. Он поздоровался с вошедшими на ломаном английском, произнося слова на арабский манер, и подал знак могучему афганцу-слуге принести угощение. Афганец, усы которого напоминали тонкие мышинные хвосты, бесшумно вышел в покрытую резьбой и золотом дверь и тут же вернулся с позолоченным подносом в руках. На подносе стояли чашки с ароматным дымящимся чаем и блюдо, полное разных сладостей. Руппин кратко изложил просьбу и начал было показывать вали документы, но тот прервал его движением руки. Иегошуа и Артур оцепенели от ужаса. После всех усилий, связанных с покупкой земель Фулы, после многодневного ожидания в Бейруте, они добились наконец приема у недоступного правителя. И вот теперь он не желает даже взглянуть на документы, подтверждающие сделку. Но дальнейшее поведение вали изумило их еще больше. Он пригласил их угощаться и чувствовать себя как дома. После чая слуга принес сигары. Чувствовалось, что правитель хочет произвести на гостей хорошее впечатление. Наконец, проницательно глядя на посетителей из-под полуприкрытых век, он поинтересовался их секретными связями в России. Они вначале подумали, что мозги у него совсем заплыли жиром от безделья и порочной жизни. Турок снова спросил, знакомы ли они с высокопоставленными чиновниками в российском министерстве иностранных дел. И опять они не ответили. В конце концов вали позвал секретаря и продиктовал письмо, подтверждающее, что земли Фулы куплены в полном соответствии с законом, принадлежат евреям, и мешать им селиться там запрещается.

По возвращении домой Иегошуа описал Ольге свое изумление: три недели промучились они, пытаясь проникнуть к вали, давали взятки чиновникам и стражам, но ничего не помогало. И вдруг, когда они уже стали отчаиваться, видя, что даже самое испытанное средство — взятка — бессильно открыть перед ними двери дворца, правитель принял их и утвердил сделку, даже не взглянув на документы. Слушая Иегошуа, Ольга молча гладила белье. Когда он дошел до этого места в своем рассказе, она обожгла руку. Длинные волосы упали ей на лицо, скрывая наворачивающиеся на глаза слезы. Она плакала — то ли от облегчения, то ли от скрытой, давней тоски. Ольга понимала: снова Сергей Федоров совершил невозможное. Несколько недель назад она послала ему срочную телеграмму, в которой просила использовать свое влияние в министерстве иностранных дел и убедить турецкий двор в том, что покупка земель возле заброшенной палестинской деревушки Фула не угрожает безопасности Османской империи. Он это сделал.

Сделал для нее.

Иегошуа не заметил ее слез. Она еще долго продолжала водить утюгом по простыням. Муж сначала удивился ее молчанию, но был так возбужден успехом, что не задумался над необычным поведением жены.

Маня и Исразль Шохаты по-прежнему жили в Хайфе, и у них в доме собирались члены организации «Хашомер». Туда приходили холостяки, когда чувствовали себя одиноко или болели, и Маня неизменно дарила им материнскую и сестринскую любовь. Там отдыхали сезонные сторожа, проработав лето или зиму в очередной колонии. Но прежде всего квартира Шохатов служила местом совещаний и составления планов на будущее. Иегошуа считал, что именно людям из «Хашомера» по плечу поселиться на землях арабской деревни Фула. Вместе с Ольгой он приехал в Хайфу, чтобы обсудить эту идею с Маней и Исразлем. Исразль работал тогда в одной из контор «Адар ха-Кармель», и Иегошуа решил поговорить с ним на работе. Ольга же

направилась в немецкую колонию, где находилась квартира Шохатов.

Было утро. Прохладный ветерок слегка колыхал муслиновую занавеску на окне. Женщины сидели на кухне и пили чай. Крошечная кухонька блистала чистотой. Медные кастрюли сияли и улыбались, прозрачность стеклянных шкафов дверец не омрачалась ни единым пятнышком. Белоснежная накрахмаленная скатерть покрывала небольшой стол. Когда Ольга вошла, Маня чистила рыбу, весело насвистывая. Ее маленькие проворные руки ловко справлялись со скользким, блестящим рыбьим телом. Сначала подруги болтали о том о сем, а когда Маня кончила работать, уселись пить чай.

«Помнишь Федорова? — спросила Ольга. — Помнишь, когда ты только приехала, я рассказывала тебе о человеке, которого любила в юности? Это было в Петербурге».

«Конечно, помню. Ты хотела меня успокоить и сказала, что отношения, которые начались там, надо там и оставить, а не тащить за собой в настоящее, словно вериги», — ответила Маня, пристально и испытующе глядя на Ольгу своими голубыми глазами.

«Но ты не поняла. Ты вся целиком находилась в прошлом, тебя переполняли гнев и раскаяние из-за того, что случилось у тебя с Зубатовым».

«Да, потому что чувство нельзя подчинить себе полностью. Его можно временно подавить, можно заставить себя действовать разумно и логично. Но все это помогает лишь ненадолго. Если чувство истинно, оно возвращается и поглощает всю душу».

Ольга опустила голову и после долгого молчания рассказала Мане, что написала Федорову в Петербург и попросила помочь переубедить бейрутского вали. У Федорова ведь большие связи в российском министерстве иностранных дел. Он выполнил ее просьбу, потому покупка деревни Фула и стала возможной.

«Скажи, Манечка, — спросила Ольга, после того как облегчила душу и впервые открыла, кто помог евреям начать заселение Изрезльской долины, — как ты думаешь, твой Зубатов знает Федорова? Я уверена, что

знает. По крайней мере, ему известно о существовании такого офицера. Зубатов ведь всю Россию опутал сетью своих агентов, его информируют обо всем, что делают офицеры, следователи и сыщики. Если ему понадобится, он может узнать о Сереже любые подробности. Тогда ему донесут и о поведении Федорова здесь. Я уже давно хотела спросить тебя об этом, но что-то мешало мне, я боялась услышать страшное. Там все страдают болезненной подозрительностью, следят друг за другом. Может быть, тебе известно, чем занят сейчас Зубатов?»

«Сейчас ему очень плохо, — сказала Маня, и в ее голубых глазах появилось отрешенное выражение. — Он в тюрьме. В Одессе взбунтовались рабочие, и Зубатова обвиняют в том, что он поддерживал восстание, вместо того чтобы подавлять. Плеве его уволил. Знай, что власть всех тиранов временна. Они причиняют много страданий, но в конце концов получают по заслугам. Не бойся, он не может навредить ни Федорову, ни кому бы то ни было».

Из груди Ольги вырвался глубокий вздох, почти стон, в котором боль смешивалась с облегчением.

Глава двадцать девятая

ТЫСЯЧА ПОЦЕЛУЕВ

Вскоре после того, как члены «Ха-шомера» поселились в Мерхавии, организация послала Исразля Шохата в Константинополь изучать юриспруденцию. За время его учебы в Турции произошли большие перемены. Возникла организация, объединявшая молодых офицеров, высших чиновников и студентов, которые стремились распространять идеи демократии и просвещения. В июле 1908 года они восстали против султана, свергли его и начали устанавливать в стране новый порядок. Положение народов, находящихся под властью Турции, изменилось к лучшему. Например, даже люди, не исповедующие ислам, получили право служить в турецкой армии. Ученики гимназии «Герцлия», а среди них и племянник Ольги Нааман Белкинд, отправились в столицу, чтобы учиться в военной школе.

Посылая Исразля Шохата в Константинополь, его товарищи из «Ха-шомера» руководствовались желанием поближе узнать Турцию, завести полезные знакомства, хорошенько разобраться в турецком законодательстве. Они надеялись, что все это поможет облегчить положение палестинских евреев.

Примерно в то же время в Атлите открылась опытная ферма, которой руководил Аарон Ааронсон. Ее работники производили опыты по выращиванию сельскохозяйственных культур, способных произрастать во всех

районах страны, трудились над совершенствованием сортов винограда и цитрусовых, над улучшением почвы. На этой ферме работал Авшалом, сын Фанни и Лоллика Файнбергов. Авшалом обожал путешествовать, прекрасно ездил верхом, любил мчаться на коне по полям и пустыне. Он хорошо знал страну и ее растительность и, поступив на ферму, почувствовал себя счастливым.

В характере Авшалома решительность и отвага сочетались с чувствительностью и юношеским пылом. Он всегда доводил до конца все, что задумал. В период работы на ферме он часто бывал в гостях у Аарона Ааронсона в Зихрон Якове и влюбился в его сестру Ривку.

Ольга сильно привязалась к племяннику еще в Яффе, когда он был ребенком. Авшалом отличался блестящими способностями, острым языком и смелостью. Ольга любила рассказывать ему библейские истории, а он слушал ее с большим интересом.

Ольга не прекращала переписываться с Маней, которая тогда жила в Константинополе. Однажды она написала:

Дорогая Маня,

...Авшалом, сын моей сестры, начал работать на опытной ферме в Атлите. Он очень уважает Аарона Ааронсона и, трудясь на ферме, все больше убеждается в правдивости библейских рассказов. Недавно Аарон открыл в районе Хермона какую-то разновидность дикой пшеницы. Многие считают, что она росла там уже во времена судей и принадлежит к семи видам растений, описанным в Библии. Представляешь, как обрадовался Авшалом? Ведь это открытие — самое важное доказательство того, что пшеница, первый из семи видов, растет на нашей земле со времен Библии.

Я очень люблю этого юношу и боюсь за него — он ведь мечтатель. Человек он глубокий и цельный, с чувствительной душой. Когда Авшалом, кого-нибудь любит

или ненавидит, он полностью отдается своему чувству. Я за него очень боюсь — у него словно совсем нет кожи. Мир он воспринимает непосредственно, безо всякой защиты и заслонов. Вот сейчас он влюбился в сестру Аарона Ааронсона и сочиняет ей стихи, в которых любовь уподобляется необузданной горной реке. В одном из стихотворений он дарит своей возлюбленной тысячу поцелуев — не десять, не сто, а именно тысячу. Поцелуй в лоб, поцелуй в ресницы, по поцелую в каждую щеку, поцелуй в подбородок и так далее... Чувства захлестывают впечатлительного юношу, как волны, и он не может удержаться от того, чтобы не посвятить в них окружающих. Теперь, когда отец его умер, а у Фанни нет сил его выслушивать, он делится всем со мной. Лолика загнали в могилу несчастья и тоска вскоре после вашего отъезда в Константинополь. Его подкосили жизнь в Хадере и тяжелый труд. Авшалом плакал больше других и никак не мог прийти в себя. Работа на опытной ферме немного успокоила его. Фанни своего сына не понимает, и я для него вроде исповедницы. Некоторых раздражают его излияния, но разве можно остановить бурный поток? Редкой души юноша! Его невозможно сбить с пути, да и нельзя этого делать, но я очень за него боюсь — как бы не навлек несчастий на себя и окружающих. Авшалом не способен прислушиваться к чужому мнению, и это не перестает меня беспокоить.

Как дела у вас? Как жизнь в Константинополе? Может быть, вас навестит там Нааман — он учится в офицерской школе турецкой армии. Он хочет доказать туркам, что мы их поддерживаем. В нашей семье мнения по этому поводу разделились. Иегошуа боится портить отношения с османскими властями. Молодежь и Ааронсоны считают по-другому, и я оказалась между молотом и наковальней. Мне ближе позиция Иегошуа, но переубедить молодых я не в состоянии. Мой племянник Эйтан сейчас живет с нами. Он боготворит своего

брата Наамана, который учится в турецком военном училище. Когда Нааман впервые пришел к нам в военной форме, Эйтан переоделся в нее и сказал, что больше не снимет. Он уже взял с родителей обещание, что после гимназии пойдет учиться на офицера.

Товарищи из Тель Адаса шлют вам горячий привет. Я посылаю два свитера для тебя и для Исразля, а также зимнюю одежду для Наамана. Надеюсь, что офицерская школа расположена поблизости от вас. Жизнь в Тель Адасе очень тяжелая. Жить не на что, и тамошние поселенцы не ладят друг с другом. Была бы ты там — такого бы не происходило. Холостяки завидуют женатым, и дело доходит до настоящих трагедий. Месяц назад меня пригласили туда принимать роды. До Бейрута я добиралась морем, а оттуда на телеге — до Тель Адаса. Было невыносимо жарко. Все поселение — камни да колючки, а в домах полно пыли, принесенной горячим ветром. Женщина лежала на циновке вся в пыли, а муж пытался отгонять от нее мух. Она страдала от недоедания — во время беременности ей не выдавали молока и масла, так как другие члены коллектива тоже их не получали, а во всем должно быть равенство! Равенство, за которое вы боретесь, — бесчеловечно, это опасная глупость. С другой стороны, благодаря людям из Тель Адаса Иегошуа начал лучше понимать меня. Он увидел, что даже ваша молодежь, отчаянные головы, авантюристы — и те нуждаются в доме и устроенной жизни. Сам он продолжает заниматься своими опасными сделками. Я поражаюсь, как терпение и умение ждать сочетаются в нем со вспыльчивостью. Когда речь заходит о людях, кажущихся ему глупыми, он выходит из себя.

Очень хочется мне знать, как ваши дела и как продвигается учеба у Исразля. Здесь обстановка становится все более напряженной. Мальчиков из России, которые учатся в гимназии «Герцлия», родители вызывают

домой, боясь войны. Ходят слухи о возможном закрытии иностранных банков и прекращении морского сообщения с Яффой.

Из порта слышны крики турецких часовых. В город приехал новый военный комендант по имени Хасанбек. Говорят, он очень жесток. Я полагаю, если обстановка ухудшится, вы вернетесь в Палестину. В трудные времена нужно быть вместе и объединять силы.

Очень по вас тоскую. Хорошо, что можно отвести душу в письме. Жаль только, что турецкая почта его не скоро вам доставит.

Ваша Ольга.

Глава тридцатая

МИРОВАЯ ВОЙНА

В августе 1914 года разразилась Первая мировая война, в которой Германия, Турция, Австро-Венгрия и Болгария противостояли коалиции двадцати четырех государств, возглавляемой Францией, Великобританией, Россией и Соединенными Штатами. Предлогом для ее начала послужило убийство наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда, осуществленное боснийским студентом — членом террористической группы в городе Сараево в июне 1914 года. Однако истинные причины войны были гораздо сложнее.

Одним из театров военных действий стала восточная граница Сирии и Палестины. Две противоборствующие коалиции сражались там за обладание Суэцким каналом.

Джемаль-паша, турецкий правитель, в подчинении которого находились страны Ближнего Востока, решил перенести свою резиденцию из Сирии в Палестину. Он стянул туда многочисленные войска и готовился к вторжению в зону Суэцкого канала, находившегося в руках у англичан. Турецкие офицеры и солдаты отнимали у местного населения мулов, еду, оружие и вообще грабили его как могли.

Яффа, где находился главный палестинский порт и размещалась турецкая администрация, пострадала больше всех. Там располагались штабы каймакама Бахаэддина и военного коменданта города Хасан-бека. Оба на-

чальника отличались жестокостью, ненавидели евреев и издавали против них свирепые указы.

Когда началась война, Маня и Исраэль Шохаты, как и другие палестинские евреи, поспешно вернулись из Константинополя в Палестину.

Евреи начали страдать от притеснений еще до войны. Турки конфисковали у них оружие, производили аресты, запретили еврейские организации и изгнали из страны тех, кто отказался принять турецкое подданство. «Ха-шомер» был объявлен вне закона. Когда начались военные действия, турецкие солдаты сломали или разобрали на части проволочные ограждения, плуги, оросительные устройства. Земледельцы, которые только только начинали обустраиваться, снова оказались у разбитого корыта. Многие из них турки насильно отправили на строительство железной дороги и шоссе.

Развитие событий на фронтах все больше убеждало палестинских евреев в том, что турки войну проиграют. Поэтому желательно сблизиться с англичанами, которые, скорее всего, одержат победу. Для того чтобы завоевать их доверие, можно и нужно передавать им секретные военные сведения. Такая точка зрения зародилась в среде людей, принадлежавших к новой организации НИЛИ*. Штаб организации располагался в Атлите на опытной станции агронома Аарона Ааронсона. Одним из самых активных ее членов был Авшалом Файнберг. По заданию НИЛИ он разъезжал по Палестине, Заиорданью и Синаю, собирал секретную информацию и передавал ее англичанам. Для этой цели организация использовала, в частности, дрессированных почтовых голубей. Авшалом являлся заместителем Ааронсона и все больше утверждался во мнении, что нужно выгнать турок из страны и поддержать англичан, олицетворявших для него демократию и культуру. Взгляды и действия Авшалома вызывали беспокойство у его род-

* НИЛИ — сокращение от «Нецах Исраэль ло йешакер» (Предвечный Израилев не солжет).

ственников — особенно у Ольги и Иегошуа, которые сотрудничали с организацией «Ха-шомер». Иегошуа опасался обострять отношения с турками и неоднократно призывал Авшалом прекратить опасные авантюры. Если турки обнаружат подрывную деятельность евреев, говорил он, ишуву несдобровать. На что Авшалом отвечал, что глупые взяточники из турецкой администрации никогда ни о чем не догадаются.

В начале 1915 года турецкие войска предприняли неудачную попытку захватить Суэцкий канал. Солдаты разбитой армии вернулись в Палестину и превратились в обузу для местных жителей. В своих письмах к англичанам Авшалом сообщал, что турки конфисковали насы, телеги и урожай апельсинов. Фермеры оказались разорены. Послания его так и дышали ненавистью к туркам.

В довершение всего в марте того же года на Палестину и Египет обрушилась саранча, уничтожившая большинство сельскохозяйственных посадок. Миллионы прожорливых насекомых превратили плантации в пустыню. И без того недоедавшие солдаты совсем озверели от голода. Джемаль-паша поручил Ааронсону борьбу с саранчой, а тот назначил Авшалом своим помощником.

В том же месяце, когда полчища саранчи терзали несчастную землю, турецкие власти изгнали евреев — иностранных подданных. Десять тысяч граждан России и европейских держав вынуждены были покинуть страну. В крошечном порту теснились десятки итальянских, английских, американских кораблей, прибывших из всех средиземноморских портов. На них загоняли тысячи евреев, отказавшихся принять оттоманское подданство. Авшалом присутствовал при этом. Его поразило жестокое обращение властей с несчастными, обобранными до нитки людьми, вынужденными покидать страну. Он боялся, что еврейскому народу грозит уничтожение и что турки расправятся с ним, как с армянами.

Авшалом использовал любую возможность проникнуть в штаб турецкой армии в Иерусалиме и Яффе, искал способы встречаться с англичанами в пустыне и на море, хитростью добирался до Александрии и решался

на самые рискованные действия, если они были необходимы для достижения цели. Аресты и изгнание, обрушившиеся на евреев, убеждали его в реальности надвигающейся опасности.

Арестованы были Маня и Исразль Шохаты, а также Иегошуа Ханкин, который помогал им создавать гражданскую милицию. Сначала их поместили в яффскую тюрьму, потом перевезли в Иерусалим, а в конце концов отправили в Дамаск, чтобы предать там военному суду. Члены «Ха-шомера» явились на вокзал и с беспокойством и страхом провожали поезд, увозивший в Сирию их товарищей. Особенно волновались они за судьбу Мани, которая неоднократно вступала в конфликт с Хасан-беком и его помощниками. В этом же поезде ехала и Ольга. Ее седеющие волосы были собраны узлом на макушке, широкое длинное платье хорошо скрывало узел с одеждой и другими предметами первой необходимости. Ольга, единственная из всех избежавшая ареста, не пожелала расстаться с Иегошуа и решила следовать за ним до конца.

Глава тридцать первая

БУРСА

Вагоны поезда, шедшего в Дамаск, были переполнены солдатами. Израненные, смертельно уставшие, еле держась на ногах от голода, они возвращались с юга, где англичане разбили турецкую армию. Четверо друзей знали, что их ожидает тяжелая жизнь. Маня забилась в угол и сидела неподвижно, крепко сжав губы.

Сначала их выслали в забытый Богом городок Сивас, но после многочисленных усилий и взяток перевели в город Бурсу, где посадили под домашний арест. Бурса находилась в горах, среди диких лесов. Зимы там отличались суровостью.

Жизнь в Бурсе была очень нелегкой. Ольгу и ее спутников поселили в двухкомнатной квартирке. По утрам Израэль уходил из дому, чтобы набрать сухих веток для печки и подработать где придется. Маня давала частные уроки немецкого языка турецким чиновникам и офицерским женам, а Ольга занималась хозяйством. Положение улучшилось, когда в городе стало известно, что Ольга — акушерка. Турецкие женщины обычно рожали дома, но во время войны сильно возросла смертность новорожденных. Поэтому семьи, которые могли заплатить Ольге продуктами, одеждой или деньгами, обращались к ее услугам. Так Ольга вскоре стала главной кормилицей всей четверки.

В маленькой квартире в Бурсе находили приют многие палестинские изгнанники, отдыхавшие там и мечтавшие о будущем. Иегошуа и Исразль по многу часов обсуждали планы заселения Палестины, спорили о том, как будет выглядеть страна, если англичане захватят ее целиком. Ольга в этом не сомневалась. Почти все ее племянники были активистами НИЛИ, и она частично знала об их тайных контактах с представителями британской разведки. Она представляла себе, что происходит на опытной ферме. Ее племянники Нааман, сын ее брата Шимшона, и Авшалом, сын Фанни, советовались с теткой и даже надеялись, что она окажет влияние на своих друзей из «Ха-шомера». Она с уважением выслушивала их, но и предостерегала от необдуманных действий.

На втором году ссылки Маня забеременела. Она была иссохшая и сморщенная: сказались тяжелые условия жизни и ограничения в питании. Та зима выдалась очень снежной и холодной. Изгнанники замерзали в своей квартирке, им не хватало одеял и одежды, а у Мани даже не было пальто. Она сильно тосковала по своему сыну Гидеону, которого оставила у родственников в Палестине, к тоске ее примешивалось отчаяние. Ей казалось, что в нечеловеческих условиях войны нельзя рожать детей. В конце концов она попросила Ольгу сделать ей аборт.

Ольга, однако, воспротивилась и стала умолять по-другу изменить решение.

«Мы в ссылке, недоедаем, страдаем от холода. Нравоучения и цитаты из Библии не помогут, не трать напрасно силы. Рожать ребенка в таких условиях — преступление. Что он скажет, когда вырастет? Он обвинит нас в безответственности. Я плохая мать, оставила Гидеона у родственников, потому что не хотела, чтобы он страдал в изгнании. Так как же я заставляю страдать этого? А как после войны я буду помогать Исразлю, если мне придется ухаживать за двумя маленькими детьми? Что, если война продлится еще очень долго? Как я могу

взять на себя такую ответственность — родить сейчас ребенка? И вообще, мы с Исразлем совсем не идеальные родители».

«Рождение ребенка — это не проверка родителей на идеальность, — возразила Ольга. — Разве ты не понимаешь, что вы тащите на себе весь ишув? Твоему Геде нужен брат или сестра. Это будет его лучший друг в жизни. Все-таки тебе стоит выслушать библейскую историю про Фамарь. Я уже давно пыталась рассказать ее, но ты отказывалась слушать. Эта женщина решилась на прелюбодеяние только потому, что хотела родить ребенка. Женщины еще в древности делали все возможное, чтобы забеременеть. Если ты хочешь насильно прервать беременность, то потом никогда себе не простишь. Поверь мне, я знаю это по опыту».

«Что значит по опыту? — спросила Маня. — То, что ты акушерка, принимаешь роды, ухаживаешь за беременными, а в прошлом помогала рожать незамужним, еще не называется опытом. Опыт — это сугубо личное переживание, а не чужие истории. Утверждение "опыт — лучший учитель" относится только к тем, кто испытал что-либо на своей шкуре».

«Верно. Вот я и хотела рассказать тебе о себе».

От закопченной печурки исходило скудное тепло. Женщины сидели возле нее, вглядываясь в желтоватое трепещущее пламя, и думали каждая о своем.

«В юности я сделала аборт, и это разбило мне жизнь».

Маня широко раскрыла голубые удивленные глаза.

«Ты до сих пор ничего мне не рассказывала. Значит, либо ты обманываешь меня, чтобы отговорить от аборта, либо у тебя были очень серьезные причины молчать».

И тут вдруг Ольга рассказала Мане все. Она сделала аборт еще в Петербурге, когда училась на курсах акушерок. Они с Федоровым очень любили друг друга. Однако, обнаружив, что беременна, она растерялась, не могла сосредоточиться на учебе, не смела строить пла-

ны на будущее, не верила в возможность совместной жизни с неевреем, вдали от семьи.

«Это была роковая ошибка, Маня, поверь мне. Существование бездетной женщины нельзя назвать жизнью».

«Но у меня-то есть сын, и он сейчас в Палестине. Я и одному ребенку не смогла стать хорошей матерью, так зачем рожать еще? И почему ты не рассказала раньше о том, что сделала аборт в Петербурге? Зачем было скрывать до сих пор? В абортах нет ничего постыдного. Русские революционерки часто их делают. У них есть чувство ответственности, они знают, что их борьба куда более важное дело, чем деторождение. Если ты избавилась от плода, значит, у тебя были на то веские причины!»

«Какое это имеет значение? Конечно, тогда я была уверена, что поступаю правильно, но в молодости человек совершает много ошибок. Пылкая неразумная юность отличается от рассудительной холодной старости».

«Поэтому ты отговариваешь меня от аборта? Ты хочешь, чтобы ребенок замерз насмерть в этом ледяном турецком городе?»

«Я просто хочу сказать, что не помогу тебе избавиться от ребенка. Ни за что! Жизнь сильнее, чем решение глупой русской или еврейской революционерки, какой я была в Петербурге».

«Ты не была революционеркой. Ты просто дружила с русскими мыслителями и писателями! Вся твоя семья совершила алию в Палестину, даже младшая сестра Фанни и старые родители. А ты завела роман с петербургским гоем. Так перестань читать мне мораль!»

Слова Мани поразили Ольгу. Впервые младшая подруга так резко воспротивилась ее мнению. Никто еще не говорил ей таких обидных слов. Сначала она потеряла дар речи. Потом губы у нее задрожали и из груди вырвалось рыдание.

«Эта ошибка разрушила мою жизнь», — повторила она, немного успокоившись и вновь обретя способность формулировать мысли.

«Почему? Ты бы хотела остаться в России? Вспомни то жуткое время, когда я думала только о самоубийстве и даже брата не могла видеть. Тогда ты убеждала меня, что алия в Палестину — самое важное событие в моей жизни. Что же, для тебя оно не так важно?»

Подумав, Ольга рассказала Мане подробнее о своей беременности. Сначала она пыталась убедить себя, что, возможно, месячные просто задерживаются из-за волнений, связанных с учебой и другими переживаниями. Вскоре, однако, она поняла, что нельзя долго заниматься самообманом. Ольга сделала аборт, хотя прекрасно знала, что он часто приводит к бесплодию. Почему-то ей казалось, что с ней этого не случится.

«Он знает? Он знал?»

Ольга что-то пробормотала в ответ, но Маня не разобрала ее слов.

«Женщина не имеет права уродовать свое тело, — сказала Ольга медленно и печально. — Это преступление против природы. Природа сильнее всего на свете, и она мстительна. Именно потому, что моя семья совершила алию, я и сделала аборт. Ведь я знала, что тоже уеду. Я дважды принесла в жертву самое дорогое — сначала любовь, а потом плод любви. Не совершай непоправимого! Нельзя грешить против Бога! Наша ссылка кончится, проклятая война тоже, но если ты повредишь свое тело, то никогда — никогда! — больше не сможешь родить, даже если будешь желать этого всем своим существом!»

Маня вдруг почувствовала себя старшей сестрой своей подруги, обычно такой напористой, решительной и уверенной в избранном пути. Она поняла, что должна ободрить Ольгу.

«Но ты наполнила свою жизнь новым смыслом. Без тебя Иегошуа не смог бы перенести всех трудностей, и еврейский ишув развалился бы».

«Верно, Манечка. Мои жертвы были не напрасны. Две тысячи лет провел наш народ в изгнании. Теперь он возвращается на свою землю. Обрати внимание, земля на иврите называется адама, человек — адам, а

кровь — дам. Для меня эти три слова как Святая Троица для христиан. Кровь — это душа. Нельзя больше проливать кровь, Манечка, понимаешь? Поэтому я не помогу тебе. Несмотря на холод, трудности, войну и ссылку. Это ведь — результат человеческой деятельности, а все, что напортили люди, можно исправить. Все, кроме одного — убийства человека».

Маня не ответила. После долгого молчания она сказала, что надо пойти на рынок за овощами и сварить обед.

«Не увиливай, — не сдавалась Ольга. — Почему ты хочешь замять разговор? И еще знай — я обещаю тебе помочь справиться с трудностями материнства, которых ты так боишься. Я заменю бабушку твоему ребенку».

Громкий стук в дверь прервал их разговор. Маня поспешила на кухню, а Ольга пошла встречать гостя, увидев которого обомлела. Перед ней стоял сын Фанни Авшалом — неряшливо одетый, бородатый, в странной меховой шапке на голове — и весело улыбался.

«Привет, тетя Ольга». Он прижал ее к себе, щекоча густой черной бородой.

Ольга не верила своим глазам. По обрывочным слухам она знала, что Авшалом арестован турками в Эль Арише, а потом отпущен, но его деятельность была окутана тайной.

«Тетя Ольга, я голоден и устал. Добраться к вам очень трудно. Как здорово, что наконец я здесь!»

Ольга горячо обняла племянника. Его неожиданный приезд наполнил новыми силами ее усталое, стареющее тело и скорбящую душу.

Маня поздоровалась с Авшаломом и тут же ушла в свою комнату. Она считала, что он приехал в Бурсу, выполняя задание НИЛИ. Кроме того, Маня подозревала, что, руководствуясь своими идеологическими убеждениями, Авшалом донес на нее в начале войны, сообщил о том, что она хранит оружие. С тех пор молодая

женщина затаила неприязнь к Ольгиному племяннику. Ведь если ее подозрения правильны, именно он виноват в ее ссылке.

Между Маней и Авшаломом существовала родственная связь. Шошана, сестра Авшалома, вышла замуж за Нахума, Маниного брата. Несмотря на это, идеологические разногласия между молодыми людьми были столь сильны, что Маня не могла, как ни старалась, питать к Авшалому теплых чувств.

Ольга и Авшалом долго стояли обнявшись, не в силах справиться с нахлынувшими воспоминаниями, страхами и надеждами.

Глава тридцать вторая

АВШАЛОМ

Авшалом приехал в Бурсу из Константинополя, где раздобыл документы, необходимые для поездки в Европу. Властям он заявил, что собирается навестить свою сестру Цилю, проживавшую в Берлине. На самом деле он намеревался ехать во Францию, чтобы встретиться там со связными британской разведки. Он выполнял задание Ааронсона. Вот уже несколько месяцев их группу преследовали неудачи, и теперь они решили действовать по-иному.

Год назад Авшалом пытался пробраться на позиции англичан на севере Синая, но был задержан турками. К счастью, он успел проглотить документы, которые хотел передать британцам. На допросах он утверждал, что приехал в прифронтовой район, чтобы изучить продвижение саранчи. Однако, поскольку необходимого разрешения от властей у него не было, его посадили в тюрьму, обвиняя в шпионаже. Ааронсон окольными путями узнал о случившемся, и только благодаря его вмешательству юноша избежал смерти. Ольга и Иегошуа узнали обо всем из писем родственников. Иегошуа сердился на Авшалома, но Ольга убедила его не затевать ссоры с племянником. Она знала любовь Авшалома к риску, не осознаваемое им самим желание ходить по краю бездны и очень беспокоилась за него. Из всех детей Фанни Авшалом был самым уязвимым. За два года до войны он по секрету показал Ольге отрывки из своего дневника. Там он писал, что смерть приносит освобождение и что

ему отрадно думать о конечности всех вещей. Она не забыла этот дневник.

После того как Маня поспешно вышла, Ольга с Авшаломом направилась в их с Иегошуа комнату. Здесь было практически пусто — стояло несколько ящиков, служивших подобием шкафа, да лежанки. Ольга усадила Авшалом на один из матрасов, покрытых темным солдатским одеялом. А сама расположилась на другом матрасе, из которого торчала колючая солома.

Он обратил внимание на серебристые пряди у нее в волосах, а она заметила, как он изменился. Авшалом похудел, глаза у него ввалились, и в них поселилась тревога. Он рассказал о нашествии саранчи, о голоде, о насильственном переселении на север жителей Яффы и Тель-Авива, о болезнях и страдании. Но Ольга почувствовала, что самое главное он скрывает.

«Я предлагаю тебе выспаться. Здесь, правда, очень холодно, но я надеюсь, что тебе все же удастся заснуть. С дороги ты, верно, устал. Скажи только, как поживает Ривка?»

В глазах Авшалом вспыхнул свет. Его правая бровь задрожала. «Ривка, Ривушка, вьюночек мой непослушный!»

«А ты, дорогой мой, считаешь себя прямым, как пальмовое дерево? Ты тоже непрост, Авша, и хорошо, что молодой побег обвивает твой ствол».

«Тетя Ольга, я люблю ее больше жизни, но она своевольна, и я боюсь ее. Она хрупкое создание, и я страшусь даже обнять ее. Чем больше я ее люблю — тем больше она отдаляется, и это сводит меня с ума. Отсюда и моя страсть к приключениям. Нет мне на свете покоя. Я, словно Каин, чувствую в себе какой-то грех и берусь за самые опасные задания, чтобы только убежать от себя. Сначала я надеялся, что моя Ривочка меня успокоит, но она, как ветер, играет на струнах моей души и натягивает их так, что они вот-вот лопнут».

«Авша, это не она, это ты сам. Ты приписываешь ей то, чего нет. Ты напряжен, тревожен, переполнен чувствами, которым нет выхода. Не обвиняй ее понапра-

сну. Страсть к приключениям у тебя в крови. Что касается греха, то я не понимаю, о чем ты говоришь».

«Меня преследует ощущение, что люди, которых я люблю, не любят меня. Что-то во мне есть, видно, отталкивающее. Помнишь стихотворение, которое я посвятил Ривке два с лишним года назад? Я боялся испепелить ее своей любовью. Вот я какой!» Он встал из-под одеяла и начал декламировать:

Нет, дитя, как посмею тебя я обнять?
Ты цветок, я ж — медведь толстокожий,
Но хочу я тебе о любви рассказать,
Как подруге, без страха и дрожи.

Ольга улыбнулась. словно солнце изнутри осветило ее лицо. Уже давно она не улыбалась по-настоящему. В этой улыбке отразилась ее чистая, вольнолюбивая душа. Столько времени живя в напряжении, она внутренне съежилась. Разговор с Авшаломом действовал на нее как целебный бальзам. Вернее, даже не разговор, а общество внимательного и чуткого собеседника. За окном завывал ветер и не переставая падал снег.

«Авша, ты называешь любовь болезнью. В другом стихотворении ты пишешь, что хочешь поцеловать возлюбленную, но губы твои нечисты. Почему, Авша? Откуда у тебя такая ненависть к себе? Почему ты распинаешь свою любовь? Не многие способны на столь сильные чувства. Так зачем же ты проклинаешь самое прекрасное из них — любовь? Разве любовь это болезнь?»

Вместо ответа Авшалом подошел к окну. Снег серебряным покрывалом окутывал деревья, но Авшалом не смотрел на них. Взгляд его был устремлен куда-то в неведомую даль. Помедлив, он продекламировал стихотворение до конца, подчеркивая каждое слово, словно сталкивал с горы тяжелые камни:

Когда Господь снаряжал меня в путь,
Быть цельным велел он мне,
И сердца глыбу вложил Он мне в грудь,
Что меры не знает в любви и вражде.
Хочу я колена обнять твои,

Лаская тебя, умереть,
Но кажется мне, что движенья мои
Мерзки и противны, как смерть.

Ольга вздохнула. «Авша, это и есть твоя беда. Почему ты ненавидишь себя? Откуда у тебя ощущение, что все проявления твоей любви уродливы? Почему тебе кажется, что твои объятия душат возлюбленную? Откуда все это?»

«Не знаю, но так я чувствую».

«Всегда так было?»

«Не помню, да и какая разница. Меня никто не понимает. Когда скончался отец, меня бранили за то, что я горюю слишком сильно. Еще тогда, шесть лет назад, я начал думать, что со мной не все в порядке».

«Мама просто сильно переживала, боясь, что ты совсем сломался. Поэтому она и убеждала тебя взять себя в руки. Нельзя давать горю завладеть собой. Тот, кто отдает себя чувству без остатка, сгорит, как бабочка на огне».

«Ольга, ты хоть и старше мамы, но с тобой я могу разговаривать, как с подругой. Я больше не в состоянии приспособливаться к маме, учитывать все ее страхи и сомнения. После смерти отца она очень изменилась, с ней нельзя говорить. Она вообще не способна слушать. Весь мир ее рухнул. Ее уже ничто не интересует. Она не понимает меня, да я и не пытаюсь убеждать ее в чем-либо. Она одна, и это плохо. Шошана вышла замуж, Циля в Берлине, а мама уже совсем не такая, как прежде».

«Я тоже не такая. Все мы изменились, такое уж сейчас время. Но мама наверняка успокоилась, когда ты сказал ей, что едешь к Циле. А куда ты направляешься на самом деле? Циля — это ведь только для видимости. А каковы твои истинные намерения?»

«Сюда я приехал, чтобы повидать вас. Мама просила меня посмотреть, как вы живете. Кроме того, я хотел попросить прощения у Мани. Но, увидев меня, она тут же убежала в другую комнату».

«Почему ты думаешь, Авша, что это из-за тебя? Перед твоим приходом мы говорили совсем на другую тему. Мане просто понадобилось уйти».

«Нет, тетя Ольга. Она не хочет меня видеть, потому что я виновник ее страданий. Я донес на нее, и она это знает».

«Ты? Не может быть! Почему?»

«Я думал, что турки ее только допросят. Я не предполагал, что они предадут ее военному суду и сошлют сюда. Мне хотелось, чтобы Маня поняла, насколько они страшны и что надо бороться с ними, не пренебрегая даже самыми крайними средствами. Я не думал, что все так обернется. Я очень сожалею и приехал просить прощения».

«Авша, — взорвалась Ольга, — ты хоть понимаешь, что ты наделал? Это же низость!»

«Понимаю, тетя. И хочу попросить у Мани прощения».

«Не смей! Что было, то было. Не вороши прошлого. Но, Боже мой, как мне стыдно!»

Авшалом отвернулся, и Ольга испугалась, что он сейчас заплачет. После долгого молчания она снова начала расспрашивать его о матери. Уж ей-то было известно, как Фанни переживает за своего единственного сына.

«Если мама так волнуется, то зачем ты продолжаешь рисковать? Почему тебя арестовали в Александрии? Тебе повезло, и ты снова на свободе. Но ведь так не может продолжаться вечно. Если тебя поймают еще раз, один Бог знает, что может случиться. Это война, а не игрушки. Здесь побеждает не логика, а жестокость и сила. Побереги себя, очень тебя прошу. Будь осторожен ради нас всех».

«У меня есть новый друг. Я собираюсь отправиться вместе с ним в продолжительную поездку по Синаю. Но прежде я хочу посоветоваться с тобой».

«Ты искатель опасных приключений. Зачем тебе эта новая затея?»

«Тебе же нравятся рискованные люди, тетя! Посмотри на своего мужа и лучшую подругу — вот уж кто обожает опасность!»

«Да, но моя лучшая подруга уже поплатилась за свою страсть. Жизнь ее нелегка. А дядя Иегошуа гораздо более рассудителен, чем тебе кажется. Он рискует с умом, не то что ты».

«Когда он, наконец, придет домой?»

«Не знаю. Вообще, он переносит ссылку очень тяжело. Просто ужасно. Его мучает не только вынужденное бездействие, но и неизвестность. Ведь непонятно, что ожидает нас в будущем. Для Иегошуа бездействие подобно смерти. Хорошо еще, что Исразль Шохат с ним рядом».

«Но чем они здесь занимаются? Как проводят время?»

«А что бы ты делал на их месте?»

«Ведь ты же сама знаешь, тетя Ольга. Я бы не вылезал из контор, собирал информацию и передавал бы ее англичанам. Сейчас уже ясно, что Османской империи пришел конец. Я бы многое отдал, чтобы Исразль и дядя Иегошуа помогли мне. Но я не стану заговаривать с ними на эту тему. Я ведь знаю, что они мне откажут».

«Ты прав. С ними разговаривать не стоит. А вот со мной можно. Так о чем ты хотел поговорить?»

«Я хотел посоветоваться с вами насчет одного человека, которого знают Маня и Исразль».

«Из-за этого ты и приехал сюда из Константинополя? Кто же тебя так интересует?»

«Исразль отказался принять его в "Ха-шомер", несмотря на то что он хороший сторож, отлично ездит верхом и вообще безупречен. Его зовут Иосиф Лишанский».

«Разве мнение Исразля и Мани имеет для тебя какое-нибудь значение? Насколько я тебя знаю, если уж вы решили его принять, вас никто не остановит».

«И все-таки даже мы не можем доверять важную информацию ненадежному человеку. Я приехал, чтобы расспросить вас о Лишанском. Потом мы с ним свяжемся».

«Но ты же знаешь, что надежность человека зависит от его убеждений. Тот, кто верит в какую-то идею, не предаст и не изменит, если его не обижать по-настоящему. В этом случае даже такой человек может предать из мести. Доверие и верность — понятия очень относительные, связанные с личной заинтересованностью людей. Я тебе одно скажу: если какие-то сведения могут тебе повредить, став известными, — не делись ими с

Лишанским, а если они повредят твоим врагам, то, конечно, делись».

«Все же я не понимаю, почему Лишанского не приняли в "Ха-шомер". Я обязан это знать. Некоторое время он жил недалеко от дяди Шимшона в Ришон ле-Ционе. Я думал, что, может, ты его знаешь. Он — друг Наамана».

«Авша, миленький, доверься лучше своей интуиции. Если сердце говорит тебе, что Лишанский подходит для твоих целей, — значит, так оно и есть. Слушай только свое сердце. Сердце никогда не обманывает».

Иегошуа и Исразль вернулись только к вечеру. Весь день бродили они по рынку, заходили в разные конторы. Ноги Исразля были обмотаны тряпками, заменявшими ему ботинки, Иегошуа же по-прежнему носил истрепанные, но еще целые сапоги с высокими голенищами. При виде Авшалом, сына Лолика, его ввалившиеся глаза засияли, и он горячо обнял молодого человека. «Авша, Авша, гость дорогой! — воскликнул он. — А когда ты решил отрастить бороду? Ты думаешь, как, впрочем, и я в свое время, что она взрослит? Ошибаешься! Она делает тебя похожим на русского анархиста».

«Не надо сравнений с русскими анархистами. Настоящая анархия царит сейчас в Палестине».

И Авшалом начал рассказывать об отступлении турецкой армии, эпидемии тифа, голоде и лагере в Кфар Сабе, который предназначался для людей, изгнанных из своих домов. Четверо ссыльных слушали затаив дыхание, хотя некоторые факты были им известны. Авшалом так и не спросил о Лишанском ни своего дядю, ни Исразля Шохата. Мнение Ольги полностью удовлетворило его.

Глава тридцать третья

ГОСПОДЬ ЗАСТАВИЛ МЕНЯ СТРАДАТЬ...

Дочь, родившуюся у Шохатов в Бурсе, называли Анной — по имени любимой Маниной сестры, скончавшейся в Петербурге в молодом возрасте. Роды принимала Ольга. Всю свою любовь, озабоченность, весь свой многолетний опыт вложила она в помощь Мане. Как пишет сама Маня в воспоминаниях, «у Ольги были белые, мягкие, чудесные руки».

Что касается Авшалом, то он и дальше собирал информацию для англичан. По возвращении в Палестину он часто разъезжал по стране, выполняя задания Ааронсона. В декабре 1916 года Авшалом с Иосифом Лишанским вернулись в Египет, в Эль-Ариш, где находился Ааронсон, прибывший туда несколькими месяцами раньше.

Добирались они туда через пустыню. Лишанский где-то раздобыл верблюдов и проводника-бедуина, да и сами они переоделись бедуинами.

Почему молодые искатели приключений отправились на встречу с англичанами через пустыню, а не выбрали дорогу вдоль морского побережья? Может быть, Авшаломом двигала любовь к риску? Он ведь понимал, что путь их проходит через расположение воюющих армий, а бедуины, знающие пустыню как свои пять пальцев, без труда могли обнаружить следы чужаков и за сход-

ную цену сообщить куда следует. Авшалом с детства хорошо знал арабов — их язык, их обычаи, их коварство. Он понимал также, что приморский путь короче. Зачем же ему понадобилось подвергать себя лишней опасности?

Через несколько месяцев после этого путешествия Аарон Ааронсон в письме к своей сестре Ривке отзывался об авантюризме Авшалома с нескрываемым гневом:

«Ты ведь знаешь, что подобным образом он собирался поступить уже в прошлом году. Преодолея многочисленные препятствия, но все-таки попался. Однако тогда его схватили турецкие чиновники и благодаря невероятной дерзости и хладнокровию он избежал виселицы. Теперь же он попал к коварным бедуинам».

Авшалом и Лишанский передвигались под покровом ночи, а днем прятались. Однако, пересекая ничейную полосу между турецкими и английскими позициями к северо-востоку от Эль-Ариша, они сбились с пути. Всю ночь молодые люди блуждали по песчаным дюнам, а наутро в субботу 20 января их обнаружили бедуины. Внезапно Авшалом и Иосиф оказались под градом пуль.

«Один из них получил три ранения, но сумел скрыться, — продолжает Ааронсон, — а любимый наш герой погиб... Пуля попала в него со спины и разорвала ему внутренности... Этот богатырь, презиравший бедуинов, этот исполин пал посреди пустыни, истекая кровью»*.

Авшалом скончался на месте. Лишь через пятьдесят лет, уже после Шестидневной войны, Шломо Бен-Элькана обнаружил место его убийства. Старик бедуин из племени, напавшего в свое время на Авшалома, показал ему пальму, выросшую из косточки финика, лежавшей в кармане убитого в момент его падения.

Раненый Иосиф Лишанский двинулся на север и рассказал Аарону о случившемся. Аарон понимал, что весть о гибели Авшалома приведет членов НИЛИ в от-

* Шломо Бен-Элькана. Авшалом, герой пустыни. Изд-во «Решафим». С. 46.

чаяние. Поэтому он велел Лишанскому хранить тайну и говорить всем, что Авшалом находится в Египте. Лишанский так и поступил, но ему доверяли все меньше и меньше. Руководство организацией НИЛИ находилось теперь в руках у Аарона Ааронсона и его сестры Сары.

В феврале 1917 года связь с англичанами была восстановлена. Шпионский корабль «Маганем» курсировал между египетским берегом и Атлитом. Корабль доставлял деньги, собранные американскими евреями в помощь ишуву, и забирал разведывательную информацию. В то время организация НИЛИ не только занималась разведкой, но и заботилась о материальной помощи евреям Палестины.

Однажды Сара Ааронсон послала из Атлита в Египет почтового голубя, привязав к ноге его записку. Птица не прошла достаточной дрессировки и опустилась на землю во дворе турецкого коменданта Кейсариин, который сам был заядлым голубятником. Выйдя покормить любимых птиц, комендант обнаружил среди них незнакомого голубя, у которого под крыльями лежал бумажный рулон, исписанный симпатическими чернилами, а к ноге была привязана записка. Эти документы он переслал в Яффу, где их удалось прочесть, призвав на помощь немецких специалистов. Документы содержали разведывательную информацию, а также имена некоторых членов НИЛИ. Немедленно начались обыски, пытки и аресты в Зихрон Яакове, Атлите и Хадере.

Особую жестокость турки проявили к Ааронсонам, проживавшим в Зихрон Яакове. После пыток и издевательств Сара покончила с собой; другие члены семьи также подверглись пыткам и были отправлены в дамаскую тюрьму. Власти лихорадочно искали Лишанского, которому первое время удавалось скрываться. Опасность нависла над всем ишувом. Аресты прошли и среди членов организации «Ха-шомер», которых тоже отправляли в Дамаск. В конце концов арестовали и Лишанского, а также Ольгиного племянника Наамана Белкинда, которого обвинили в шпионаже, хотя он был турецким офицером.

Ольга в это время все еще жила в Бурсе и не знала ни о гибели Авшалом, ни об аресте Наамана. Она удив-

лялась, что Авшалом ей не пишет и ничего о нем не известно. Бурса наполнилась разноречивыми слухами, от которых не было облегчения. Ольга чувствовала, что от нее скрывают нечто ужасное. Как вскоре выяснилось, не только от нее. Однажды она случайно услышала от одного человека из организации «Ха-шомер», зашедшего навестить Исраэля Шохата, что Авшалом пропал без вести и неизвестно, жив ли он. Со времени его отъезда в Египет прошел год и восемь месяцев. Ольга отказывалась верить в ужасную новость.

Оправившись от первого шока, когда еще была надежда, что Авшалом вернется, Ольга начала уговаривать себя, что такого не может быть — ведь он так хорошо умеет ладить с арабами, превосходно владеет их языком, все тропинки и дорожки знает... И зачем им на него нападать? Такого рода мысли и иллюзорные надежды словно погрузили Ольгу в туман. Порой она не отвечала, когда к ней обращались, порой рассеянно кивала или отрицательно мотала головой, не вслушиваясь в слова собеседника. В ее душе словно разверзлась черная яма. Почувствовав это, Иегошуа перестал ходить по конторам и проводил много времени с женой. Ольга же постоянно сидела у окна, смотрела на улицу и ничего не видела.

Условия ссылки становились невыносимыми. Ольга резко и заметно постарела. За ней преданно ухаживала Маня, в которой после родов неожиданно пробудились мягкость и женственность. Маня не давала Ольге оставаться одной, пыталась переключить ее внимание на новорожденную девочку, смотрела за ней, как за больной. Но Ольгу невозможно было отвлечь от ее мыслей. Всегда ободрявшая других, она сама теперь нуждалась в поддержке. Раньше она была подобна скале, о которую разбиваются морские волны. Но вот нагрянула буря и надломилась скалу.

Ольгу немного подбадривало только чтение Библии. Целые дни проводила она в постели, перечитывая великую книгу. «Господь заставил меня страдать, но смерти не предал меня», — пробормотала как-то Ольга, не заметив Маню, которая убирала комнату и слышала ее.

«Что ты сказала?» — спросила Маня.

«Ничего я не говорила».

«Да нет, ты произнесла что-то».

«Это не важно».

«Ольга, когда мне было плохо, для тебя было важно помогать мне. Ничего не поделаешь, идет война...»

«Ты когда-нибудь задумывалась о том, что такое война? Что это такое, когда гибнет молодежь? Искупить это невозможно ничем...» — отвечала Ольга тихим, слабым голосом.

Маня замолчала. Она не знала, чем помочь Ольге, всегда помогавшей другим.

«Но откуда этот библейский стих, что ты прочла?» Маня постаралась вступить в контакт с Ольгой, используя ее любовь к Библии.

Ольга не ответила, но жестом показала, что Маня может взять книгу в руки. Маня отложила веник в сторону и взяла Библию. «Из тесноты воззвал я к Господу, и услышал меня, и на просторное место вывел меня Господь. Господь за меня, не усташусь: что сделает мне человек? Господь мне помощник: буду смотреть на врагов моих». Все, что она прочла, находилось в прямом противоречии со стихом, произнесенным Ольгой и говорящим о необходимости безропотно переносить страдания, даже если хочется умереть.

«Ольга, то, что я сейчас читаю, противоречит тому, что ты произнесла. Ты читала этот псалом целиком?»

Ольга не ответила.

В конце ноября 1917 года англичане захватили Яффу, Вильгельму и Шарон. Туркам приходил конец. Голодные, покрытые вшами солдаты, больные малярией и тифом, разрушали все, что могли, и отступали на север. Несмотря на поражение, им удалось изгнать население Тель-Авива. Страна покрылась лагерями беженцев, где царил голод, болезни и подавленность.

Соня Белкинд, врач по профессии, ухаживала за больными беженцами. Она работала круглые сутки, чтобы не дать эпидемии распространиться. Однажды ее спешно вызвали в Дамаск для помощи заключенным, в числе которых был ее племянник Нааман Белкинд. Когда она приехала, ее тоже арестовали по подозрению в

антитурецкой деятельности. Три месяца просидела она в тюрьме. За это время были приведены в исполнение приговоры в отношении Наамана Белкинда и Иосифа Лишанского. Их повесили на центральной площади Дамаска.

Почти в то же время Россию потрясла кровавая революция. Большевики захватили власть, а несколько месяцев спустя расстреляли царскую семью. Начались массовые расстрелы царских чиновников, сотрудников полиции, купцов и предпринимателей. Ложась спать, люди не знали, доживут ли до утра. Лавки и конторы подвергались грабежу, гимназии закрывались, транспорт работал с перебоями. Трупы умерших от голода валялись на улицах, а зимой было нечем топить. Разразилась гражданская война. Огромная империя погружалась в хаос.

Сергей Зубатов, которому вернули его полномочия после революции 1905 года, узнал о взятии Зимнего дворца за обедом. Он вышел из комнаты и выстрелил себе в висок.

В числе замученных и казненных офицеров был и Сергей Федоров.

Глава тридцать четвертая

СДЕЛАЕМ — И БУДЕТ ВИДНО

Возвращение из ссылки оказалось невероятно тяжелым. Политическая ситуация изменилась до неузнаваемости. Теперь Палестиной управляли англичане. Крупные землевладельцы разорились и погрязли в долгах. Сельское хозяйство было уничтожено, лес вырублен. Яффа поражала масштабами разрушений. Пострадали порт, рынок, многие жилые дома, поврежденные за время отсутствия владельцев. Восстановление этих домов представлялось делом трудноосуществимым. Дороги были разбиты.

Возвращение из Бурсы ознаменовало третий период в жизни Ольги и Иегошуа. Ольга купила для Иегошуа увесистую черную палку с металлическим покрытием и закругленным набалдашником. «Дарю тебе этот посох, дабы ты и дальше ходил по нашей земле в длину ее и в ширину ее», — сказала она мужу. И правда, для земельных сделок время было удачное как никогда. Начиная с 1920 года и до самой смерти Иегошуа Ханкин скупил основную часть земельного фонда нашей страны.

В 1920 году он приобрел земли Нуриса, на которых впоследствии выросли кибуцы и мошавы — в их числе Нахалаль, Эйн Харод, Тель Иосеф, Кфар Иехезкель.

В 1921 — 1924 годах были куплены 500 дунамов в долине Звулун, 44 000 дунамов в Изрезльской долине и 13 300 дунамов в Южном Шароне.

Наиболее удачным оказался 1925 год, когда Иегошуа купил 160 000 дунамов в долине Звулун, в Изрезьльской долине, в долине Иордана, в Хайфе, Самарии и Шароне.

Вплоть до арабских волнений 1929 года Ханкин приобрел 65 000 дунамов, в большинстве своем — в долине Хефер, а также земли Бейт Шеана и тысячи дунамов земли в окрестностях Реховота.

В 1929—1936 годах (между погромами 1929 года и событиями 1936—1939 годов) было приобретено 120 000 дунамов, в том числе — земли Хулы. За ними последовали еще 80 000 дунамов, преимущественно в Нижней Галилее, а также земли в окрестностях Безр-Шевы.

Итого Иегошуа Ханкин приобрел 600 000 дунамов земли по поручению таких организаций, как ПИКА, «Ахшарат ха-ишув», но главным образом — «Керен Кай-емер ле-Исразель». Его принципом было быстрое заключение сделок, даже при отсутствии наличных средств.

Самым знаменитым приобретением Иегошуа явились земли Изрезьльской долины, покупка которых растянулась на несколько десятилетий. Речь идет о самых плодородных землях Палестины. Попытки их купить предпринимались еще во времена Темкина и увенчались успехом тридцать лет спустя, уже после Первой мировой войны.

В Изрезьльской долине были построены поселения, сыгравшие решающую роль в превращении еврейского народа в народ земледельцев. Целинные земли этого края превратились в образцовые сельскохозяйственные площади.

Во всем, что делал Иегошуа, он советовался с Ольгой. Она завязывала для него нужные связи, склоняла противников на его сторону, находила ссуды, но главная ее помощь мужу состояла в моральной поддержке и укреплении веры в правильности избранного пути. Он на практике осуществлял ее девиз: «Сделаем — и будет видно». Сначала заключить сделку, застолбить земельный участок, а потом уж думать, откуда брать деньги.

Однако после возвращения в Яффу сама Ольга переменилась. Ей было уже под семьдесят, и она страдала

разными болезнями. Ее младшая сестра Соня после войны вышла замуж за Менделя, брата Иегошуа. Обе супружеские пары не имели детей и вместе купили двухэтажный дом в Тель-Авиве на углу улицы Алленби и бульвара Ротшильда. Этот дом превратился в своеобразное семейное гнездо Ханкиных и Белкиных, место постоянных визитов для племянников Ольги и Иегошуа. Ольга сохранила связь с родственниками и находила в них для себя утешение. Когда ей стало трудно ходить, они возили ее на машине по строящемуся Тель-Авиву. Плохо приходилось тем ее юным родичам, кто не помнил наизусть «Песнь Деворы» или «Песнь моря». Тем же, кто помнил, она давала мелкие монеты со сдачи, остававшейся после недельных покупок.

Любовь Иегошуа к ней с годами только усиливалась. Даже когда она была прикована к постели, он продолжал советоваться с ней. После ее смерти он построил усыпальницу на склоне горы Гильбоа, недалеко от Эйн Харода. Сам он скончался три года спустя. Ольга умерла на Пасху, 15 нисана 5702 (1942) года. Подобно ее жизни, смерть ее была символична и совпала с праздником, знаменующим выход из рабства на свободу.

Эпилог

ПЕСНЬ МОРЯ

Летним днем 1996 года армейский тендер марки «форд» остановился возле заброшенного бетонного строения на морском берегу между Атлитом и Хадерой. Здание одиноко высилось над морем, обрушивавшим на прибрежный песок бесконечные волны прибоя. В машине сидел майор запаса, а рядом с ним — женщина лет сорока пяти с толстой косой, уложенной на затылке. Они вышли из машины и пошли к дому, стоящему на пустынном берегу.

«Вот», — сказал офицер.

Это был человек широкоплечий, нетерпеливый, улыбающийся. «Вот об этом доме вы и спрашивали», — произнес он. Темноглазая женщина с густыми бровями молча смотрела. Офицер резервной службы служил адъютантом в медицинских частях, и ему поручили сопровождать гостью, потому что он владел русским языком. Сама гостя была врачом и приехала с делегацией высшего офицерского состава российской армии. В соответствии с программой визита члены делегации располагали одним свободным днем. Врач Соня Федорова пожелала увидеть «дом Ольги» на морском берегу.

«Мы такого дома не знаем», — сказали в ответ хозяева-израильтяне, но Соня настаивала на том, что такой дом существует, стоит у моря и, если даже в нем не живут, само строение сохранилось. Женщина достала ветхую, пожелтевшую фотографию нештукатуренного бетонного строения с овальным фасадом, стоящего на морском берегу.

«Этот дом построили для Ольги Белкинд, — настаивала она. — Я хочу увидеть его, прежде чем возвращусь в Россию».

Офицер ничего не слышал об Ольге Белкинд. Тем не менее он навел справки и выяснил, что речь идет о жене Иегошуа Ханкина, купившего большую часть земель в Израиле. Тогда он обратился к одному из следопытов в своем военном лагере, и тот сказал ему, где находится это здание.

«Ольга Белкинд была женой Иегошуа Ханкина, — сказал офицер, когда гостя начала проявлять признаки нетерпения. — Какое она имеет отношение к вам? У вас разве есть еврейская кровь?»

«Еврейской крови у меня нет, но у Ольги был роман с моим дедушкой. Я много о ней слышала».

«А кто такой ваш дедушка?»

«Он занимал высокий пост в царской тайной полиции. Сегодня уже можно говорить об этом откровенно. "Охранка", безусловно, отличалась меньшей жестокостью, чем НКВД или КГБ, но и она занималась террором, провокациями и шпионажем. В частности, на Ближнем Востоке».

«Например?»

«Например, мой дедушка приезжал сюда с разведывательной миссией и даже помогал сионистам, хоть и не имел на это права. Вы первый, кому я говорю об этом. Прошло ведь больше ста лет...»

«Что значит "помогал сионистам"? Разве существовала какая-то связь между русской тайной полицией и Палестиной? Здесь ведь правили турки...»

«Вы слышали о "Протоколах сионских мудрецов"?»

Офицер вспоминал с трудом. На армейских курсах по истории сионизма он сдавал по этой теме экзамен и смутно помнил, что «Протоколы» послужили обоснованием антисемитизма нацистов, хоть и были сочинены в кругах русской тайной полиции с целью доказать существование еврейского заговора, направленного на овладение миром.

«Каким образом "Протоколы" связаны с вами?»

«Моего дедушку прислали сюда собирать информацию о происходящем в Палестине, но в сведениях, кото-

рые он собирал, его начальство не нуждалось. Ведь он сообщал вещи прямо противоположные тому, что от него хотели услышать. Потому его и отозвали обратно в Россию. Можете себе представить, какая отвага нужна и какое хладнокровие, чтобы, оставаясь в рядах тайной полиции, действовать против нее. Вот ваша разведка "Мосад" прославилась на весь мир своей надежностью. А ведь это так непросто — собирать положительную информацию о враге, которого хочешь уничтожить! Какая сильная для этого нужна мотивация!»

«А при чем здесь дом, который вы так упорно хотите увидеть?»

«Этот дом имеет прямое отношение к моему дедушке. Его построили для Ольги, чтобы в часы одиночества она могла сидеть у окна, смотреть и размышлять. В это время он тоже выходил в Петербурге к заливу и разговаривал с морем. Море безгранично, как любовь, — улыбнулась она, обнажив два передних золотых зуба. — Когда любовь начинается, никогда не знаешь, к чему она приведет. Ольга попросила, чтобы ей построили дом на берегу, и муж выполнил ее просьбу. Я знаю, что его звали Иегошуа Ханкин и он скупал земли. Ольга ему очень помогала. Благодаря этим людям вы снова стали нормальным народом, владеющим землей. Но одновременно Ольга любила моего деда, а он ее. Из-за любви к ней он назвал свою дочь Ольгой. Но он был православным, а Ольга Белкинд — еврейкой. Она не хотела отказываться от своего народа и не согласна была принимать жертвы от любимого человека. От деда остались дневник и неотправленные письма. Многие годы о них никто не знал, даже бабушка, но после ее смерти мы обнаружили их в старом кожаном чемодане на чердаке. В дневнике он писал о своей любви к Ольге и о том, что он делал для нее и для вашего народа. Он также высказывал пожелание, чтобы кто-нибудь из потомков когда-нибудь посетил Палестину и разыскал дом на морском берегу. Поэтому я сюда и приехала. Хотела побывать и в Иерусалиме, но времени уже не осталось — самолет вылетает в полночь, а мне еще нужно купить сувениры для родственников. Они, кстати, тоже много знают о вас».

Офицер и гостя вышли из машины и двинулись по гравийной дорожке в сторону заброшенного здания. Круглый балкон выходил на море. Дом был бы очень красивым, если бы не такая запущенность. Повсюду валялись окурки, пустые жестяные банки, осколки стекла, обрывки старых газет, присыпанные песком.

«Я слыхала, что соседний поселок тоже называется Гиват Ольга, по имени Ольги Белкинд. Не думаю, однако, что многие знают, кто это такая».

«Я бы тоже никогда не узнал, если бы не ваше упорство», — пробормотал офицер. Ему не терпелось вернуться на базу и как следует выспаться в комнате с кондиционером. Было очень жарко, и неделя хлопот, связанных с приемом российской делегации, измотала его. «Названия мест меня не интересуют. Не знаю, в чью честь названы Гиват Ада, Пардес Хана или Рамат Рахель. Мне это не интересно».

Соня Федорова сделала вид, что не услышала его реплику. Потом она сказала: «Еще одну вещь я не понимаю и никогда не пойму».

«Хорошо, что только одну. У нас в Израиле много странного и непонятного», — улыбнулся офицер и решительно направился к тендеру в надежде, что гостя идет за ним.

«Удивительный вы народ. Двадцатый век породил много общественных движений, которые в конце концов обанкротились, — нацизм, фашизм, коммунизм... А сионизм выжил. Вы похожи на вековую оливу с высохшим стволом и корнями, ушедшими глубоко в землю, на ветках которой все время появляются новые листья. Пробуждение вашего народа было незаметным, осуществлялось силами горстки людей, наделенных большой верой в будущее. Все великие общественные движения, появившиеся в конце девятнадцатого века, потерпели фиаско, а сионизм отпраздновал столетний юбилей и благополучно здравствует. Вторая мировая война чуть было не уничтожила еврейский народ, но вы возродились как независимая нация со своим государством, правительством и армией. Знаете, зачем Ольге нужен был дом на морском берегу?»

Офицер не знал и не хотел знать.

«Ольга ощущала свою принадлежность к поколению, вышедшему из Египта, из дома рабства, и прибывшему на родную землю, чтобы жить нормальной жизнью. По дороге нужно пересечь море, что невозможно. Нельзя переправиться через море без посторонней помощи. Ваш Моисей это понимал и высушил полоску земли, чтобы море осталось за спиной. Переход через него труден, продолжителен и опасен. Всю жизнь Ольга переправлялась через свое море. Не только она, но и ее муж, скупщик земель, которого звали, как нашего Искупителя. Благодаря им у вас есть земля, но процесс превращения в свободный народ — процесс длительный и болезненный. Каждому нужно перейти свое море, а это трудно и опасно. Ольга это понимала. Она знала, что никто не вправе забывать, откуда пришел и куда идет. Созерцание моря помогало ей помнить. К тому же она знала, что море, небо и песок существуют вечно, только меняются: иногда они серы, печальны, хмуры, а иногда мягки и светлы».

Яркое солнце слепило глаза, и ветер бросал песчинки в лицо. Стояла жара. Море походило на голубое шелковое платье с блестками, мягкими складками спускающееся на песок.

ГОДЫ РАССКАЗЫВАЮТ

- 1852** — Родилась в Лагойске возле Пинска (Белоруссия).
- 1866** — Семья переехала в Могилев. Там Ольга училась в гимназии и работала телеграфисткой.
- 1875–1886** — Училась на акушерских курсах и работала акушеркой в Петербурге.
- 1886** — Совершила алию и поселилась в Ришон-ле-Ционе. Встретила Иегошуа Ханкина.
- 1887** — Бунт жителей Ришон-ле-Циона против администрации барона Ротшильда. Ольга организует делегацию к супруге барона и способствует разрешению конфликта.
- 1888** — Свадьба Ольги и Иегошуа в Гедере.
- 1889** — Ольга и Иегошуа перебираются в Яффу.
- 1889** — В Гедере родился Авшалом, сын Фанни, урожденной Белкинд (сестры Ольги), и Исразля (Лолика) Файнберга.

- 1890** — Покупка Иегошуа Ханкиным земель Реховота и Хадеры при помощи и поддержке Ольги.
- 1891** — Владимир Темкин назначен председателем исполкома «Ховевей Цион» в Яффе. Он начинает принимать участие в покупке земель.
- 1891** — Под влиянием Ольги Иегошуа Ханкин совершает первые попытки приобретения земель Изрезльской долины.
- 1891–1902** — Ольга и Иегошуа переживают финансовый кризис и подвергаются преследованиям.
- 1903** — Приезд Мани Вильбушевич в Палестину. Ольга и Иегошуа становятся ее друзьями.
- 1904** — Начало дружбы Ольги с русским бароном Платоном Устиновым, приехавшим в Палестину в 1861 году и проживавшим в Яффе.
- 1910** — Иегошуа покупает земли Фулы (Мерхавия) при помощи и поддержке Ольги.
- 1913** — Постепенная скупка земель Тель Адаса.
- 1914** (август) — Началась Первая мировая война.
- 1915** — Иегошуа Ханкин, Исразэль и Маня Шохат выслааны в Турцию. Ольга едет с ними. Сперва их ссылают в Сивас, потом переселяют в Бурсу.
- 1916** (февраль) — Авшалом приезжает в Константинополь, а потом встречается с Ольгой в Бурсе.
- 1917** (январь) — Член организации НИЛИ Авшалом Файнберг гибнет на Синае, направляясь на встречу с англичанами.
- 1918** (сентябрь) — Ольга и Иегошуа возвращаются в Яффу.
- 1920–1921** — При помощи и одобрении Ольги Иегошуа покупает у эфенди Сурсука 60 000 дунамов земли Нуриса (Изрезльская долина).
- 1921–1924** — Иегошуа Ханкин приобрел 5500 дунамов в долине Звулун, 44 000 дунамов в Изрезльской долине и 13 300 дунамов в Южном Шароне.

- 1925** — Приобретено 160 000 дунамов в долине Звулун, Иорданской долине, 44 000 дунамов в Изреэльской долине, Хайфе, Самарии и Шароне.
- 1929–1936** — При участии Иегошуа приобретено 120 000 дунамов, в основном земли Хулы. Затем Иегошуа купил 80 000 дунамов, преимущественно в Западной Галилее, а также земли вокруг Безр-Шевы.
- 1942 (апрель)** — Умерла Ольга.
- 1945** — Умер Иегошуа.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава первая. Любовь с первого взгляда	7
Глава вторая. Связи	11
Глава третья. В Петербурге	15
Глава четвертая. Письмо из Палестины	22
Глава пятая. У Ялага	27
Глава шестая. «Визит»	34
Глава седьмая. Человек зол от природы	38
Глава восьмая. Легко пришло — легко и ушло	43
Глава девятая. Женщины	48
Глава десятая. Жена и мать	54
Глава одиннадцатая. Одиночество вдвоем	61
Глава двенадцатая. Принцесса Джихан	70
Глава тринадцатая. Награда акушерки	75
Глава четырнадцатая. Дом у моря	83
Глава пятнадцатая. Закаляют ли страдания	90
Глава шестнадцатая. Миссия в Палестину	95
Глава семнадцатая. Этот безумец Ханкин	105
Глава восемнадцатая. Самая красивая долина	112
Глава девятнадцатая. Встреча	120
Глава двадцатая. Зов жизни	129
Глава двадцать первая. Человек и земля	133
Глава двадцать вторая. Ищите женщину	142
Глава двадцать третья. Перелом	149
Глава двадцать четвертая. Андромеда	152
Глава двадцать пятая. Что такое любовь	163

<i>Глава двадцать шестая. Новые филистимляне</i>	170
<i>Глава двадцать седьмая. Ифтах, Эхуд или Гидеон?</i>	180
<i>Глава двадцать восьмая. Первое поселение в долине</i>	188
<i>Глава двадцать девятая. Тысяча поцелуев</i>	197
<i>Глава тридцатая. Мировая война</i>	202
<i>Глава тридцать первая. Бурса</i>	206
<i>Глава тридцать вторая. Авшалом</i>	213
<i>Глава тридцать третья. Господь заставил меня страдать...</i>	220
<i>Глава тридцать четвертая. Сделаем — и будет видно</i>	226
<i>Эпилог. Песнь моря</i>	229
<i>Годы рассказывают</i>	234

ЛР № 030851 от 08.09.98.

Издательство «Мосты культуры».

103051, г. Москва, ул. Трубная, д. 29, к. 56.

Подписано в печать 05.04.2002. Формат 84×108/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 7,5 + 0,5 вкл. Тираж 1200 экз. Заказ № 1195.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Моск. обл., Октябрьский пр-т, 403

Ассоциация «Гешарим» (Иерусалим) / «Мосты культуры» (Москва) осуществляет совместные издательские проекты в сотрудничестве с Федерацией еврейских общин России.

**В серии «Израиль. Война и мир»
вышли следующие книги:**

ЙОНАТАН НЕТАНИЯГУ
Письма. Пер. с иврита. М., 2001. С. 336

ИДО НЕТАНИЯГУ
Последний бой Йони. Операция «Энтеббе»
Пер. с иврита. М., 2001. С. 256

ДАВИД ШЕХТЕР
Рядом с премьер-министрами. М., 2001. С. 352

РАФИ МАНН
Что ты сделал для страны? М., 2001. С. 32

ТАТЬЯНА ЮРКОВА
Платье для первой леди (записки жены дипломата)
М., 2001. С. 336

100 ЛЕТ СИОНИЗМУ. АЛЬБОМ
М., 2001. С. 336

Ассоциация «Гешарим» (Иерусалим) / «Мосты культуры» (Москва) при
участии, Благотворительного Фонда «Российский Еврейский Конгресс»
продолжает издание следующих серий:

ПРОШЛЫЙ ВЕК

*Воспоминания деятелей
еврейской науки и культуры*

ПАМЯТНИКИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

*Репринтные издания книг
по еврейской истории и культуре,
вышедших в русско-еврейской эмиграции XX века*

ИЗРАИЛЬ. ВОЙНА И МИР

*Книги по истории возрождения еврейской
государственности, про сегодняшний Израиль
и его столицу Иерусалим*

ЛИТЕРАТУРА ИЗРАИЛЯ И ДИАСПОРЫ

*Художественные произведения,
написанные на русском языке
и переведенные с иврита*

ШЕДЕВРЫ ЕВРЕЙСКОГО ИСКУССТВА

*Художественные альбомы памятников
еврейской культуры*

